

Всесмика Знаки

СОДЕРЖАНИЕ № 5.

Профес. Максимъ Макс. Ковалев-скій. Происхождение всеобщей подачи голосовъ.

Р. Броунигъ. Поэма „Андреа дель-Сарто“. Перев. Л. Рускина.

Д-ръ А. Дессау. Новая данные о рентгеновскихъ и беккерелевыхъ лучахъ.

А. А. Радищъ. Желѣзодѣлательная промышленность Германіи.

Профес. Заборовскій. Центральная Азія и происхождение арийцевъ.

Г. М. Пилипенко. Въ поискахъ земли. (Дорожныя впечатлѣнія въ Сибири).

Ф. Ле-Дантесъ. Жизнедѣятельность протоплазмы съ химической точки зрѣнія.

Д-ръ Г. Либихъ. Юстусъ Либихъ. (По поводу столѣтія со дня рожденія).

Н. Окнерузамъ. Золотой телець и культуртрегеры. (Соціально-психологическій этюдъ).

А. К. Смоликовъ. Собираніе бабочекъ, какъ доходная статья.

Юрій Веселовскій. Литературные отголоски: „На иновомъ мѣстѣ“ Н. Хотымскаго.—„Бабъ“ историческая драма г-жи И. Гриневской.—Памяти Раффи, армянскаго борца за свободу.

Изъ литературы и жизни.—I. Сенкевичъ и Золя.—II. Священная пещера — «Олисай-донъ».—III. У лотосовыхъ озеръ.—IV. Сибирскій «слѣдопытъ».

Вопросы народнаго образованія. А. А. Николаевъ. Къ вопросу о народной газетѣ. *Библиографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія.*—I. Общее дѣло.—II. А. С. Борецкій. «Милліонъ».—А. А. Н.

Библиографія. 1) Дорошевичъ. «Сахалинъ» (каторга).—Вс. Аюкина. 2) Русская высшая школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ.—В. И. 3) Миллеръ. Акваріумъ. Руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Описаніе водныхъ растений и животныхъ.—В.

Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. Третій академическій годъ.—Попечительный совѣтъ.—Администрація.—Уставъ.—Программа на 1903/4 учебный годъ.—Статистическій отчетъ.—Распредѣленіе учащихся по образованію.

Научная хроника. *Біологія, фізіологія, медицина.* Происхожденіе жизни на землѣ.—Что такое жизнь?—Жизнеспособность сперматозоидовъ.—Приготовленіе противоядной сыворотки отъ укуса змѣй.—*Геологія, географія, ботаника.* Къ вопросу объ Атлантическомъ материкѣ.—Вредное вліяніе дыма на растенія.—Волоросли, бурящія камни.—*Физика, техника.* Жидкій воздухъ.

Отвѣты подписчикамъ.

Списокъ книгъ, присланныхъ для отзыва.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ № 5:

1. „Общедоступный Университетъ“:—„Атмосфера“. Часть третья.
2. „Энциклопедическая Библіотека для самообразованія“:—Л. Бреннеръ и В. Бельше. „Астрономическіе вечера“.
3. Читальня „Вѣстника Знанія“:—„Соціальныя утопіи“.

№ 5.

1903.

Вѣстникъ Знанія

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И
ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ
СЪ
ПРИЛОЖЕНІЯМИ
ДЛЯ
САМООБРАЗОВАНІЯ.

Редакторъ-издатель В. В. БИТНЕРЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

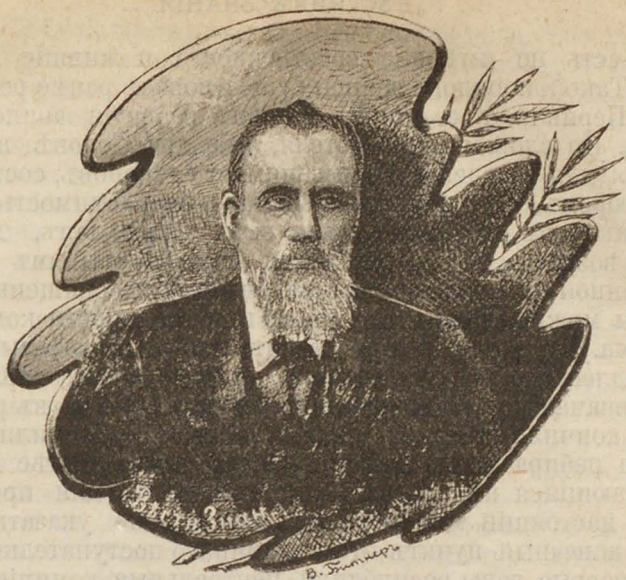
1903

1903.

№ 2.

Дозволено цензурою. Спб., 25 Июня 1903 г.

Типографія Т-ва «Народная Польза», Спб. Коломенская, 39.

Максимъ Максимовичъ Ковалевскій.

Проф. М. М. Ковалевскій.

Происхожденіе всеобщей подачи голосовъ *).

Въ числѣ предразсудковъ, когда-то сильно распространенныхъ, однимъ изъ самыхъ значительныхъ является мнѣніе, будто человѣкъ, обладающій имуществомъ движимымъ или недвижимымъ, имѣетъ исключительное право вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ, и что неимущіе не должны въ этомъ случаѣ имѣть права голоса. Попытаюсь въ короткій промежутокъ времени, которымъ я могу теперь располагать, доказать вамъ, что это предразсудокъ появился въ относительно весьма недавнее время и вообще былъ неизвѣстенъ какъ въ древности, такъ и въ средніе вѣка. Такое утвержденіе неизбѣжно вызываетъ сомнѣніе. Какъ,—скажутъ мнѣ,—вы полагаете, что въ тѣ времена, когда народъ подраздѣлялся на классы, всеобщее голосованіе существовало не только въ головахъ нѣкоторыхъ одинокихъ мыслителей, но и на дѣлѣ? Да, по крайней мѣрѣ, вездѣ, гдѣ первобытная демократія не исчезла вполне, благодаря побѣдамъ королевской власти и аристократіи,—это можно уже замѣтить.

Г. Фримэнъ знаменитый англійскій исторіографъ, доказалъ несомнѣннымъ образомъ, что въ Греціи временъ Гомера и позднѣе, въ Спартѣ, равно какъ и въ Аѣнахъ, всѣ главы семей были созываемы на общественную площадь, или агора, и ихъ совѣщанія рѣшали участь царей, равно какъ и другихъ политическихъ вождей страны. Въ Аѣнахъ всѣ четыре класса гражданъ были призываемы къ голосованію, и этого права не были лишены

*) Рѣчь (на французскомъ языкѣ), произнесенная при торжественномъ открытіи Новаго университета.

эты, то-есть не имѣвшие собственности и жившіе на чужихъ поляхъ. Такой порядокъ вещей существовалъ ранѣе реформъ Эфиальта и Перикла, т. е. еще до полнаго развитія афинскаго демократизма. По словамъ Аристотеля, уже при Солонѣ весь народъ созывался для сужденія о примѣнимои законовъ, составленныхъ реформаторомъ, что, понятно, означало необходимость признанія этихъ законовъ совокупностью всѣхъ гражданъ, достигшихъ зрѣлаго возраста и собиравшихся подъ открытымъ небомъ на общественной площади, или въ какомъ-нибудь священномъ мѣстѣ. Много бы можно сказать о составѣ и дѣятельности комицій древняго Рима. Трудно себѣ представить что-либо любопытнѣе наблюденія медленнаго поступательнаго движенія, благодаря которому плебеи, вначалѣ устранные отъ вмѣшательства въ руководство дѣлами, кончили тѣмъ, что захватили и сосредоточили въ своихъ рукахъ и избираемыхъ ими трибуновъ права, болѣе или менѣе приближающіеся къ правамъ патриціевъ. Но для преслѣдуемой нами въ настоящій моментъ цѣли достаточно указать исходную точку и конечный пунктъ этого длиннаго поступательнаго движенія. Въ первые годы республики центральныя комиціи удѣляютъ плебеямъ только незначительное число голосовъ, недостаточное для перевѣса надъ восемьюдесятью голосами, предоставленными патриціямъ, и шестнадцатью, имѣвшимися въ распоряженіи центурій всадниковъ.

Съ другой стороны, постановленія комицій плебеевъ, установленныя въ 494 г. до Р. Х., касались и имѣли силу лишь въ отношеніи вопросовъ, исключительно затрагивавшихъ интересы самихъ плебеевъ. Но уже въ 449 году до Р. Х. такія постановленія были признаны равносильными законодательнымъ актамъ. Это рѣшеніе, долгое время фактически остававшееся мертвою буквою, было окончательно приведено въ исполненіе въ 339 году, когда сталъ обнародованъ знаменитый законъ *Publilia Philonis*. Хотя представляется несомнѣннымъ, что всѣ плебисциты по-прежнему подлежали утвержденію сената, согласно общеизвѣстному правилу, что: „*Populi Comitia ne essent rata nisi ea patrum approbasset auctoritas*“, тѣмъ не менѣе, въ 236 до Р. Х. было признано, что это правило не должно быть примѣняемо къ рѣшеніямъ, постановляемымъ народомъ въ его комиціяхъ (*lex Hortensia*). Такимъ образомъ, всеобщее голосованіе окончательно утвердилось въ Римѣ, и только появленіе на престолѣ такихъ личностей, какъ Августъ и, особенно, деспотъ Тиверій, могло положить конецъ такому порядку, при которомъ народъ распоряжался своей судьбою совершенно самостоятельно.

Воинственныя племена, ко времени вторженія которыхъ въ предѣлы римской имперіи приурочивается начало современной исторіи, относились всегда враждебно ко всякому правленію, не основанному на принципѣ всеобщаго голосованія. Это одинаково относится къ германцамъ, о которыхъ мы узнаемъ изъ Тацита, какъ и къ славянамъ. Даже въ Россіи народныя собранія существовали цѣлые вѣка и были уничтожены вслѣдствіе постепеннаго усиленія самодержавія въ эпоху могущества великихъ князей, въ послѣдствіи царей московскихъ.

Наши вѣча, или народныя собранія, своимъ демократическимъ характеромъ вполнѣ напоминали народныя собранія гер-

манцевъ. „Когда дѣло касалось маловажныхъ вопросовъ—говорить о нихъ Тацитъ—народные вожди совѣщались только между собою; для разсмотрѣнія же вопросовъ первостепенной важности созывался весь народъ“. Отъ этихъ народныхъ собраній у франковъ въ эпоху Каролинговъ сохранились только Мартовскія поля и нѣсколько позднѣе Майскія поля. Подъ давленіемъ автократіи эти собранія мало-по-малу преобразились въ военные смотры и въ собранія народа для объявленія новыхъ законовъ. Нѣсколько позднѣе, когда Филиппъ Красивый въ 1302 г. счелъ нужнымъ; обратиться къ различнымъ сословіямъ своего государства и по требовалъ выборныхъ въ генеральныя штаты, *prévôts* и *baillis* были уполномочены созвать въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ всѣхъ совершеннолѣтнихъ гражданъ. На этихъ-то собраніяхъ общины выдѣляли избирателей, которые являлись делегатами третьяго сословія. Г. Эрвье вполне доказалъ этотъ фактъ въ его замѣчательно дѣльной и ученой монографіи о выборахъ въ генеральныя штаты въ XIV и XV вѣкахъ. Подобное же явленіе замѣчается и въ Англіи, но не во время владычества англо-саксовъ; чтобы встрѣтиться съ народными собраніями, соотвѣтствующими вѣчу древней Руси или собраніямъ древнихъ германцевъ, надо обратиться къ болѣе древнему періоду.

Въ эпоху гептархій и даже позднѣе, когда маленькія англо-саксонскія государства соединились въ одно цѣлое, такъ называемые „фолькмуты“ смѣняются совѣтами, составленными изъ тэновъ или уитэновъ, т. е. изъ должностныхъ лицъ какъ гражданскихъ, такъ и военныхъ. Только во второй половинѣ XIII столѣтія впервые были призваны общины для отправки делегатовъ въ учрежденіе, которое впослѣдствіи преобразовалось въ Верховный Совѣтъ и Палату Пэровъ. Шерифы, или правители провинцій, получили приказъ произвести выборы делегатовъ (рыцарей, или „*milites*“) въ Палату Общинъ на общемъ народномъ собраніи ввѣреннаго ихъ управленію графства. Такъ возникло всеобщее голосованіе въ Англіи и въ такомъ видѣ существовало до XV вѣка, когда во избѣжаніе дорого стоящихъ переѣздовъ и вслѣдствіе усиленія вліянія поземельной аристократіи и городской олигархіи, цензъ въ сорокъ шиллинговъ съ дохода отъ леннаго владѣнія, обязательный для избираемыхъ, былъ распространенъ также и на избирателей графствъ.

Въ ту же эпоху совершилось сосредоточеніе муниципальной власти въ рукахъ корпораціи торговцевъ и промышленниковъ. Это вызвало ослабленіе и въ концѣ концовъ исчезновеніе этихъ собраній общинъ, или общихъ совѣщаній, которыя когда-то руководили дѣлами городовъ и селеній. Муниципалитетъ, численный составъ котораго постепенно уменьшался, и члены котораго вскорѣ стали рекрутироваться среди ихъ самихъ, получилъ право самолично производить выборъ представителей города въ парламентъ.

Такимъ образомъ въ древніе времена и въ средніе вѣка въ странахъ съ монархическимъ правленіемъ мы находимъ слѣды первобытной демократіи. Само собою разумѣется, что въ этомъ случаѣ можно прежде всего указать на республиканскія правительства нѣкоторыхъ городовъ Италіи и Германіи, гдѣ простой народъ продолжалъ пользоваться народными собраніями носившими различныя названія: *avingha*, *parliamentum*, *commune consilium*

или *placitum* и друг. Лишь нѣсколько вѣковъ спустя послѣ торжества коммунальныхъ вольностей разнообразная дѣятельность совѣтовъ и городскихъ сановниковъ перестала подвергаться непосредственному контролю народа; право контроля перешло къ маленькимъ и большимъ совѣтамъ, члены котораго выбирались изъ среды богатой буржуазіи.

Впрочемъ, многіе города Италіи еще въ XIII и XIV вѣкахъ пытались, хотя не всегда удачно, расширить кругъ лицъ, принимающихъ участіе въ управленіи, привлекая на ряду съ „*popolo grasso*“, или „богатыми буржуа“, занимавшимися благородными искусствами, и людей простого класса. Надо замѣтить, что изъ числа занимавшихся низшими профессіями простые рабочіе, не принадлежавшіе къ корпораціямъ, были устранены отъ всякаго участія; недовольные такимъ положеніемъ, они часто дѣлали попытки захватить власть въ свои руки и преобразовать республику сообразно съ своими интересами. Такова именно была цѣль знаменитаго возстанія Чіомпи во Флоренціи, давшего очень короткое временное торжество побѣдителямъ, которое вскорѣ было залито кровью самихъ возставшихъ вслѣдствіе возникшихъ между предводителями несогласій. Такія же движенія со столь же печальными послѣдствіями имѣли мѣсто и въ другихъ италіянскихъ городахъ. Даже въ аристократической Венеціи Баямонте Тіэполо пытался, хотя и безплодно, уничтожить организацію Верховнаго Совѣта, установленную дожемъ Пьетро Градениго. По условіямъ этой организаціи туда не допускали никого другого, кромѣ членовъ семей, входившихъ въ составъ названнаго совѣта въ теченіе пяти лѣтъ, предшествовавшихъ 1297 г. Подобныя попытки со стороны низшихъ слоевъ населенія имѣли мѣсто не только въ Италіи, но и въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ, въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, въ серединѣ или къ концу XIV вѣка возмущившіеся крестьяне могли разсчитывать на поддержку городского населенія, которое только и желало положить конецъ существованію тайныхъ совѣтовъ, образуемыхъ не гласнымъ порядкомъ. Вотъ почему Этьенъ Марсель не отказался отъ союза съ Жакеріей, а чернь подъ предводительствомъ Уатта Тэйлора и другихъ вождей нашла въ Соутуркѣ и вообще въ народныхъ кварталахъ Лондона восторженный пріемъ. Въ началѣ XVI вѣка, когда Карль V былъ возведенъ на императорскій престолъ, города Арагонскаго королевства и, особенно, Валенція присоединялись къ инсurreнціонному движенію, извѣстному подъ названіемъ коммунады. Они стремились къ организаціи городского управления и милиціи на демократическихъ началахъ. Съ эпохи послѣ реформациі, когда, какъ извѣстно, Іоаннъ Лейденскій и другіе предводители анабаптистовъ сумѣли создать въ зачаточномъ видѣ республику свободныхъ и равноправныхъ гражданъ въ городѣ Мюнстерѣ, начинается паденіе демократическаго начала. Какъ только принципы автократіи получили достаточно полное развитіе сначала во Франціи, а затѣмъ и въ другихъ странахъ Европы, что имѣло мѣсто въ концѣ XVI и въ первой половинѣ XVII вѣковъ, мы уже не видимъ демократическихъ республикъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи, и всеобщее голосованіе, какъ основа выборной системы, совершенно исчезаетъ! Между тѣмъ, подъ вліяніемъ религіозной борьбы, совершается подъемъ духа

въ простомъ народѣ и просыпается вполнѣ естественное стремленіе расширить основанія государственной власти. Однако, публицисты реформации являются большей частью сторонниками аристократіи. Они проникнуты однимъ только стремленіемъ вырвать власть изъ рукъ императора, оставшагося вѣрнымъ католицизму, и передать ее въ руки нѣсколькихъ сильнѣйшихъ владѣтельныхъ государей, какъ, напримѣръ, герцога Саксонскаго, а также городской буржуазіи, на половину охваченной пропагандой лютеранства, кальвинизма и ученія Цвингли. Отсюда стремленіе религіознаго и гражданскаго реформатора Кальвина въ Женевской республикѣ сосредоточить власть въ рукахъ верховнаго городского совѣта, составленнаго исключительно изъ богатыхъ буржуа, т. е. изъ сливокъ городского населенія. Результатомъ того же стремленія является подобная конституція, данная Цвингли городу Цюриху. Неуступчивость Лютера по отношенію къ требованіямъ поработенныхъ крестьянъ Германіи въ эпоху знаменитыхъ крестьянскихъ войнъ объясняется тѣми же причинами. Демократическая идея окрѣпла и успѣшно начала распространяться только съ того момента, когда кальвинисты, извѣстные въ Шотландіи подъ названіемъ пресвитеріанцевъ, вступили въ открытую борьбу съ католической монархіей Маріи Стюартъ и противопоставили политической системѣ этой монархіи свою церковную организацію, основанную на принципѣ свободнаго выбора пресвитеровъ всѣми членами общины. Распространить это правило на всѣ гражданскія власти государства было идеаломъ Буханана и многихъ другихъ протестантскихъ публицистовъ. Самымъ вліятельнымъ и даровитымъ выразителямъ этихъ стремленій является, какъ мнѣ кажется, Альтузіусъ, авторъ книги. «Политика».

Не безъ основанія профессоръ Герке признаетъ его однимъ изъ предшественниковъ Руссо. Въ этомъ отношеніи Альтузіусъ, сходясь съ авторомъ *Contrat Social*, высказывается въ пользу народнаго главенства, объявляя, во-первыхъ, что высшая государственная власть можетъ имѣть своимъ источникомъ только волю всей совокупности гражданъ, а во-вторыхъ, что эти права остаются нераздѣльными съ этой совокупностью гражданъ и, слѣдовательно, не могутъ быть переданы кому либо другому.

Такимъ образомъ всѣ правители какъ съ точки зрѣнія Альтузіуса, такъ и съ точки зрѣнія Руссо, представляютъ собою только уполномоченныхъ народа, облеченныхъ властью гражданами и предъ ними отвѣтственныхъ за свои дѣйствія и поведеніе. Живя въ сосѣдствѣ съ Нидерландами и лично занимая постъ высшаго должностнаго лица маленькой федеративной республики, Альтузіусъ ввелъ въ свою теорію много тождественнаго съ организаціей этихъ двухъ республикъ. Его сочиненія сдѣлались однимъ изъ главныхъ источниковъ, откуда радикалы въ Англіи, вступивъ въ союзъ съ пресвитеріанцами, черпали свое демократическое ученіе.

Весьма любопытно прослѣдить вліяніе этого автора на англійскихъ памфлетистовъ первой половины XVII вѣка; данный вопросъ никогда еще не разматривался сколько-нибудь удовлетворительно, и я мимоходомъ указываю на него тѣмъ изъ моихъ слушателей, которыхъ интересуетъ послѣдовательность развитія демократическихъ идей въ Европѣ. Французскій гугенотъ, кото-

раго совершенно ошибочно долго смѣшивали съ Лангэ, былъ некто иной, какъ другъ послѣдняго, и назывался Дюплесси Морнэй. Онъ былъ авторомъ памфлета, появившагося въ концѣ XVI вѣка и надѣлавшаго много шума, благодаря ярко выраженному въ немъ враждебному отношенію къ тиранніи. Эти „*Vindiciae contra tyrannos*“ содержатъ на ряду съ общей тенденціей, непосредственно заимствованной у католическихъ писателей, въ особенности, у іезуитовъ Марина и Суареца, оригинальную теорію, хотя и мало согласную съ идеями, высказанными почти одновременно Альтюзіемъ. Эта идея заключается въ договорѣ, устанавливающемъ отношенія народа къ избраннымъ имъ правителямъ и обеспечивающемъ націю неприкосновенность правъ человѣка и гражданина.

Въ Англіи же эти идеи восторжествовали съ появленіемъ левеллеровъ самымъ популярнымъ представителемъ которыхъ является Джонъ Лильбэрнъ. Онъ училъ, что англичане, какъ свободный народъ, не должны выпускать изъ своихъ рукъ верховную власть; договоръ и избраніе представляются единственными источниками власти, предоставляемой сановникамъ, и всякій пользующійся властью, отнятой у народа, который имѣетъ на нее исключительное право, долженъ быть разсматриваемъ, какъ узурпаторъ.

Власть законодательная, равно какъ и власти исполнительная и судебная, принадлежать и совмѣщены въ народѣ, осуществляющемъ ихъ, однако, посредствомъ имъ избранныхъ лицъ, или, говоря иными словами, посредствомъ парламентовъ, совѣтовъ и присяжныхъ засѣдателей. Каждый разъ, когда возникаетъ какое-либо недоразумѣніе въ отношеніяхъ между правящими и управляемыми, только свободное соглашеніе между этими двумя сторонами въ правѣ устранить пререканія и не допустить столкновенія. Новый договоръ, возникающій изъ этого соглашенія, становится на будущее время обязательнымъ закономъ. Таково ученіе, изложенное въ знаменитомъ памфлетѣ, озаглавленномъ „Возстановленіе основныхъ законовъ и вольностей Англіи“. Лильбэрнъ и левеллеры не являются одинокими въ качествѣ защитниковъ правъ англійскаго народа; рядомъ съ пресвитеріанцами мы видимъ появленіе въ Англіи секты, еще болѣе непреклонной и не желающей признавать иныхъ религіозныхъ вождей, кромѣ проповѣдниковъ, каждый разъ особо избираемыхъ всей общиной на опредѣленное время. Секта эта, называемая индепендентами, появилась въ эпоху царствованія королевы Елизаветы. Одинъ изъ основателей этой секты, нѣкто Броунъ, признавалъ авторитетами въ церковныхъ дѣлахъ только выборныхъ. Подобное ученіе, въ примѣненіи къ любой государственной организаціи, оказывалось враждебнымъ всякому правительству, не построенному на демократическихъ началахъ. Оно требовало свободнаго избранія всѣхъ высшихъ должностныхъ лицъ республики, являющихся только уполномоченными народа, ограниченными въ своей дѣятельности точными и опредѣленными инструкціями, не подлежащими ни нарушенію, ни превышенію.

Когда Карлъ I попалъ въ руки арміи Кромвеля, состоявшей изъ индепендентовъ и въ силу этого враждебной пресвитеріанскому большинству Долгаго Парламента, совѣтъ офицеровъ, собранный генералиссимусомъ, обсуждалъ организацію, которую предстояло дать государству. Отчетъ объ этихъ совѣщаніяхъ былъ

составленъ однимъ изъ секретарей совѣта, по фамиліи Кларкъ. Разысканный и обнародованный только въ недавнее время, онъ даетъ намъ возможность проникнуть въ самую суть совѣщаній и вопросовъ, поднятыхъ въ 1648 году учредителями англійской республики на началахъ всеобщаго голосованія. Среди подававшихъ мнѣнія капитанъ Рэнсбороу рѣшительно высказался въ пользу всеобщаго голосованія. „Я полагаю, что самый бѣдный, наравнѣ съ самымъ богатымъ, долженъ имѣть одинаковое право засвидѣтельствовать своимъ избраніемъ о своемъ желаніи жить подъ управленіемъ выбранныхъ имъ властей, такъ какъ всякій въ Англіи долженъ повиноваться только тѣмъ властямъ, которыя поставлены свободнымъ избраніемъ“.

Этому ученію полного равенства правъ, какъ общественныхъ, такъ и политическихъ, нѣкоторые вожди республики, учрежденной Кромвелемъ, и, особенно, нѣкто Айртонъ противопоставили теорію, которая предоставляла право избранія только землевладѣльцамъ. Въ своихъ выводахъ они исходили изъ ни на чемъ не основаннаго предположенія, что только эти собственники заинтересованы въ сохраненіи общественнаго порядка и обезпечивающей его конституціи. „Я того мнѣнія,—говоритъ Айртонъ,—что никто не долженъ быть допускаемъ къ участию въ дѣлахъ управленія страной и къ избранію лицъ, которымъ будетъ поручено составленіе законовъ, если онъ не имѣетъ прочныхъ интересовъ въ той или другой части государства. Совокупность лицъ, обладающихъ земельною собственностью и, слѣдовательно, имѣющихъ прочные интересы въ странѣ, представляетъ собою единственный классъ людей, имѣющихъ право быть представителями народа въ парламентѣ. А потому, только эти лица могутъ принимать участіе въ избраніи. Нелѣпо толковать о естественномъ правѣ на избраніе. Появляясь на свѣтъ, люди пріобрѣтаютъ только право на воздухъ, которымъ дышать, и на то пространство, въ которомъ они вращаются. Предоставить имъ право избранія было бы равносильно предоставленію права свободнаго распоряженія имуществомъ и землею, которыя вовсе имъ не принадлежатъ. Если люди, не имѣющие имущества, будутъ имѣть право избранія, это приведетъ неизбѣжно къ уничтоженію всякой собственности и всякого дѣйствительнаго права“.

Эта теорія, очевидно, вполне соотвѣтствовала тому порядку съ правилами о цензѣ, который установился въ Англіи въ концѣ XV вѣка и который требовалъ отъ избирателя обладанія недвижимымъ имуществомъ, приносящимъ доходъ въ 40 шиллинговъ.

Во времена Ланкастерской династіи эта мѣра была введена съ цѣлью освобожденія неимущихъ людей отъ расходовъ по перѣздамъ, но съ точки зрѣнія Айртона она была какъ бы охранной, обезпеченіемъ общественнаго порядка и въ особенности обезпечивала частную собственность. Съ этой стороны теорія Айртона служила выразительницей новыхъ стремленій буржуазіи дать отпоръ требованіямъ высшихъ классовъ общества и вмѣстѣ съ тѣмъ удержатъ за собой монополію власти и устранить требованія простаго народа. Тщетно пытались другіе ораторы, какъ, напримеръ, Питти, опровергнуть Айртона, заявляя, что, по ихъ мнѣнію, всеобщее голосованіе ничѣмъ не можетъ угрожать частной собственности. Въ жару преній, Питти говоритъ: „Всѣ люди равны

между собою, потому что у всѣхъ ихъ одна и та же природа. Если они сами собою не управляютъ и если признали удобнымъ имѣть представителей, такъ это только потому, что ихъ многочисленность лишаетъ ихъ возможности собирать голоса каждый разъ, когда это требуется обстоятельствами. Такъ какъ, съ другой стороны, люди нуждаются въ правителяхъ для охраненія своихъ интересовъ, то они установили съ этой цѣлью парламенты и должностныхъ лицъ не для ниспроверженія, а для упроченія порядка и общественнаго спокойствія. Вотъ почему я никакъ не могу допустить, чтобы неограниченное всеобщее голосованіе могло быть чѣмъ либо опасно для собственности“. Прижатый къ стѣнѣ этими доводами, Айртонъ заявляетъ, что для него всякій, не имѣющій прочныхъ и постоянныхъ интересовъ въ государствѣ, т. е. земельного имущества, долженъ быть разсматриваемъ, какъ чужеземецъ. Онъ и долженъ избрать одно изъ двухъ: подчиниться требованіямъ законовъ, или покинуть страну“. Я попрошу васъ, гг. слушатели хорошо запомнить эти слова. Впослѣдствіи они не разъ будутъ повторяться, какъ, напримѣръ, въ произведеніяхъ Неккера и доктринеровъ первой половины его вѣка, не желавшихъ признавать право избранія за кѣмъ либо инымъ, кромѣ лицъ, обладающихъ недвижимой собственностью. Тщетно доказывать тогда Питти несправедливость системы, которая отказываетъ въ правѣ избранія арендатору, платящему сто фунтовъ стерлинговъ аренды и живущему въ теченіе трехъ поколѣній на одной и той же фермѣ, тогда какъ она предоставляетъ его собственнику, имѣющему только сорокъ шиллинговъ годового дохода. Айртонъ продолжаетъ утверждать, что всякая уступка въ пользу арендаторовъ только ускоритъ наступленіе эпохи всеобщаго уравненія и уничтоженія частной собственности.

Я изложилъ нѣкоторыя подробности преній, возникшихъ въ 1648 году среди творцовъ англійской республики, потому что эти пренія содержатъ въ зачаточномъ видѣ все то, что будетъ сказано впослѣдствіи съ одной стороны о важности обезпечить только за земельными собственниками всѣ преимущества общественаго избранія, а съ другой стороны о невозможности согласовать такой порядокъ съ принципомъ равенства правъ всѣхъ гражданъ.

Дѣйствительно, если мы спросимъ себя, что было сутью теорій, высказанныхъ во второй половинѣ XVII вѣка Эльджернономъ Сиднеемъ и Джономъ Локомъ, этими двумя свѣтилами политическихъ наукъ, одинаково восхваляемыми по ту и по сю сторону Атлантическаго океана, и вліяніе которыхъ ясно отражается на Монтескье и Руссо; если мы зададимъ себѣ этотъ вопросъ, то будемъ вынуждены сказать, что каждый изъ нихъ по своему разрабатывалъ тѣ самые аргументы, которые выставлены были Айртономъ.

Такъ, напримѣръ, Сидней хотя и признаетъ преимущества республиканскаго правленія предъ монархическимъ, хотя заявляетъ, что только въ республиканскомъ правленіи жизненнымъ принципомъ служить добродѣтель, но въ то же время онъ является заклятымъ врагомъ демократіи и разсматриваетъ власть, какъ принадлежность исключительно земельныхъ собственниковъ. Въ свою очередь, Локъ находитъ, что главная цѣль вся-

кого гражданскаго государства заключается въ охраненіи и упроченіи частной собственности, существовавшей, по его словамъ, ранѣе возникновенія государствъ. Отъявленный врагъ всякой демократіи, Локъ вырабатываетъ для южной Каролины проектъ конституціи, въ силу котораго только земельнымъ собственникамъ предоставлено право избранія.

Съ другой стороны, Гаррингтонъ въ своей утопіи „*Oceana*“ высказывается въ пользу всеобщаго голосованія, основываясь на томъ принципѣ, что всѣ люди достаточно благоразумны, чтобы сдѣлать хорошій выборъ. Тѣмъ не менѣе, его восторженное отношеніе къ Венеціанской республикѣ препятствовало ему предоставить народу непосредственное вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Въ силу этого онъ проектируетъ два собранія, одно народное, другое предназначенное быть представителемъ естественной аристократіи, которую, впрочемъ, трудно отличить отъ аристократіи поземельной. Сенату и посредствомъ его этой аристократіи должна была принадлежать инициатива всѣхъ законодательныхъ мѣръ. Народное собраніе, избираемое всеобщей подачей голосовъ, могло только принять или отвергнуть предложенное цѣликомъ, не входя въ разсмотрѣніе частныхъ. Послѣ паденія республики и послѣ новыхъ преслѣдованій англиканскою церковью диссидентовъ, демократическія идеи на нѣкоторое время исчезаютъ въ Англіи, но взамѣнъ этого мы видимъ, что онѣ пускаютъ глубокіе корни въ ея колоніяхъ по ту сторону океана, которыя, какъ вамъ извѣстно, образовали въ будущемъ Соединенные Штаты.

Пѣнь и нѣсколько ранѣе его отцы-пилигримы вводятъ всеобщее голосованіе въ этихъ зачаткахъ будущихъ штатовъ, названныхъ Пенсильваніей. Но вскорѣ Джонъ Коттонъ распространяетъ тамъ аристократическія идеи Кальвина, вытѣснившія демократическія начала, и право избранія, вначалѣ всеобщее, предоставляется въ Новой Англіи только послѣдователямъ господствующей церкви. Коттонъ самъ проповѣдывалъ всѣмъ и каждому, что демократія противорѣчитъ завітамъ Бога, потому что, если бы всѣ были призваны къ власти, кто же сталъ бы тогда повиноваться? Кѣмъ тогда управлять? Въ силу этого политическая организація, учрежденная имъ въ странѣ, сдѣлавшейся въ послѣдствіи штатомъ Массачузетсъ, скорѣе походила на теократическое, нежели на гражданское государство. Необходимой оказалась инициатива Роджера Уильямса, великаго сторонника свободы совѣсти, чтобы создать рядомъ съ Массачузетсомъ демократическое государство, дѣйствительно достойное этого имени и получившее названіе Родъ-Айлендъ. Въ основаніе его конституціи легло правило, чтобы на будущее время всякій законъ утверждался общимъ согласіемъ всѣхъ свободныхъ людей, которые затѣмъ уполномочиваютъ должностныхъ лицъ приводить эти законы въ исполненіе. Форма правленія въ колоніи Провидѣнія, учрежденная великимъ реформаторомъ, должна была быть демократической, т. е. имѣть основаніемъ, какъ выражается конституціонный актъ, свободное согласіе большинства жителей. Такъ какъ рабство было уничтожено въ предѣлахъ этой колоніи, слѣдовательно, всѣ, безъ всякаго различія происхожденія, имѣли право избранія. Первые законоположенія представляютъ собою нѣчто въ родѣ деклараціи, подобной французской въ 1789 году. Такимъ образомъ, демокра-

тическая идея, изгнанная изъ Англіи, кончила тѣмъ, что если и не совсѣмъ восторжествовала въ Новомъ Свѣтѣ, то, во всякомъ случаѣ, нашла тамъ широкое примѣненіе.

Вслѣдствіе этого у насъ нѣтъ основаній удивляться, что политическіе мыслители Франціи, литературныя произведенія которыхъ отчасти подготовили французскую революцію, даже не будучи непосредственно знакомы съ движеніемъ ловеллеровъ въ Англіи, могли увлечься идеями, тождественными со сказаннымъ движеніемъ.

Это облегчалось еще тѣмъ, что даже внутри Европы еще въ XVIII вѣкѣ какъ въ лѣсныхъ кантонахъ Швейцаріи, такъ и въ Женевской республикѣ замѣчалось осуществленіе власти народа въ томъ видѣ, который когда то былъ идеаломъ въ Аѳинахъ и встрѣчался среди германскихъ племенъ, побѣды которыхъ надъ римлянами послужили началомъ нашей современной цивилизаціи. Жанъ-Жакъ Руссо, авторъ книги „Le Contrat social“, черпалъ основанія и доводы своего ученія въ твореніяхъ древнихъ, въ особенности, Платона, а также въ произведеніяхъ болѣе современныхъ, какъ, напримѣръ, Алтузіуса, Спинозы, Сиднея, Лока. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему помогало близкое знакомство съ его отечествомъ, Женевской республикой, имѣвшей уже во времена епископовъ Великій Совѣтъ, составлявшійся изъ всѣхъ гражданъ города. Этотъ совѣтъ въ дѣйствительности сосредоточивалъ въ себѣ всю верховную власть, такъ какъ на основаніи законоположеній, издаваемыхъ епископами, граждане были лишены права передавать хотя бы часть этой власти кому бы то ни было. Вюи (Vui) первый указалъ на близость Ж. Ж. Руссо, въ его взглядахъ на рѣшеніе вопроса о народномъ господствѣ, къ хартіи епископа Фабри, конца XIV вѣка, которая рѣшительно отрицаетъ право женевского народа передавать кому-либо привиллегіи, дарованныя имъ, какъ епископомъ Фабри, такъ и всѣми его предшественниками. Стало быть ученіе о верховной власти народа вовсе не ново; оно возникло не внезапно и самопроизвольно, а имѣетъ корни въ прошломъ, такъ какъ существовало уже въ древнія времена; оно представляетъ собою возобновленіе стараго принципа, забытаго едва лишь въ XV вѣкѣ, вслѣдствіе успѣховъ автократіи и буржуазіи въ ущербъ низшимъ классамъ. Съ другой стороны, было бы несправедливо признавать Монтескье, автора доктрины если не парламентскаго, то по меньшей мѣрѣ конституціоннаго строя,—первымъ, высказавшимъ ту ненависть къ всеобщей подачѣ голосовъ, которую мы замѣчаемъ въ сочиненіяхъ доктринеровъ конца XVIII вѣка и первой половины прошлаго столѣтія.

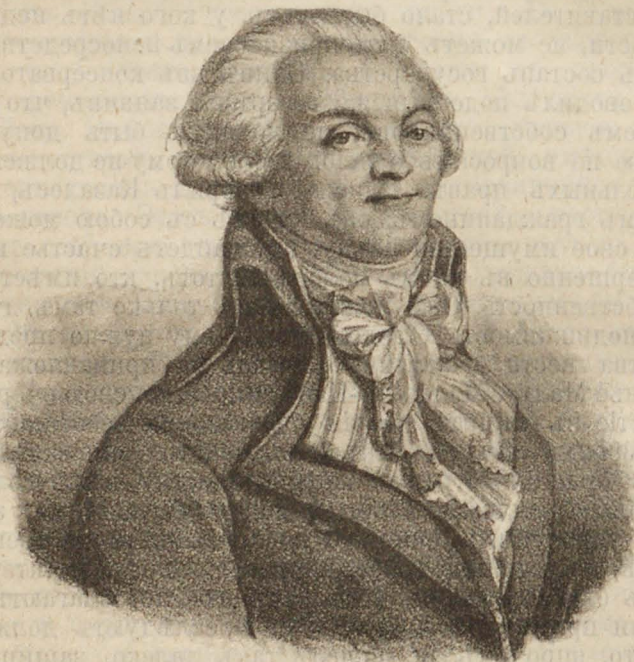
Знаменитая XI книга „Духа Законовъ“ не заключаетъ ничего, что бы оправдывало подобное предположеніе. Авторъ ея отказывается въ правѣ подачи голоса только лишеннымъ всякой независимости, т. е. получающимъ средства къ жизни путемъ общественной благотворительности.

Происхожденіе по крайней мѣрѣ во Франціи доктрины, согласно которой право избранія должно быть неотдѣлимо отъ земельной собственности восходить ко временамъ фیزیократовъ и ихъ теоріи о непроеизводительныхъ классахъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи фیزیократы вполнѣ заимствовали преобладающую идею Лока, по

мнѣнію котораго назначеніе государства ограничивается охраной естественныхъ правъ человѣка и, именно, свободы отдѣльной личности и неприкосновенности частной собственности.

Во время собранія Генеральныхъ Штатовъ, въ 1789 году, представители двухъ противоположныхъ теорій имѣли возможность развить вполнѣ свои взгляды и изложить всѣ доводы. Дюпонъ-де-Немуръ былъ первый, возбудившій пренія по этому поводу, заявивъ категорически, что за исключеніемъ землевладѣльцевъ интересы всѣхъ остальныхъ гражданъ въ странѣ играютъ второстепенную роль въ общественныхъ дѣлахъ. Чтобы быть избирателемъ, надо обладать помѣстьемъ съ усадьбой. Административные вопросы касаются только собственниковъ недвижимости, потому что отъ нихъ требуютъ содержанія неимущихъ. Вслѣдствіе этого они одни только заинтересованы задачами, рѣшаемыми въ палатахъ представителей, стало быть, тотъ, у кого нѣтъ недвижимой собственности, не можетъ быть признаваемъ непосредственно входящимъ въ составъ государства. Одинъ изъ консерваторовъ, Казалесъ, проводилъ подобныя же воззрѣнія, заявивъ, что никто, за исключеніемъ собственниковъ, не долженъ быть допущенъ къ голосованію по вопросамъ о налогахъ, а потому не долженъ имѣть и избирательныхъ правъ. Купецъ, говорилъ Казалесъ, является всесвѣтнымъ гражданиномъ; онъ вмѣстѣ съ собою можетъ легко перенести свое имущество всюду, гдѣ найдетъ счастье и спокойствіе. Совершенно въ иномъ положеніи тотъ, кто имѣетъ недвижимую собственность. Онъ можетъ жить только тамъ, гдѣ находится эта недвижимость. Слѣдовательно, ему нужно предоставить всѣ средства вести счастливую жизнь на принадлежащей ему землѣ. Мунье Малуэ, Маллэ-дю-Панъ, Вирье, въ свою очередь, приняли участіе въ защитѣ теоріи ограниченія всеобщаго голосованія; въ своихъ рѣчахъ, какъ и въ печати, они заявляли, что такъ какъ Франція—страна по преимуществу земледѣльческая, то одни только землевладѣльцы и могутъ быть въ ней заинтересованы въ упроченіи законовъ и поддержаніи общественнаго порядка. Всѣ, несостоящіе собственниками, менѣе заинтересованы въ общемъ благосостояніи, такъ какъ ихъ не облагаютъ исключительными прямыми налогами и не преслѣдуютъ должностныя лица. Никто, впрочемъ, не пошелъ такъ далеко, защищая ограниченія всеобщаго голосованія, какъ Неккеръ. Въ своей книгѣ объ исполнительной власти онъ говорилъ слѣдующее: „Человѣкъ, неимѣющій собственности является не полнымъ гражданиномъ. Онъ равнодушно будетъ относиться къ большей части вопросовъ, озабочивающихъ всю страну. Одни только собственники обладаютъ достаточными средствами для пріобрѣтенія образованія, необходимаго для того, чтобы придать предлагаемымъ ими законамъ надлежащую внушительность и значеніе“. Такимъ образомъ ученіе физиократовъ, доказывавшее, что всякій налогъ долженъ въ концѣ-концовъ ложиться бременемъ на землевладѣльца, было причиной стремленія предоставить исключительно собственникамъ недвижимости право разрѣшенія вопросовъ о всякихъ налогахъ; это неизбежно должно было въ конечномъ счетѣ привести къ лишенію всякаго голоса тѣхъ, кто не имѣлъ недвижимой собственности. Однако, было очень затруднительно согласовать подобное ученіе съ принципами общаго равенства и верховной

власти народа, провозглашенными въ одномъ изъ первыхъ актовъ конституціи. Въмѣстѣ съ тѣмъ послѣдователи „Соціального контракта“ нѣсколько разъ пытались разбить своихъ противниковъ и ввести право подачи голоса, это по существу чисто политическое право, въ составъ тѣхъ давнишнихъ и высшихъ правъ, вошедшихъ въ положительные законы, которые были провозглашены Декларацией правъ человѣка. Никто не пошелъ такъ далеко въ своей защитѣ всеобщаго неограниченнаго права голосованія, какъ депутатъ Робеспьеръ. Его рѣчь 25 января 1790 года, слѣдуетъ признать самымъ полнымъ выраженіемъ демократическихъ стремленій Учредительнаго Собранія. Эта рѣчь слишкомъ длинна, чтобы я могъ привести ее цѣликомъ, но изложу ее въ слѣдующихъ нѣсколькихъ строкахъ: Всякое ограниченіе избирательнаго права является во-

Робеспьеръ.

пьющимъ противорѣчіемъ тому принципу, согласно которому всѣ люди рождаются и должны жить свободными. А это начало было торжественно провозглашено знаменитой декларацией. Съ другой стороны, ограниченія избирательнаго права не соотвѣтствуютъ основному взгляду на законъ, какъ на выраженіе общей воли всего народа, положеніе, которое Учредительное Собраніе заимствовало изъ „Соціального Контракта“. Это положеніе представляетъ собою основу ученія о верховныхъ правахъ народа. Требуя ограниченія избирательнаго права по отношенію къ единственнымъ дѣятельнымъ гражданамъ, т. е. такимъ, которые платятъ прямой налогъ, равный трехдневному вознагражденію за работу, Учредительное Собраніе хотѣло подражать Англіи. Но конституція послѣдней могла казаться образцовой только въ эпоху, когда Франція находилась еще въ состояніи рабства. Послѣ великой, славной

революціи одною только привычкою и невѣжествомъ можно было бы объяснить признаніе англійской конституціи образцовой. Возможно ли говорить о неимѣющихъ поземельной собственности, какъ о лицахъ, которыя ничего не теряютъ въ случаѣ отказа имъ въ правѣ голоса. Развѣ они не живутъ вмѣстѣ, не состоятъ членами общества на столько же, какъ землевладѣльцы? Развѣ они не поставлены въ необходимость поддерживать свое и своихъ семей существованіе? Развѣ свобода, общественная безопасность, возможность свободно распоряжаться всѣми своими умственными способностями, а также своими сердцами не столь же дороги имъ, какъ и землевладѣльцамъ? Но кто же охраняетъ всѣ эти интересы, какъ не законы? Какъ же можно думать, что не-собственники не заинтересованы въ составленіи этихъ законовъ? И

Марать.

не должны ли эти самые законы ограждать слабого противъ несправедливости и угнетенія, и даже въ болѣе значительной степени, сильныхъ и могущественныхъ? Конституція не можетъ быть прочной, гдѣ политическія права являются привиллегіей одного только класса, гдѣ большинство поставлено въ необходимость отпослаться къ этимъ привиллегіямъ равнодушно, или завистливо. Робеспьеръ заключилъ свою рѣчь, требуя отъ Національнаго Собранія, чтобы оно высказалось за всеобщее голосованіе безъ ограниченій, такъ какъ только это согласуется съ равенствомъ и полнотою правъ, принадлежащихъ всѣмъ безъ исключенія французамъ.

Камилль Демуланъ и Марать присоединились къ мнѣнію Робеспьера и защищали въ ежедневной печати всеобщее голосованіе. Первый приводилъ противъ сторонниковъ ограниченнаго

голосованія примѣръ Аристиды, который, какъ неимѣвший собственность, могъ бы въ глазахъ современныхъ законодателей, быть включенъ въ число той „сволочи“, которую слѣдуетъ держать подальше отъ общественныхъ дѣлъ.

Второй заявлялъ, что единственнымъ результатомъ законодательства, устраняющаго $\frac{9}{10}$ народонаселенія отъ участія въ общественныхъ дѣлахъ, будетъ образованіе новой аристократіи, именно аристократіи богатства. Шарль Ламеттъ, Гара младшій и Фарже отчасти раздѣляли это мнѣніе. Первый изъ нихъ доказывалъ, что и безъ того народъ, поглощенный заботами о поддержаніи своего существованія, принимаетъ только второстепенное участіе въ общественной жизни. Зачѣмъ же давать такому порядку вещей санкцію закона? Это значило бы стремиться сознательно къ созданію новой аристократіи богатства на развалинахъ феодализма. Гара, въ свою очередь, не отрицая факта, что плательщики налоговъ болѣе заинтересованы въ голосованіи, чѣмъ другіе граждане, отказывался понять, почему лица, платящіе косвенные налоги, не признаются достойными, въ избирательномъ отношеніи, стоять на томъ же уровнѣ, какъ и собственники, платящіе поземельные налоги.

Такимъ образомъ, въ эпоху революціи мы видимъ борьбу двухъ противоположныхъ теорій, изъ которыхъ одна опирается на ученіе физиократовъ, а другая на „Соціальный контрактъ“ и естественныя права человѣка и гражданина. Ни та, ни другая не имѣли тогда перевѣса, и законодательство Учредительнаго Собранія въ отношеніи вопроса о выборахъ оказалось компромисомъ между обоими теченіями. Оно заключалось въ исключеніи извѣстной категоріи лицъ, подъ названіемъ пассивныхъ гражданъ, отъ всякаго участія въ выборахъ на томъ только основаніи, что они не имѣютъ поземельной собственности и вовсе не платятъ прямого налога, минимальный размѣръ котораго является плата за три рабочихъ дня.

Съ другой стороны, законъ опредѣлилъ условія избранія въ народные представители; это право признано только за меньшинствомъ, платящимъ поземельные не менѣе марки серебра. Принимая подобнаго рода мѣры, законодатель никого вполне не удовлетворилъ. Сторонники ограниченнаго голосованія продолжали сѣтовать на то, что изъ всѣхъ цивилизованныхъ странъ, Франція безучастіе всѣхъ относится къ интересамъ землевладѣльцевъ. Сторонники „Соціального Контракта“ и верховной власти народа были недовольны порядкомъ, при которомъ интересы народа были принесены въ жертву выгодамъ землевладѣльцевъ.

Само собою разумѣется, что новая якобинская конституція, выработанная Конвентомъ въ 1793 году, дала, полное удовлетвореніе демократическимъ требованіямъ, но существованіе ея было весьма кратковременно, а послѣдующія событія даже помѣшали примѣненію ея на дѣлѣ.

Конституція Директоріи, какъ и Консульская, возобновили прежнія заблужденія. Избирательный цензъ остался въ силѣ при Имперіи и увеличился при Реставраціи и іюльской монархіи.

Доктринеры, возвращаясь къ теоріямъ, проводившимся въ Англіи еще въ половинѣ XVII вѣка и возобновленнымъ во Франціи въ 1789 году, боролись противъ идеи распространенія изби-

рательныхъ правъ за предѣлы, какъ они называли, „законной области“. При этомъ пользовались доказательствами, болѣе или менѣе сходными съ аргументами Айртона, Дюпона—де-Немуръ, Казалеса и Неккера.

Любопытно обратить вниманіе, что величайшій публицистъ во Франціи въ первой половинѣ XIX вѣка, — я имѣю въ виду Алексиса Токвиля, — вовсе не былъ сторонникомъ принциповъ дорогихъ сердцу Роже Колара и Гизо.

Въ своей перепискѣ съ Сеньоромъ онъ заявляетъ, что никогда еще правительство не имѣло менѣе широкихъ и менѣе прочныхъ основъ, какъ іюльская монархія. Оно не могло похвалиться ни численностью своихъ приверженцевъ, ни ихъ высокимъ происхожденіемъ, ни даже ихъ образованіемъ. Двѣсти тысячъ лицъ, платившихъ по 200 франковъ прямого налога, въ сущности представляли собою всю легальную страну. Правительство вызывало презрѣніе простого народа, говоритъ Токвиль — и ненависть высшихъ классовъ. Луи Филиппъ могъ разсчитывать только на содѣйствіе плутократіи, эгоистичной и ненавистной. Въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ авторъ „Демократіи въ Америкѣ“ дополняетъ эту, сдѣланную имъ, оцѣнку слѣдующимъ образомъ: при Луи Филиппѣ нація привыкла относиться къ преніямъ Палаты, какъ къ дѣлу, не имѣющему для нея ни малѣйшаго интереса.

Въ ея глазахъ это было нѣчто въ родѣ борьбы между родственниками и сонаслѣдниками. Токвиль держится того мнѣнія, что правительство прочно только тогда, когда заботится объ общихъ интересахъ всего населенія страны. Въ силу этого онъ оказался въ числѣ сторонниковъ всеобщаго голосованія, когда оно, по инициативѣ Ледрю-Ролена и другихъ членовъ временнаго правительства 1848 года, было введено во Франціи.

Въ одномъ изъ писемъ къ Стофелю онъ рѣшительно высказываетъ, что въ такомъ подвижномъ обществѣ, какое имѣется въ современной Франціи, сильная власть можетъ существовать, только, имѣя корни во всеобщемъ голосованіи.

Говоря это, онъ оказался искреннѣе Карменэна, автора избирательнаго закона, согласно которому было организовано Учредительное Собраніе 1848 года. Вотъ что говорилъ Токвиль въ своихъ „Воспоминаніяхъ“: „Въ моментъ общихъ выборовъ я встрѣтилъ Карменэна и онъ сказалъ мнѣ любезно: „Видано ли когда-либо на свѣтѣ то, что мы видимъ теперь? Гдѣ страна, въ которой дошли бы до того, что допустили бы быть избирателями лакеевъ, бѣдняковъ и солдатъ?“

Сознайтесь, что ничего подобнаго до сихъ поръ не приходило въ голову?“ Затѣмъ онъ добавилъ, потирая руки: „Очень любопытно будетъ посмотреть, что изъ этого выйдетъ!“ Онъ говорилъ объ этомъ, — прибавляетъ Токвиль, — какъ о какомъ-то химическомъ опытѣ.

Въ недавно вышедшей монографіи по исторіи республиканской партіи во Франціи Г. Вейль весьма удачно замѣтилъ, что уже въ 1837 году газета „National“ и ея главный редакторъ Арманъ Маро работали въ пользу всеобщаго голосованія ¹⁾.

Вскорѣ къ требованіямъ радикаловъ присоединились социалисты. „Не соглашаясь съ Анфантеномъ и Консидераномъ, — гово-

рить Г. Вейль, — Луи Бланъ въ своемъ „*Revue du Progrès*“ отрицать возможность произвести необходимыя реформы безъ всеобщаго голосованія. Всеобщая подача голосовъ съ ограниченіями казалась ему нелѣпой и гнусной. Необходимо — писалъ онъ, — чтобы власть приобрѣла законное происхожденіе, такъ сказать, узаконилась свободно выраженной волей всѣхъ гражданъ, или предполагаемой волею Божьей. Народъ или папа, выбирайте одно изъ двухъ!“ ¹⁾ Послѣдователи Бюшеза въ газетѣ „*L'Atelier*“, въ свою очередь, требовали всеобщаго голосованія, какъ необходимой подготовки какой бы то ни было общественной реформы ²⁾. Любопытно замѣтить, что, по словамъ Токвиля, это всеобщее голосованіе было вскорѣ сочувственно встрѣчено даже тѣми, кто когда-то возставалъ противъ него.

Уже 19 января 1848 года, т. е. за мѣсяцъ до февральской революціи, Токвиль громкогласно утверждалъ, что избирательная реформа окажется полезной ³⁾. Выборы, произведенные послѣ подавленія рабочихъ въ іюньскіе дни, оказались благоприятными партіи консерваторовъ. Не только Ламенэ, но даже Лакордэръ начали оптимистически относиться къ всеобщему голосованію.

Только съ того момента, когда на новыхъ выборахъ большинство оказалось на сторонѣ Луи Бонапарта, и всеобщее голосованіе, ложно направленное официальными кандидатурами, по видимому поддержало узурпатора, снова слышались, какъ и прежде, голоса, обвинявшіе народную массу въ подкупности и неразвитости. А эта народная масса, въ свою очередь, объясняла свой выборъ желаніемъ отомстить за свое недавнее пораженіе, измѣнившимъ выборнымъ.

Послѣ революціи 1848 года, идея всеобщей подачи голосовъ до такой степени овладѣла всѣми націоналистами по ту сторону Рейна, что единеніе Германіи, сначала въ формѣ двухъ конфедераций, сѣверной и южной, и, наконецъ, въ формѣ Имперіи, могло совершиться только при условіи принятія основаніемъ новой конституціи всеобщность права избранія.

Въ Австріи, какъ и въ Италіи, всеобщее голосованіе, не осуществленное въ дѣйствительности, является, тѣмъ не менѣе, основой программы всѣхъ безъ исключенія современныхъ демократическихъ партій.

Въ Англіи въ настоящее время также много сторонниковъ этой избирательной системы, которую превозносилъ Годвинъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія въ своемъ знаменитомъ трактатѣ, „Политическая справедливость“. Три послѣдовательныхъ реформы, совершившіяся въ Англіи въ области избирательнаго законодательства, въ теченіе прошлаго столѣтія, начиная съ 1832 года, оказались рѣшительнымъ шагомъ къ введенію всеобщаго голосованія.

Что касается Франціи, то избирательный порядокъ до такой степени всосался въ плоть и кровь, что даже тѣ, кто нападали на парламентаризмъ и хотѣли бы его преобразованія, не позволяютъ себѣ поднять руку на эту основу современнаго предста-

¹⁾ Тамъ же, стр. 207.

²⁾ Стр. 212.

³⁾ Воспоминанія стр. 19.

вительнаго режима. Въ доказательство я укажу на недавно вышедшую книгу г. Шарля Бенуа, озаглавленную „*La Crise de l'Etat moderne*“. Этотъ авторъ очень умѣло велъ борьбу противъ парламентаризма въ конгрессѣ, имѣвшемъ цѣлью сравненіе различныхъ законодательствъ и который открылся лѣтомъ 1900 года въ Парижѣ. Требуя реформы существующаго избирательнаго режима, онъ, тѣмъ не менѣе, первый поспѣшилъ признать невозможность окончательнаго отказа отъ всеобщей подачи голосовъ. „Всеобщее голосованіе—заявилъ Бенуа,—всегда останется необходимой основой государства“. Разъ признано несомнѣннымъ,—продолжаетъ онъ,—что современное государство имѣетъ своею основою право, и его строй будетъ покоиться на всеобщемъ голосованіи, то остается только позаботиться, чтобы придать этому всеобщему голосованію возможно менѣе анархическую организацію. Свое отношеніе къ всеобщей подачѣ голосовъ г. Бенуа еще удачнѣе характеризуетъ слѣдующими словами: „Не слѣдуетъ уничтожать всеобщее голосованіе; оно должно быть неприкосновеннымъ; не отнимайте ни у кого его права избирать; не передавайте никому болѣе одного голоса; ни у кого не отнимайте его мѣста; никому не давайте болѣе одного мѣста; обезпечьте каждому и всѣмъ по одному мѣсту. Не слѣдуетъ разрушать современное государство; не слѣдуетъ также его переобразовывать на новыхъ началахъ, а необходимо только его завершить“. Я прошу васъ между прочимъ обратить вниманіе на то, что г. Бенуа врагъ вотированія большинствомъ голосовъ. Это доказываетъ, что даже между критиками парламентаризма трудно встрѣтить людей, которые бы не отнормировались съ надлежащей строгостью къ этой смѣшанной системѣ, заключающейся въ оцѣнкѣ мнѣнія людей, сообразно съ ихъ богатствомъ и большей или меньшей склонностью къ браку.

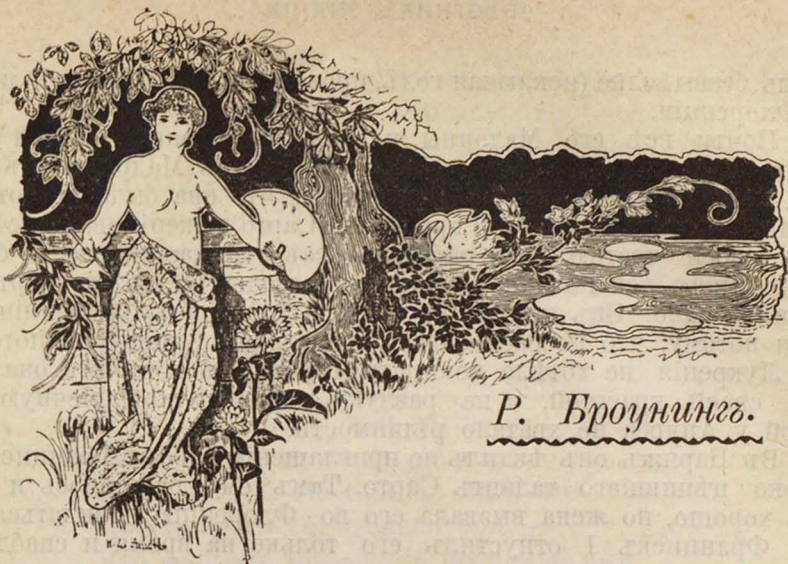
Изъ совокупности фактовъ, изложенныхъ передъ вами въ этомъ по необходимости краткомъ обзорѣ, оказывается, что пропаганда въ пользу всеобщаго голосованія, далеко не представляя собою новаго движенія, снова связывается съ прошлымъ звеномъ, которое было уничтожено въ теченіе едва двухъ или трехъ вѣковъ, въ силу побѣды буржуазіи, соединившейся съ мелкимъ помѣстнымъ дворянствомъ. Этотъ союзъ состоялся прежде всего въ Англіи, гдѣ аристократія, какъ вамъ извѣстно, состоитъ исключительно изъ главъ тѣхъ или другихъ знатныхъ дворянскихъ семей съ болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ отдаленныхъ предковъ, тогда какъ всѣ остальные члены тѣхъ же семей входятъ въ составъ простаго народа. Въ теченіе одного вѣка, когда церковныя имущества перешли въ руки буржуазіи, соединеніе джентри, т. е. мелкаго помѣстнаго дворянства, съ буржуазіей являлся вполне естественнымъ слѣдствіемъ, приведшимъ къ образованію одного класса, именно, поземельныхъ собственниковъ.

Обѣ революціи, 1648 и 1688 гг. упрочили побѣды этого класса, и новый парламентскій режимъ основался на ограниченномъ голосованіи, такъ какъ право подавать избирательный голосъ признавалось исключительною принадлежностью однихъ только землевладѣльцевъ. Эта вполне англійская идея была и на материкѣ рабски усвоена буржуазіей, которая восторжествовала вмѣстѣ съ революціею 1789 г. и умѣла сохранить преобладаніе до 1848 года. Въ настоящее время, власть не представляетъ со-

бою исключительно интересовъ недвижимой, а тѣмъ менѣе движимой, собственности. Въ настоящее время власть служить представительницей совокупности всѣхъ гражданъ безъ различія классовъ и сословій, и потому всеобщее голосованіе становится неизбѣжной необходимостью, основнымъ условіемъ всякой власти дѣйствительно сильной, а, стало быть, способной идти путемъ прогресса и брать въ немъ иногда на себя инициативу.

Максимъ Ковалевскій.

Р. Броунингъ.

Андреа дель-Сарто.

Художникъ флорентійской школы эпохи Возрожденія Андреа дель-Сарто, современникъ Рафаэля, да Винчи и Микель-Анджело, родился въ 1488 г. и скончался въ 1538 г.

Отецъ его былъ бѣдный портной, по фамиліи Вануччи. Sarto—по-итальянски значить *портной*; и подъ этимъ прозвищемъ, даннымъ ему съ дѣтства, Андреа, какъ живописецъ, извѣстенъ и своимъ современникамъ и потомству. Его картины находятся въ настоящее время въ Палаццо Питти во Флоренціи, Берлинскомъ музеѣ, Мюнхенской Пинакотекѣ и Мадридскомъ музеѣ. Онъ признается знатоками за произведенія высокаго таланта, близкаго генію. По силѣ дарованія его приравниваютъ къ Леонардо да Винчи и ставятъ выше Перуджино, Масаччіо и другихъ свѣтилъ флорентійской школы. Онъ считается самымъ блестящимъ ея колористомъ. Слѣды глубокой обдуманности и серьезныхъ знаній лежатъ на всѣхъ его твореніяхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти онъ былъ провозглашенъ „безупречнымъ живописцемъ“, какъ Баярдъ былъ „рыцаремъ безъ упрека“.

При жизни же на Андреа дель-Сарто мало обращали вниманія. Цѣнили его только нѣсколько друзей, французскій король Францискъ I, да Микель Анджело, прозрѣвавшій въ Андреа генія, который при благоприятныхъ условіяхъ могъ бы успѣшно соперничать съ Рафаэлемъ.

Обстоятельства же, при которыхъ онъ росъ, учился, работалъ и жилъ, были весьма неблагопріятны для развитія таланта. Мальчикомъ онъ служилъ на посылкахъ у дюжиннаго живописца. Чувствуя склонность къ изящнымъ искусствамъ, онъ пристроился, тоже болѣе въ качествѣ слуги, чѣмъ ученика, сначала къ живописцу Барили, потомъ къ живописцу Козимо, художникамъ безталаннымъ и неизвѣстнымъ. Хорошихъ художественныхъ образцовъ современнаго ему періода возрожденія, кромѣ аль-фресокъ Масаччіо и Гирландойо, нѣсколькихъ картинъ да Винчи и рисунковъ Мик. Анджело, Сарто никогда не видалъ. Онъ всю

жизнь безвыѣздно (исключая годъ, проведенный въ Парижѣ) жилъ во Флоренціи.

Почти всѣ его Мадонны писаны съ безумно любимой имъ женой, Лукреціи делла-Феде. Портретъ ея (въ Мадридскомъ музеѣ), написанный мужемъ, доказываетъ, что она была красоты и граціи поразительной. Этой красавицѣ Сарто пожертвовалъ всѣмъ, даже своей честью. Онъ работалъ безъ отдыха; ей всегда было нужно много денегъ для нарядовъ и веселья; а за его картины платили мало. Онъ никуда не могъ выѣхать изъ Флоренціи отчасти потому, что не располагалъ средствами, главное же потому, что Лукреція не хотѣла покидать города, въ которомъ она царила своей красотой, а на разлуку, даже кратковременную, съ женой у Андреа не хватало рѣшимости.

Въ Парижѣ онъ ѣздилъ по приглашенію короля Франциска I, высоко цѣнившаго талантъ Сарто. Тамъ ему работалось и жилось хорошо, но жена вызвала его во Флоренцію повидаться съ ней. Францискъ I отпустилъ его только на время и снабдилъ крупной суммой денегъ, поручивъ на это приобрести на нихъ въ Тосканѣ нѣкоторыя замѣчательнѣйшія произведенія искусства.

Но жена вовлекла его въ преступленіе: деньги Франциска были легкомысленно растрчены. Возвращеніе во Францію стало не возможно. Сарто до самой своей смерти мучился, сознавая свой проступокъ, но никогда не могъ вырвать изъ своего сердца любви къ виновницѣ его и даже не допускалъ ея виновности. Его здоровье пошатнулось, какъ говорятъ его друзья, вслѣдствіе постоянныхъ угрызений совѣсти. Онъ написалъ предсмертную картину, „Жертвоприношеніе Авраама“, которую вмѣстѣ съ другой, еще только задуманной, хотѣлъ послать Франциску, какъ бы въ уплату за растрченные деньги (знатоки говорятъ, что картина стоитъ этихъ денегъ). Онъ хотѣлъ умолять короля о прощеніи. Но ему, по разнымъ обстоятельствамъ, не удалось искупить тяготившій его грѣхъ. Картина, предназначавшаяся для Франциска, находится нынѣ въ Мадридѣ.

Жена его бросила, когда ослабѣло его здоровье и художественная производительность. Въ 1538 г. онъ совершенно одинокій умеръ отъ чумы.

Переведенная нами поэма Броунинга (Robert Brouning), за послѣднія 10—15 лѣтъ признаваемого знатоками англійской литературы за поэта-мыслителя, равнаго Шекспиру, — представляетъ собою прекрасную иллюстрацію къ біографіи великаго итальянскаго художника. Это замѣчательное произведеніе, написанное въ видѣ бесѣды-монолога Сарто съ его женою Лукреціей, является превосходнымъ психологическимъ этюдомъ, въ немногихъ словахъ дающимъ настолько пластическое изображеніе душевнаго состоянія Сарто, что настоящая художественная характеристика съ успѣхомъ замѣняетъ иныя многотомныя біографіи.

Не будемъ больше ссориться, голубка,

Мой нравъ тяжелъ, я знаю; потерпи.

Присядь вотъ здѣсь. Вѣрь, все, какъ ты желала,

Исполню я, Лукреція моя.

Глаза ко мнѣ ты снова обратила,

А сердце? Да? Не бойся жъ; напишу
Я твоему знакомому картины,
Какъ онъ хотѣлъ: и краски и сюжетъ.
Пускай назначить время онъ и цѣну.
А деньги,—что за трудъ я получу —
Въ твою рученку милую я спрячу,
Коль ты пожмешь мнѣ руку. Да? Пожмешь,
Какъ прежде, нѣжно? Угодить сумѣю
Ему, повѣрь.

Но завтра, не теперь,
Я какъ-то слабъ, хоть ты не замѣчаешь.
Сегодня что то очень утомленъ
Подъ вечеръ. Но сдается мнѣ, что если —
Прости опять, безцѣнная моя, —
Что если ты позволишь посидѣть мнѣ
Тутъ у окна, на Фіезоле глядѣть,
Ласкать твою рученку, и въ согласьи
Супружескомъ бесѣдовать въ тиши
Весь вечерокъ—мнѣ кажется, что завтр.
Я весель, бодръ поутру подымусь—
И за работу. Такъ? Ну, попытаемъ;
Довольна будешь завтра мною ты.
Не говори, что время я теряю:
Вѣдь пять картинъ съ тебя я напишу.
Натурщицы не надо: сбереженъе...
Вотъ такъ смотри, какъ ты теперь глядишь;
Я уловлю... Красавица ты! змѣйка
Ты гибкая! Въ рукахъ моихъ скользишь...
Ахъ, какъ могла ты эти прелестъ-уши...
Для жемчуга... но все-же проколотъ?...
Ты улыбнулась и моя картина
Готова... Сходить на землю, что мы
Гармоніей въ искусствѣ называемъ.
Тотъ ровно нѣжный сѣрый колоритъ,
Что подъ вечеръ, лишь только солнце сядетъ,
И насъ и всю природу серебрить.
И ты и я мы въ сумракъ прозрачномъ.
Тебѣ напомнить этотъ мягкій свѣтъ
Тѣ времена, когда ты мной гордилась;
Года—увы—минувшіе. А мнѣ?...
Мои надежды, молодость, искусство—
Все въ сумеркахъ, какъ Фіезоле—вдали...
Чу, колоколь въ обители ударилъ.
Изъ сада, гдѣ уютно вдоль стѣны

Деревья густо скучены, послѣдній
Спѣшить монахъ... Короче стали дни.
Короче дни, а осень нарастаетъ;
Царить во всемъ. Мнѣ кажется—я самъ,
Мои созданія, жизни назначенье,
Все, для чего на свѣтъ я былъ рожденъ,
Въ печальную картину обратилось,
Въ картину сѣрыхъ сумерекъ.—Мой другъ,
Въ Господней мы десницѣ всѣ; и давно
Онъ править жизнью. Кажется, совсѣмъ
Свободна воля наша; но оковы
Лежать на насъ: я чувствую. И пусть:
Онъ наложилъ; Его да будетъ воля.
Хоть бы вотъ въ этой комнатѣ... Конечно,
Въ моемъ искусствѣ мало, что тебя
Интересуетъ... Но, однако, слышишь ты
То, что о немъ другіе говорятъ.
Какъ тотъ картонъ,—взгляни,—второй отъ двери:
Поистинѣ рисунокъ образцовый.
Вглядись въ Мадонну. Смѣло говорю,
Что я могу моимъ карандашомъ
Изобразить все, что я вижу, знаю.
Когда-же съ мыслью сердце заодно,
Рисунокъ мнѣ легко дается. Если
Прибавлю я,—работа безупречна
Моя,—едва-ль то будетъ хвастовствомъ.
Судить сама ты можешь. Помнишь панскій
Легать намедни то же утверждалъ.
Ты здѣсь была? Тожъ самое, бывало,
Во Франціи мнѣ говорили всѣ...
Ну, словомъ, я пишу легко. Не нужно
Мнѣ подготовки. Время то прошло,—
Когда не могъ писать я безъ этюдовъ;
Матерьялъ годами собиралъ...
Работать такъ, какъ я, иной мечтаетъ
Жизнь цѣлую. Мечтаетъ!?. Бьется онъ;
Терзается, а все-таки не можетъ.
Пересчитавъ по пальчикамъ твоимъ
Хорошенькимъ два раза, я въ Тосканѣ
Могу назвать десятка два такихъ...
Вѣдь ты себѣ вообразить не можешь,
Какихъ трудовъ, усилій и заботъ
Иному стоитъ написать бездѣлку,
Какъ та моя картинка, что своей

Одеждой ты нечаянно смазнула,
 Войдя сюда... И создают они
 (Какъ говорилъ мнѣ онъ) гораздо меньше.
 Ты знаешь кто мнѣ говорилъ? Межъ тѣмъ
 Сдается мнѣ, что меньше—значить больше.
 Огонь небесный ярче свѣтитъ имъ;
 Иль въ нихъ самихъ, въ истерзанномъ ихъ сердцѣ,
 Иль въ ихъ мозгу... Ужъ я не знаю гдѣ,
 Но ярче ихъ огонь, чѣмъ тотъ, который
 Моей рукой привычной управляетъ,
 Работы ихъ во прахъ погибаютъ
 Но въ небесахъ они парятъ.
 Я знаю—были имъ врата раскрыты
 Селеній райскихъ. Мѣсто есть для нихъ,
 Гдѣ мнѣ нѣтъ мѣста. Но, сойдя на землю,
 Они повѣдать людямъ не могли
 Небесныхъ тайнъ. Мои жъ работы ближе
 Къ небесному, а самъ я здѣсь сижу.
 Ихъ кровь—огонь, отъ слова закипаетъ;
 Хвала, хула,—ихъ тотчасъ обожжетъ.
 А я пишу, въ себя лишь замыкаясь.
 Я въ дѣлѣ твердъ; хула людей меня
 Не возмутитъ; не увлечетъ хвала ихъ.
 Одинъ кричитъ: „не вѣрнѣ, слабоватъ
 „Морелло весь рисунокъ; тонъ испорченъ“.
 Такъ что жъ? Другой, напротивъ, говоритъ,
 Что линій, красокъ вѣрно сочетанье...
 По-своему толкуетъ всякъ: утесъ
 Не внемлетъ имъ...

И все-таки, я знаю,
 Что человѣкъ въ стремленіяхъ своихъ
 Надъ достижимымъ долженъ возвышаться,
 Иначе, гдѣ жъ небесный идеаль?
 Моихъ картинъ тонъ сѣро-серебристый,
 Отъ нихъ покоемъ вѣетъ, и онѣ
 Всѣ безупречны... Для меня же хуже
 Отъ этого... Я знаю напередъ,
 Чего ищу и до чего достигну.
 Ахъ, какъ бесплодно знать и все твердить:
 „Когда бъ во мнѣ два было человѣка,
 „Одинъ какъ я, другой съ иной душой,—
 „Мы головой вселенной стали бъ выше“.
 Сомнѣнья нѣтъ; да толку нѣтъ желать.

Вонъ талія, работа юноши Урбинца,
 Что умеръ лѣтъ пятокъ тому назадъ
 Прославленный. То копія; Васари
 Тогда прислалъ мнѣ. Я въ умѣ моемъ
 Могу себѣ представить очень ясно,
 Какъ создавалъ онъ. Душу всю излилъ;
 Кругомъ цари, да попы въ восхищеньи;
 Онъ надъ земнымъ искусствомъ воспарилъ,
 Презрѣвъ въ своемъ восторженномъ стремленьи
 Его законы; и они, сдались
 Склонилися предъ идеаломъ.

Только

Рука не такъ поставлена. И тутъ
 Ошибка есть въ рисунокѣ; а рисунокъ
 Лишь плоть картины. Но зато душа!
 Душа его созданія дышетъ правдой;
 Дитя пойметъ: такъ мысль его вѣрна.
 А все жъ рука! Легко бъ я могъ исправить,
 Да только нѣтъ фантазіи во мнѣ;
 И какъ-то вглубь взглядѣться не могу я;
 Нѣтъ увлеченья... А все было. Да,
 И все исчезло Отчего? О если бъ
 Хранить все это мнѣ ты помогала,
 Мы выше стали бъ Рафаэля; вѣрь:
 я и ты.

Нѣтъ, милый другъ, прости,
 Прости, голубка; все, чего просилъ я,
 Я получилъ. Ты больше мнѣ дала,
 Чѣмъ заслужилъ я... Больше; знаю я.
 Но все же, если бъ, если бъ съ красотою,
 Съ челомъ, съ очами, съ ротикомъ, какихъ
 Прелестнѣй нѣтъ на свѣтѣ; съ голоскомъ,
 Что сердце манитъ словно птицелова
 Искусный свистъ малиновку... Когда бъ
 И душу мнѣ съ красою отдала ты...
 (Есть женщины, что душу отдаютъ)...
 Когда бъ уста прелестные сказали:
 „Лишь Богъ, да слава! Злата не ищи,
 „Грядущаго не мѣрай настоящимъ.
 „Живи для славы; съ Анджели сравнись,
 „И съ Рафаэлемъ, что васъ ждетъ обоихъ
 „Въ селеньяхъ райскихъ!..“

Можетъ быть, тогда
 Я бѣ и достигъ до нихъ, тебѣ желая
 Дороже быть... А можетъ быть и нѣтъ...
 А можетъ—нѣтъ?! На все Господня воля!
 И то сказать: лишь изъ своей души
 Художникъ силу черпаетъ, чтобъ въ высь
 Подняться. Все другое не поможетъ.
 Зачѣмъ въ тебѣ опоры я ищу?
 У Рафаэля и Буонаротти
 Женъ не было.

Такъ странно созданъ свѣтъ,
 Что тотъ, кто можетъ совершить,—не хочетъ.
 Кто хочетъ—тотъ не можетъ. Такъ я мню.
 А сила воли все же много значить;
 И дарованья сила тоже.—Такъ
 Вотъ мы здѣсь бьемся, получеловѣки.
 А тамъ Господь разсудить и воздастъ.
 Тѣмъ лучше будетъ мнѣ въ томъ мірѣ, если
 Меня здѣсь цѣнять мало; если здѣсь—
 Сказать по правдѣ—просто презираютъ;
 Да. Сколько лѣтъ и бѣдности и горя!
 И знаешь ли, что цѣлый день изъ дому,
 Боюсь изъ дому выйти, что бѣ не повстрѣчатъ
 Знакомыхъ мнѣ придворныхъ, изъ Парижа
 Сюда прибывшихъ. Хорошо, когда
 Они, меня завидя, отвернутся...
 Но иногда вступаютъ въ разговоръ,
 И что тогда я выношу за муки!
 А отъ чего-жъ бы имъ не говорить?

О помню я Франциска; какъ онъ встрѣтилъ
 Меня; какъ цѣлый годъ въ Фонтенебло
 Былъ торжествомъ моимъ и ликованьемъ.
 Могу сказать по совѣсти, тогда
 Бывали дни, что славой окруженный,
 Какъ Рафаэль, парилъ я надъ землею;
 И свѣтлый взоръ великаго манарха
 Съ безцѣннымъ сердцемъ, съ чуткою душой
 Слѣдилъ за мною. Помню, какъ, бывало,
 Рукой бородку гладить онъ, иль усъ
 Свой крутить. Усъ красивый надъ устами
 Прекрасными улыбкой доброты.
 Другой рукой мнѣ плечи обнимаетъ;
 Цѣпь золотая чуточку звенить
 На груди царской. Я пишу счастливый;

Горжусь собой. Дыханіе его
 Я чувствую. Толпятся царедворцы
 Вокругъ моей работы и глядятъ
 Его глазами. Взглядъ его открытый;
 И столько въ немъ душевной доброты!
 Восторгъ въ сердцахъ всѣхъ чую, и восторгомъ
 Я самъ проникнуть. Жарче я пишу;
 И вижу я вдали—за блескомъ царскимъ—
 Вѣнецъ моихъ желаній и любви,
 Твой образъ милый: для тебя писалъ я.

Хорошее то было время. Да;
 Я царствовала... И если-бъ ты не стала
 Тревожиться... А, впрочемъ... что же я!
 Что было, то прошло. И въ самомъ дѣлѣ,
 Я сознаю: той жизни яркій блескъ,
 Блескъ золотой; не мнѣ имъ наслаждаться.
 Моя стихія—ровный сѣрый свѣтъ.
 Какъ нетопырь со слабыми глазами,
 Лучами солнца я не соблазнюсь,
 Мой міръ—амбара сумракъ. Быть иначе
 Со мной тогда, конечно, не могло.
 Ты призвала меня; и я вернулся
 Домой, къ тебѣ, къ сердечку твоему,—
 Тѣмъ мой триумфъ и кончился. Но если
 Твое себѣ я сердце возвратилъ,
 Недосягнувъ до славы,—что за горе?
 Что мнѣ жалѣть, и что я потерять?

Позволь, я эти косы золотыя
 Самъ вокругъ твоей головки обовью,
 И личико прелестное обрамлю,
 Лукреція моя. Вѣдь ты моя?
 „Вотъ—скажутъ люди—это Рафаэля
 „Созданье, а это написалъ
 „Андреа дель-Сарто. Римская Мадонна
 „Влечетъ сердца къ молитвѣ; но зато
 „Съ своей жены писалъ Мадонну Сарто“?
 Простятъ меня за это. Какъ я радъ,
 Что при тебѣ могу сравнить я обѣ
 Картины эти: я смѣлѣе сужу,
 И свой успѣхъ яснѣе прозрѣваю.
 И право—вотъ, что я тебѣ скажу,—
 Давно я зналъ изъ вѣрныхъ рукъ. Однажды
 Былъ Рафаэль въ работу погруженъ;
 Расписывалъ онъ мыслью огневою

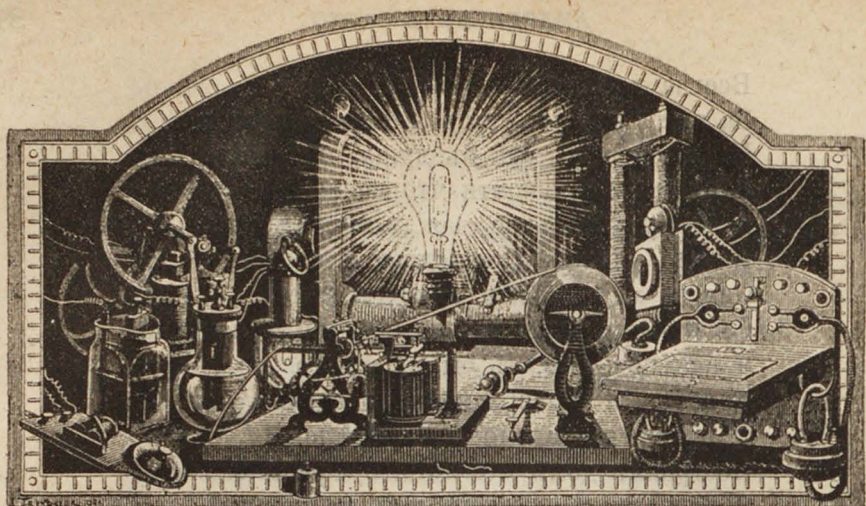
Палаццо стѣны. Римъ благоговѣлъ;
И юноша душою возносился
Въ высъ идеала. Аньело тогда
Ему сказалъ: „А знаешь ли, мой другъ,
„По улицамъ Флоренціи маляръ
„Убогій бродить; дѣла никому
„Нѣтъ до него... Но если-бъ онъ, подобно
„Тебѣ, царями былъ превозносимъ,—
„Когда онъ пишетъ, мыслить, создаетъ,
„Боролся-бъ съ нимъ ты до поту лица“.
Да, Рафаелю! Ну, и въ самомъ дѣлѣ,
Ошибся онъ въ рисунокѣ всей руки.
Мнѣ страшно какъ-то... что-жъ, одна ты видишь...
Дай мѣлъ скорѣй. Вотъ какъ должна итти
Вся линія... Исправилъ я; но, Боже!
Душа-то гдѣ-жъ? Вѣдь это Рафаэль!
Сотри! Сотри!—Я объ одномъ забочусь...
Пускай, сказалъ онъ правду (кто же онъ?
Самъ Аньело; до гроба не забуду
Я этихъ словъ); пусть правду онъ сказалъ,
Пусть потерялъ я случай стать великимъ...
Что за бѣда: была-бъ довольна ты...
Не благодарна, только лишь довольна.
И то утѣха знать мнѣ... Вотъ опять
Ты улыбнулась... И опять я счастливъ,
Часокъ съ тобою отрадный я проведу.
Еще улыбка!.. Если-бъ каждый вечеръ
Съ тобою мы сидѣли, какъ теперь,—
Пойми, дружокъ, я лучше бы работалъ.
Ну-да: и больше-бъ получалъ;
Тебѣ давалъ бы больше я... конечно...

Смотри—стемнѣло, вонъ зажглась звѣзда;
Ушелъ Морелло; сторожа лампада, и
Освѣщена обители стѣна;
И филинь укатъ сталъ на колокольнѣ.
Пора закрыть балконъ. Войдемъ, голубка,
Войдемъ въ нашъ домъ. Уютенъ, но печаленъ
Нашъ домъ. А, помнишь, строили его
Мы для веселья, радости. Караетъ
Меня Господь не даромъ. Да простить
Король Францискъ меня. Ночной порою,
Когда глаза усталые мои
Я оторву отъ полотна и кисти,
Мнѣ чудится, что свѣтятся вокругъ

Меня всѣ стѣны дома: не известкой,
А златомъ яркимъ связанъ ихъ кирпичъ —
Франциска златомъ, что увезъ я...
Любили-бъ только мы другъ друга... Что?
Уходишь ты? Кузень пришелъ? Зачѣмъ-же
Онъ ждетъ въ саду? Тебѣ лишь пару словъ
Сказать онъ хочетъ? Отъ меня секреты,—
Я знаю: просить денегъ онъ займы.
Вновь проигрался? Ты опять смѣешься.
Что за улыбка! Подкупаешь ты
Своей улыбкой мужа. Можетъ надо
Тебѣ еще деньжонокъ? что-жъ, возьми,
Покуда служить мнѣ глаза и руки,
И въ сердцѣ искра свѣтится огня,
Есть у меня товаръ—моя работа;
И что-бы мнѣ ни стоилъ онъ—мой
Капризы имъ оплачивать готовъ я.
Дай только мнѣ спокойно посидѣть
Остатокъ сѣрый вечера.—„Въ бездѣльи“ —
Ты говоришь. Да, въ думы погружась
О томъ, что могъ бы я создать, когда бы
Во Францію вернулся. Я бы могъ
Одну картину (да одну, не больше—
Лицо Пречистой Дѣвы) написать,
Но не съ тебя на этотъ разъ хотѣлъ-бы
Что-бъ ты была со мною и могла
Сужденіе ихъ... кого? Да Буонаротти...
Чтобъ ты могла услышать, какъ мои
Созданія онъ цѣнить.—Ты согласна?
Ну такъ скажи знакомому, что я
Готовъ al fresco стѣны коридора
Имъ избраннымъ сюжетомъ расписать;
Портретъ окончу мигомъ и, пожалуй,
Бездѣлки двѣ прикину, если онъ
Скупиться станетъ. Словомъ, за работу
За всю съ него я долженъ получить
Изрядный кушъ. Вотъ твоего кузена
Прорѣхи мы и можемъ заплататъ.
А впрочемъ, другъ, и безъ того могу я
Сейчасъ помочь картежнику. Возьми,
Вонъ тамъ въ столѣ лежатъ тринадцать скуди;
Отдай ему... Такъ лучше? Ангелъ мой,
Довольна ты? Но какъ, скажи, гуляка—
Кузень умѣлъ устроиться, что имъ

Всегда довольна, ты моя голубка?
За этотъ вечеръ сталъ я тихъ и кротокъ.
Миръ старости мнѣ въ душу низошелъ.
О прошломъ я почти что не жалю;
А въ будущемъ не жажду переменъ,
И какъ мѣнять? Прошедшее всевластно:
Оно во мнѣ самомъ, вокругъ меня..
Съ Францискомъ только поступилъ я дурно.
Я искупить хотѣлъ бы... Да и то!..
Конечно, я его присвоилъ деньги;
Я искушенію слишкомъ поддался.
Построилъ домъ я золотомъ Франциска..
Я согрѣшилъ... Теперь ужъ не помочь..
Отецъ и мать мои въ нуждѣ скончались.
Да, горько мнѣ. Но если-бъ самъ я былъ
Богатъ, а ты вотъ видишь, какъ богатство
Дается туго.—Каждому свое.
Они родились въ бѣдности; и жили
Весь вѣкъ въ нуждѣ; и умерли въ нуждѣ;
Я тоже зналъ нужду; трудился много;
Не щедро мнѣ платили... Пусть другой,—
Хорошій сынъ—, картинъ напишетъ двѣсти
Такихъ, какъ я. Попробуй кто,—легко-ль.
Нѣтъ, вѣрю я, въ работѣ и въ страданьи
Есть искупленіе и моимъ грѣхамъ;
Вотъ вечерокъ сегодня ты со мной
Въ любви и дружбѣ нѣжной провела:
Мнѣ и довольно. И не надо больше
Мнѣ ничего здѣсь на землѣ. А тамъ..
Тамъ въ небесахъ, кто знаетъ,—будетъ случай
Одинъ послѣдній,—выразить, что я
Въ душѣ ношу, чѣмъ мысль и сердце полны..
Четыре тамъ великія стѣны
Іерусалима Новаго; воздвигли
Ихъ гласомъ трубнымъ ангелы. Изъ нихъ
Распишутъ три—Да Винчи, Буонаротти
И Рафаэль; четвертая—моя.
Они безъ женъ; одинъ лишь я женатый:
И тамъ они меня опередятъ.
Зато и тамъ любовь со мною будетъ:
Ты, ты и тамъ!—Но выборъ мой таковъ..
Опять я слышу твоего кузена
Свистокъ въ саду. Что-жъ, милая, иди..

Перев. Л. Рускинъ.

Д-ръ А. Дессау.

Новыя данныя о рентгеновскихъ и беккеррелевыхъ лучахъ.

Послѣ короткаго промежутка удивленія передъ открытыми Рентгеномъ таинственными лучами, наука принялась за ихъ изученіе и усиленно занимается вопросомъ о скорости ихъ распространенія, такъ какъ отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ представленіе, которое мы можемъ себѣ создать о природѣ этихъ лучей. Если скорость ихъ равняется скорости свѣта, то мы должны допустить, что ихъ сущность, подобно свѣту, заключается въ движеніи эонера, такъ какъ матеріальныя частицы, какъ бы малы онѣ ни были, не могутъ развивать подобной скорости,—тогда какъ въ противномъ случаѣ значительно меньшая скорость, чѣмъ скорость свѣта, несоединима со свойствами всенаполняющаго эонера и можетъ быть приписана лишь потоку матеріальныхъ частицъ, исходящихъ изъ источника этихъ лучей. Многочисленные опыты опредѣленія скорости рентгеновскихъ лучей до послѣдняго времени не привели ни къ какимъ результатамъ. Теперь же передъ нами работа французскаго физика Blondlot, дающая очень остроумное рѣшеніе вопроса. И, независимо даже отъ ея результатовъ, эта работа представляетъ для насъ особенный интересъ, позволяя намъ бросить взглядъ въ интеллектуальную мастерскую ученаго—экспериментатора. Поэтому, надѣемся, читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы его поведемъ по извилистой тропинкѣ логической и экспериментальной работы французскаго ученаго.

По своей основной мысли опытъ Blondlot напоминаетъ путь, которымъ шелъ Олафъ Ремеръ въ 1675 году при опредѣленіи въ первый разъ скорости свѣта посредствомъ наблюденія надъ затмѣніями спутниковъ Юпитера. Каждая изъ этихъ лунъ при своемъ обращеніи вокругъ Юпитера регулярно исчезаетъ на опредѣленное время въ его тѣни, и начальный моментъ этого явленія можетъ быть

заранѣе точно вычисленъ. Но при сравненіи результатовъ вычисленія съ наблюденіемъ оказывается, что иногда явленіе происходитъ съ опозданіемъ. Это бываетъ въ томъ случаѣ, когда солнце и Юпитеръ по отношенію къ намъ находятся на одной и той же сторонѣ неба. Съ другой стороны, когда Юпитеръ по отношенію къ намъ расположенъ по одной сторонѣ неба, а солнце—на другой, то явленіе протекаетъ безъ всякаго опозданія. Причину этого не трудно будетъ найти, если мы себѣ представимъ пути движенія Юпитера и земли въ видѣ окружностей, въ центрѣ которыхъ находится солнце. Конечно, при этомъ мы для Юпитера получимъ большую окружность, чѣмъ для земли, такъ какъ его разстояніе отъ солнца больше. Мы увидимъ, что въ первомъ изъ вышеуказанныхъ случаевъ разстояніе между Юпитеромъ и землею будетъ больше, чѣмъ во второмъ, и именно, на величину діаметра земной орбиты. Поэтому въ первомъ случаѣ свѣтовые лучи должны пройти большій путь, чѣмъ во второмъ, и послѣдній лучъ, исходящій изъ луны Юпитера передъ моментомъ затменія будетъ позже виденъ на землѣ. Конечно, на столько же позже дойдетъ до насъ и первый лучъ луны по выходѣ ея изъ конуса тѣни.

Само собой разумѣется, что нельзя этотъ опытъ непосредственно примѣнить при опредѣленіи скорости рентгеновскихъ лучей, такъ какъ они чрезвычайно сильно поглощаются воздухомъ, и ихъ интенсивность быстро падаетъ по мѣрѣ удаленія отъ источника истеченія. Поэтому они, вообще, могутъ быть прослѣжены лишь на незначительномъ разстояніи отъ трубки, въ которой они возникли. И это незначительное разстояніе они пробѣгаютъ въ необыкновенно короткій промежутокъ времени, вслѣдствіе чего прежнія попытки опредѣленія скорости рентгеновскихъ лучей терпѣли полную неудачу. Только Blondlot удалось преодолѣть трудности, благодаря тому, что онъ въ качествѣ измѣрителя времени вмѣсто обычно примѣняющагося для этой цѣли медленнаго движенія часового маятника воспользовался электрическими колебаніями, которыя совершаются въ необыкновенно короткіе промежутки времени, правда, недоступные непосредственному ощущенію, но, тѣмъ не менѣе, точно измѣримые.

Эти колебанія получаютъ посредствомъ извѣстнаго прибора, введеннаго въ науку Генрихомъ Герцомъ. Приборъ состоитъ въ существенныхъ частяхъ своихъ изъ двухъ прямыхъ металлическихъ линеекъ, соединенныхъ съ полюсами электрической машины или индукціоннаго аппарата; обращенные другъ къ другу концы этихъ линеекъ находятся на незначительномъ разстояніи другъ отъ друга. При дѣйствіи машины или индукціоннаго аппарата обѣ линейки получаютъ противоположные электрическіе заряды, напряженіе которыхъ растетъ до тѣхъ поръ, пока изолирующее пространство не будетъ, такъ сказать, разорвано проскочившей между линейками искрой. При поверхностномъ разсмотрѣніи дѣло представляется такимъ образомъ, что искра просто уравниваетъ противоположныя электричества и восстанавливаетъ нормальное состояніе. При ближайшемъ же изслѣдованіи мы встрѣчаемся съ гораздо болѣе сложнымъ явленіемъ. Это явленіе начинается съ того, что оба заряда какъ бы мѣняются мѣстами; та линейка, которая получила сначала положительный зарядъ, теперь, оказывается, заряжена отрицательнымъ электричествомъ, и наоборотъ. Такимъ образомъ электрическое напряженіе не ис-

чезло, и теперь сходитъ слѣдующій разрядъ въ направленіи противоположномъ первому; но и въ этотъ разъ напряженіе не исчезаетъ: за вторымъ разрядомъ слѣдуетъ третій, за третьимъ четвертый и т. д. Конецъ этого явленія наступаетъ только благодаря тому, что каждый новый разрядъ происходитъ съ меньшей силой чѣмъ предыдущій, вслѣдствіе того, что каждый разъ теряется часть энергіи на преодоленіи сопротивленія изолирующей среды. Весь процессъ происходитъ аналогично колебаніямъ маятника: если мы отклонимъ въ сторону и затѣмъ отпустимъ маятникъ, то онъ не вернется просто къ прежнему положенію равновѣсія, но начнетъ совершать колебанія и только постепенно придетъ въ состояніе покоя, вслѣдствіе тренія и сопротивленія воздуха. Описанныя выше явленія въ приборѣ Герца протекаютъ съ необыкновенной быстротой, для нихъ требуются только стотысячныя и даже миллионныя доли секунды. Но все же истинный характеръ ихъ можно обнаружить, рассматривая искру не непосредственно, но въ быстро вращающемся зеркалѣ, которое растягиваетъ ея изображеніе и пространственно отдѣляетъ фазы, слѣдующія другъ за другомъ. Посредствомъ этого остроумнаго приема экспериментально опредѣляется продолжительность колебаній, которая уже раньше была опредѣлена на основаніи теоретическихъ данныхъ. Въ то же время изображеніе искры подтверждаетъ тотъ фактъ, что сила колебаній послѣ каждого разряда быстро падаетъ. Причина этого явленія лежитъ отчасти, какъ это было уже сказано, въ сопротивленіи, которое долженъ преодолѣть разрядъ; но часть энергіи теряется также и отъ того, что колебанія не ограничиваются пространствомъ между линейками, а сообщаются окружающему эоэру, въ которомъ они распространяются волнообразно, совершенно такъ же, какъ отъ звучащаго тѣла звуковыя волны расходятся по всѣмъ направленіямъ. Звуковыя волны, распространяющіяся въ воздухѣ, обладаютъ скоростью около 300 метровъ въ секунду, тогда какъ электрическія колебанія распространяются со скоростью свѣта 300.000 километр. въ секунду. Все таки онѣ во многихъ отношеніяхъ подобны другъ другу. Какъ въ камертонѣ вызываются созвучныя колебанія звуковыми волнами находящагося вблизи другого инструмента той же высоты тона, — такъ и электрическія колебанія вызываютъ отвѣтныя колебанія того же рода, если они на своемъ пути встрѣчаютъ проводникъ надлежащей величины и формы, такъ называемый резонаторъ. Въ своей наипростѣйшей формѣ этотъ аппаратъ, служащій важнымъ вспомогательнымъ средствомъ для обнаруженія и изученія электрическихъ волнъ, состоитъ изъ проволоки соотвѣтственной длины, которая согнута такимъ образомъ, что концы ея близко сходятся; если въ резонаторѣ подъ дѣйствіемъ электрическихъ волнъ возбуждается соотвѣтственное колебаніе, то между концами его проскакиваютъ маленькія искры, которыя обнаруживаютъ глазу присутствіе электрическихъ волнъ.

Изучая это явленіе, Блондло сдѣлалъ важное наблюденіе, что обыкновенно очень слабый блескъ искръ значительно возрастаетъ подъ вліяніемъ рентгеновскихъ лучей. Очевидно, что это явленіе наступаетъ именно въ тотъ моментъ, когда рентгеновскіе лучи достигаютъ резонатора, въ которомъ уже существуютъ электрическія колебанія. Такимъ образомъ, наблюдая появленіе яркой искры, Blondlot получилъ возможность опредѣлить моментъ достиженія рентгеновскими

лучами резонатора. Для опредѣленія ихъ скорости нужно, конечно, еще знать и моментъ выхода ихъ изъ какой-либо опредѣленной точки пространства. И здѣсь также Blondlot воспользовался электрическими колебаніями, примѣнивъ ихъ въ качествѣ источника для полученія рентгеновскихъ лучей. Какимъ образомъ это дѣлается, безъ дальнѣйшихъ поясненій видно изъ краткаго описанія постановки опыта Blondlot. Доставляющая зарядъ, электрическая машина, которую нѣтъ надобности изображать, имѣетъ двѣ проволоки, ведущія къ обѣимъ упомянутымъ линейкамъ прибора, близъ котораго помѣщается резонаторъ; отъ концовъ линеекъ проволоки идутъ дальше къ электродамъ рентгеновской трубки; и послѣдняя подѣ дѣйствіямъ электрическаго разряда посылаетъ извѣстные лучи. Рентгеновская трубка и приборъ Герца, такимъ образомъ, пользуясь техническимъ терминомъ, установлены параллельно и представляютъ для разряда электрическихъ напряженій два пути. Разстояніе между линейками прибора (вибратора) урегулировано такимъ образомъ, что разрядъ черезъ рентгеновскую трубку наступаетъ при низшемъ напряженіи, слѣдовательно, и совершается нѣсколько легче, чѣмъ черезъ «вибраторъ». Вслѣдствіе этого, когда начинаетъ дѣйствовать элетрическая машина, раньше приходитъ въ дѣйствіе рентгеновская трубка, которая и спускаетъ уже свои лучи прежде, чѣмъ въ вибраторѣ произойдетъ разрядъ. Долго тянуться это состояніе не можетъ, такъ какъ путь черезъ рентгеновскую трубку слишкомъ тѣсенъ, чтобы пропустить все количество электричества, вырабатываемого машиной; часть послѣдняго поэтому задерживается по пути, вслѣдствіе чего напряженіе въ возбудителѣ растетъ все болѣе, пока, наконецъ, и здѣсь не произойдетъ разрядъ, и проскочитъ искра, вызывающая электрическія колебанія въ средѣ.

Съ этого момента картина мѣняется. Теперь вибраторъ воспринялъ все имѣющееся на лицо электрическое напряженіе. Пока машина не пополнитъ затраченной энергіи (для чего требуется хотя само по себѣ и короткое, но, въ сравненіи съ періодами колебаній, продолжительное время), притокъ энергіи къ рентгеновской трубкѣ прерванъ. Болѣе внимательное разсмотрѣніе показываетъ, конечно, что рентгеновская трубка потухаетъ, т. е. перестаетъ функционировать, не въ тотъ же моментъ, въ который начинается разрядъ въ вибраторѣ. На протяженіи проволокъ, идущихъ отъ послѣдняго къ рентгеновской трубкѣ, остается еще нѣкоторое количество энергіи, и, пока оно вполнѣ не достигнетъ цѣли, рентгеновская трубка будетъ получать притокъ энергіи и, сообразно съ этимъ, будетъ продолжать посылать свои лучи. Продолжительность этого излученія зависитъ, очевидно, отъ длины проволокъ между трубкою и линейками. Такимъ образомъ, зная, что электрическая энергія распространяется по проволокамъ со скоростью свѣта, можно точно опредѣлить, сколько времени послѣ начального момента разряда продолжается излученіе рентгеновской трубки. Со скоростью рентгеновскихъ лучей это, правда, имѣетъ мало общаго, но можно вывести опредѣленные взаимоотношенія вслѣдствіе вліянія, оказываемого колебаніями вибратора и рентгеновскими лучами на резонаторъ. Этотъ послѣдній помѣщается въ непосредственной близости отъ вибратора; исходяція изъ послѣдняго колебанія достигаютъ резонатора очень быстро. Но самое сильное дѣйствіе на резонаторъ эти колебанія оказываютъ не въ самый

моментъ своего возникновенія, а въ серединѣ своего развитія, какъ это показываетъ теорія и наблюденіе. Только тогда искра пріобрѣтаетъ сильный блескъ; затѣмъ она тухнетъ и снова разгорается къ тому времени, когда въ вибраторѣ произошло полтора колебанія и т. д. Если въ одинъ изъ такихъ моментовъ на резонаторъ попадаютъ рентгеновскіе лучи, то блескъ и сила искры, какъ уже было сказано, замѣтно увеличиваются.

Какіе же факторы, спрашивается, оказываютъ вліяніе на моментъ достиженія рентгеновскими лучами резонатора? Отвѣтъ на этотъ вопросъ крайне простъ. Такихъ факторовъ—два: во-первыхъ, тотъ промежутокъ времени, въ теченіе котораго рентгеновская трубка продолжаетъ испускать лучи послѣ начального момента разряда въ вибраторѣ, и, во-вторыхъ, скорость распространенія самихъ рентгеновскихъ лучей.

Предположимъ, что рентгеновская трубка находится въ непосредственной близости отъ вибратора и соединена съ нимъ очень короткими проволоками. Въ такомъ случаѣ искра резонатора останется безъ всякаго измѣненія, такъ какъ рентгеновскіе лучи потухаютъ сейчасъ же послѣ того, какъ начинаетъ дѣйствовать вибраторъ, и, кромѣ того, достигаютъ резонатора очень быстро, между тѣмъ какъ искра въ немъ усиливается только позже. Замѣнивъ же короткія проволоки болѣе длинными и оставивъ при этомъ рентгеновскую трубку на томъ же мѣстѣ, гдѣ она была раньше, мы замѣтимъ, что лучи начинаютъ оказывать вліяніе на искру; вліяніе это выразится сильнѣе, если мы, не измѣняя теперь длины проволоки, станемъ отдалять рентгеновскую трубку отъ резонатора. Наше теоретическое разсмотрѣніе приводитъ насъ, такимъ образомъ, къ тому странному, на первый взглядъ, заключенію, что рентгеновскіе лучи дѣйствуютъ на извѣстномъ разстояніи сильнѣе, чѣмъ въ непосредственной близости; все это вполне подтверждается наблюденіемъ, при помощи котораго можно опредѣлять и то мѣсто, откуда лучи оказываютъ самое сильное дѣйствіе на резонаторъ. Это мѣсто имѣетъ слѣдующее свойство: количество времени, необходимое для того, чтобы электрическое напряженіе попало изъ вибратора въ рентгеновскую трубку, и количество времени, требующееся для того, чтобы рентгеновскіе лучи попали изъ трубки въ резонаторъ, въ совокупности должны равняться продолжительности половины колебанія вибратора. Если мы оставимъ рентгеновскую трубку на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ она оказываетъ сильнѣйшее дѣйствіе на резонаторъ, но замѣнимъ проволоки, идущія отъ вибратора къ трубкѣ, болѣе длинными проволоками, то сила дѣйствія лучей снова упадетъ. Это происходитъ оттого, что электрическому напряженію теперь требуется больше времени, чтобы попасть въ трубку изъ проволоки, и, вслѣдствіе этого, лучи попадаютъ въ мѣсто разрыва резонатора не въ надлежащій моментъ. Если же мы теперь приблизимъ рентгеновскую трубку къ резонатору, то сила дѣйствія ея лучей на этотъ послѣдній будетъ расти и достигнетъ высшей точки въ то время, когда мы приближеніемъ трубки выиграемъ столько во времени, сколько мы его потеряли, удливъ проволоку. Между тѣмъ мѣстомъ, которое трубка занимала раньше, и тѣмъ, которое она занимаетъ теперь, существуетъ извѣстная разница, и все выше сказанное, другими словами, означаетъ, что рентгеновскіе лучи пробѣгаютъ эту разницу разстоянія въ такой же промежутокъ

времени, въ какой электрическое напряженіе пробѣгаетъ прибавленную проволоку. Такъ какъ время, которое требуется для этого электрическому напряженію, намъ извѣстно (скорость распространенія электрическихъ волнъ, какъ уже было упомянуто, равна скорости распространенія свѣта), то изъ описаннаго опыта безъ дальнѣйшихъ разъясненій вытекаетъ, сколько времени требуется рентгеновскимъ лучамъ, чтобы пробѣжать извѣстное разстояніе, или, другими словами, такимъ образомъ мы можемъ опредѣлить *скорость распространенія рентгеновскихъ лучей*. Оказывается, что скорость распространенія рентгеновскихъ лучей равна скорости распространенія свѣта.

Этотъ выводъ имѣетъ рѣшающее значеніе для познанія природы рентгеновскихъ лучей. Врядъ ли допустимо, чтобы матеріальныя частицы, какъ бы малы онѣ ни были, могли двигаться съ быстротою, равною быстротѣ распространенія свѣта; нужно, слѣдовательно, допустить, что это движеніе имѣетъ мѣсто въ эфирѣ. Тутъ представляются еще двѣ возможности. Въ основѣ движенія могутъ лежать регулярныя колебанія ээира, которыя, подобно свѣтовымъ колебаніямъ, идутъ перпендикулярно направленію лучей. Тогда они отличаются отъ свѣтовыхъ и родственныхъ имъ ультрафіолетовыхъ колебаній только тѣмъ, что движенія каждой частицы повторяются быстрѣе, и что соотвѣтственно этому длина волнъ меньше. Съ другой стороны, можно предположить, что частички ээира испытываютъ отдѣльныя, независимыя другъ отъ друга, хотя и быстро слѣдующіе другъ за другомъ импульсы. Эти импульсы могутъ возникнуть тамъ, гдѣ отброшенные катодомъ матеріальныя частицы встрѣчаютъ стѣнки разрядной трубки или какое-нибудь другое препятствіе, нарочно поставленное на ихъ пути и получающее названіе антикатада. Импульсы придерживаются того же направленія, что и свѣтотвыя колебанія, но отличаются отъ послѣднихъ тѣмъ, что сообщаютъ ээиру не непрерывное движеніе, а лишь отдѣльныя, непродолжительныя толчки. Эта *ипотеза* о характерѣ рентгеновскихъ лучей, обоснованная Вишертомъ и Стоксомъ, уясняетъ намъ тотъ фактъ, что рентгеновскіе лучи, будучи обзаны своимъ происхожденіемъ извѣстному сотрясенію, если такъ можно выразиться, катодныхъ лучей въ разрядной трубкѣ, потухаютъ одновременно съ прекращеніемъ разрядовъ; она же объясняетъ отсутствіе регулярнаго отраженія и преломленія, имѣющихъ мѣсто для колебаній ээира при переходѣ ихъ изъ одной среды въ другую; она, наконецъ, объясняетъ тѣ своеобразныя явленія, которыя наблюдали Haga и Wind на рентгеновскихъ лучахъ, похожія на такъ называемое уклоненіе свѣта. Къ особенностямъ колебаній ээира, являются ли они непрерывными, или вызваны отдѣльными толчками, принадлежитъ поляризація. Поляризація свѣта давно уже извѣстна; что же касается поляризаціи рентгеновскихъ лучей, то всѣ попытки доказать ея наличность оказались тщетными.

Это, однако, не мѣшаетъ намъ причислить рентгеновскіе лучи къ классу движеній ээира. Напротивъ, въ катодныхъ лучахъ, изъ которыхъ рентгеновскіе лучи возникаютъ, теперь хотятъ видѣть *электроны*, т. е. *матеріальныя частицы, заряженныя отрицательнымъ электричествомъ*; размѣры этихъ частичекъ гораздо меньше, чѣмъ размѣры атомовъ, считающихся въ химическихъ процессахъ простѣйшими составными частями матеріи. Вслѣдствіе отрицательнаго

заряда электроны отталкиваются отъ катода и приобѣтають значительную скорость благодаря величинѣ заряда и незначительности своей массы. Въ открытыхъ Гольдштейномъ «канальныхъ лучахъ» (Kanalstrahlen) теперь также признають существованіе матеріальныхъ частицъ, однако, заряженныхъ положительнымъ электричествомъ, поэтому ихъ называютъ положительными электронами; неудачное названіе ихъ обусловлено тѣмъ фактомъ, что эти лучи, исходящіе изъ анода, и устремляющіеся къ катоду, можно отдѣлить отъ катодныхъ лучей, и наблюдать за катодомъ, давая имъ выйти въ какую-нибудь щель изъ катода. Канальные лучи отличаются отъ катодныхъ не только характеромъ заряда, но и тѣмъ отношеніемъ, которое существуетъ между силой заряда и массой частицы. Это отношеніе для канальныхъ лучей значительно меньше, чѣмъ для лучей катодныхъ, и въ то же время оно не одно и то же для различныхъ частицъ, выступающихъ даже въ одной и той же разрядной трубкѣ. Такъ какъ нельзя предположить, чтобы величина всѣхъ матеріальныхъ частицъ была не одна и та же, то приходится допустить, что электрическіе заряды у разныхъ положительныхъ электроновъ не одинаковы, и что отрицательные электроны сильнѣе заряжены, чѣмъ они.

Приведенные выше результаты изслѣдованій бросаютъ также совершенно новый свѣтъ на природу Беккерелевыхъ лучей. Благодаря серьезнымъ работамъ Кюри, Эльстера, Гейтеля и Ретзифорда и другихъ ученыхъ надъ этими лучами, стало извѣстнымъ, что послѣдніе посылаются цѣлымъ рядомъ извѣстныхъ элементовъ, какъ торій, уранъ и ихъ соединенія, съ особенной же интенсивностью вновь открытыми, такъ называемыми радіоактивными веществами; извѣстно также, что тутъ мы имѣемъ дѣло не съ однороднымъ лученіемъ, а со смѣсью разнаго рода лучей, отношеніе которыхъ къ источнику нѣкоторымъ образомъ варьируетъ. Такъ, въ лучахъ радія, открытыхъ Кюри, извѣстна одна часть, которая довольно легко проходитъ черезъ многія вещества, въ томъ числѣ и черезъ тонкія металлическія пластинки, и во всѣхъ своихъ свойствахъ такъ близко подходитъ къ рентгеновскимъ лучамъ, что почти не остается сомнѣнія въ ихъ тождественности. Другая часть, которая есть въ излученіяхъ урана и торія, а также радія, равнымъ образомъ съ извѣстной легкостью проникаетъ черезъ различныя вещества, но отличается отъ предыдущихъ лучей своимъ отношеніемъ къ магнитному полю: въ то время какъ лучи перваго рода, повидимому, не испытываютъ никакого измѣненія отъ дѣйствія магнита, лучи второго рода между двумя полюсами магнита отклоняются отъ своего прямолинейнаго направленія, что позволяетъ заключить, что эти лучи состоятъ изъ потока матеріальныхъ частицъ, заряженныхъ отрицательно, и, поэтому *тождественныя съ катодными лучами*. Наконецъ, третій родъ лучей, который испускается одновременно съ первыми двумя радіемъ и торіемъ, и изъ которыхъ состоитъ почти все излученіе полонія, — сильно поглощается многими веществами, и въ магнитномъ полѣ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ Ретзифорда и Беккереля, испытываетъ отклоненіе въ направленіи противоположномъ отклоненію лучей второго рода, что характерно для потока матеріальныхъ частичекъ, заряженныхъ положительно, другими словами, для положительныхъ электроновъ *канальныхъ лучей*. Такъ какъ излученія ра-

діоактивныхъ веществъ вызываютъ химическія превращенія и такимъ образомъ способны производить работу, то они представляютъ извѣстную сумму энергіи, источникомъ которой надо считать вещество, посылающее лучи. Если расходъ энергіи не будетъ пополняться извнѣ, то, разумѣется, съ теченіемъ времени должна происходить убыль лучей и наконецъ ихъ полное потуханіе. У одной части радіоактивныхъ веществъ не замѣчается совершенно убыли въ излученіи. Такъ какъ, съ другой стороны, по новымъ измѣреніямъ, количество энергіи лучей далеко не такъ незначительно (какъ мы вскорѣ въ этомъ убѣдимся), чтобы убыль ихъ попросту ускользала отъ наблюденій, то передъ нами возникаетъ вопросъ: какое явленіе возмѣщаетъ затраченную энергію? Въ предѣлахъ извѣстныхъ до сихъ поръ явленій напрасно ищутъ отвѣта на этотъ вопросъ; поэтому изслѣдователи принуждены прибѣгнуть къ совершенно новымъ предположеніямъ.

Такъ, утверждаютъ, что радіоактивнымъ веществамъ присуща способность превращать въ энергію лучей—энергію тяжести, которою обладаетъ всякій родъ матеріи, вслѣдствіе тяготѣнія къ землѣ; однако, экспериментальнаго подтвержденія эта гипотеза еще не получила.

Противъ другого предположенія, по которому лучистая энергія радіоактивныхъ веществъ черпается изъ тепловаго запаса ихъ самихъ или непосредственно окружающихъ ихъ предметовъ, возражаютъ, что съ этимъ было бы связано охлажденіе самого вещества или непосредственно прилегающаго къ нему пространства, что стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчій съ однимъ изъ положеній термодинамики. Если, впрочемъ, подтвердится, что соли радія, какъ сообщали Пюри и Лабардь въ послѣднемъ засѣданіи парижской академіи, непрерывно испускаютъ изъ себя замѣтныя количества тепла, то получаетъ неожиданную поддержку взгляды нѣкоторыхъ физиковъ, которые, вообще, придаютъ вышеупомянутому положенію термодинамики ограниченное значеніе и въ явленіяхъ радіоактивности хотятъ видѣть исключеніе изъ него.

Гораздо болѣе спорнымъ является вопросъ, дѣйствительно ли радіоактивныя вещества съ теченіемъ времени теряютъ въ вѣсѣ. Многія изъ этихъ веществъ, кромѣ собственно лучей, испускаютъ изъ себя «эманацию», которая сгущается на окружающихъ предметахъ и сообщаетъ имъ способность въ свою очередь посылать Беккерелевы лучи. Отъ лучей первичныхъ эта вторичная радіоактивность существенно отличается недостаткомъ постоянства: черезъ извѣстное время она исчезаетъ сама собой. По всѣмъ признакамъ, кажется, эманация слѣдуетъ приписать матеріальную природу; Гейдвейлеръ, дѣйствительно, хотѣлъ опредѣлить, что радіоактивныя вещества съ теченіемъ времени теряютъ въ вѣсѣ. Изъ чего собственно состоитъ эманация, еще не выяснено; предположеніе Ретзифорда, что это химически недѣятельный газъ—мало вѣроятно, такъ какъ переносъ радіоактивности на какое-либо тѣло съ радіоактивной соли можетъ происходить и тогда, когда они оба растворены въ водѣ, и неактивная составная часть посредствомъ опредѣленной примѣси осаждается изъ раствора; тогда большая доля радіоактивности переходитъ на осадокъ, хотя въ немъ нельзя уже обнаружить и слѣдовъ радія.

Кромѣ того, совершенно, повидимому, однородныя радіоактивныя вещества

могутъ быть раздѣлены на активную и неактивную составныя части. Круксъ растворялъ радіоактивное соединеніе урана частями въ эфиръ и нашелъ, что растворившаяся часть лишь слабо радіоактивна, тогда какъ часть, оставшаяся нерастворенной, — сильно радіоактивна. Полное раздѣленіе этихъ частей достигается фракціонированной кристаллизацией или осажденіемъ, и всегда выдѣленная или оставшаяся нерастворенной часть оказывалась болѣе активна. Ретзифордъ и Судди (Rutherford, Soddy) получили при подобныхъ опытахъ съ торіемъ сходный результатъ; только здѣсь болѣе радіоактивностью обладала растворившаяся часть. Приходящее прежде всего на умъ предположеніе, что названныя вещества неоднородны въ дѣйствительности, а состоятъ изъ смѣси различныхъ веществъ, оказывается несостоятельнымъ въ виду тѣхъ фактовъ, что болѣе активная составная часть съ теченіемъ времени утрачиваетъ свою активность, тогда какъ та часть, которая непосредственно послѣ отдѣленія обладала слабой активностью, или даже вовсе не имѣла ея, — мало по малу снова пріобрѣтаетъ способность испускать Беккерлевы лучи. Эти своеобразныя отношенія указываютъ на связь радіоактивности съ эманацией и даютъ опору тому пониманію этихъ явленій, по которому характерная способность радіоактивныхъ веществъ только въ томъ главнымъ образомъ и состоитъ, что они испускаютъ изъ себя вышеупомянутую эманацию, которая, въ свою очередь, тамъ, гдѣ она осѣла, возбуждаетъ Беккерлевы лучи.

Между первичной и вторичной, или наведенной, активностью поэтому нѣтъ существенной разницы: если эманация совершенно поглощается тѣломъ, въ которомъ она возбуждаетъ активность, то тѣло сильно радіоактивно; если же оно поглощаетъ только отчасти, то будетъ въ менѣе значительной степени активно, но все же будетъ испускать изъ себя эманацию, которая сообщаетъ вторичную радіоактивность другимъ тѣламъ. Только послѣдняя должна снова потухнуть, когда будетъ потреблена вся скопившаяся на тѣлѣ эманация, тогда какъ въ первично активныхъ тѣлахъ эманация постоянно вновь образуется.

Подобное же понятіе составили себѣ Ретзифордъ и Судди на основаніи своихъ интересныхъ изслѣдованій. Исходнымъ пунктомъ при этомъ для нихъ являются упомянутыя уже наблюденія надъ препаратами торія. По мнѣнію Ретзифорда и Судди, и первично-радіоактивныя вещества не обладаютъ съ самаго начала своими характерными особенностями; они пріобрѣтаютъ ихъ только вслѣдствіе постоянно и самопроизвольно происходящаго въ нихъ процесса превращенія, продуктъ котораго радіоактивенъ; но этотъ продуктъ претерпѣваетъ новое превращеніе, результатомъ котораго является неактивное въ теченіе продолжительнаго времени вещество. Если удастся какое-нибудь радіоактивное вещество, какъ при соединеніи торія и урана, разложить химическимъ путемъ на активную и неактивную составныя части, то это означаетъ, что первая, активная составная часть, есть цѣликомъ продуктъ перваго превращенія; онъ, поэтому, современемъ теряетъ свою радіоактивность и превращается въ неактивное вещество.

А между тѣмъ та часть, которая непосредственно послѣ (анализа) разложенія была неактивной, должна еще претерпѣть первое превращеніе, благодаря которому она со временемъ становится активной. Въ обыкновенныхъ препаратахъ торія и урана оба процесса происходятъ одновременно, благодаря чему ихъ радіоак-

тивность кажется неизмѣнной; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, она должна безвозвратно исчезнуть послѣ нѣкотораго, хотя и продолжительнаго, промежутка времени. А разъ вещество мало-по-малу теряетъ способность испускать Беккерелевы лучи, то становится понятнымъ тотъ фактъ, что мы въ природѣ встрѣчаемъ крайне незначительное количество веществъ, способныхъ испускать интенсивные лучи этого рода. Способность испускать малоинтенсивные Беккерелевы лучи мы видимъ очень часто; Стреть (Strutt) показалъ это на очень многихъ веществахъ; по Уильсону дождь радиоактивенъ, точно такъ же, какъ воздухъ въ замкнутыхъ помѣщеніяхъ. По Лебону, наконецъ, можно почти повсюду встрѣтить радиоактивность въ видѣ своеобразныхъ явленій излученія, названныхъ имъ «чернымъ свѣтомъ». Во всякомъ случаѣ радиоактивность въ томъ видѣ, въ какомъ она могла довольно часто проявляться на прежнихъ стадіяхъ развитія нашей планеты, теперь, какъ говоритъ Старкъ, почти что вымерла; и, поэтому, не случайнымъ, можетъ быть, надо считать то явленіе, что радиоактивными оказываются какъ разъ элементы съ наибольшими атомными вѣсами.

Еще болѣе важнымъ, чѣмъ вопросъ о роли, которую могли когда-то раньше сыграть въ природѣ радиоактивныя вещества, является для насъ то обстоятельство, что отъ изученія радиоактивности мы можемъ ждать расширенія предѣловъ нашего познанія въ области химическихъ явленій. Большинство изслѣдователей держится того мнѣнія, что химическіе процессы являются источниками энергій Беккерелевыхъ лучей; но эти химическіе процессы не могутъ принадлежать къ разряду извѣстныхъ, такъ какъ интенсивность излученія, слѣдовательно и быстрота, съ которой происходятъ лежащія въ основѣ ихъ химическія явленія, почти совсѣмъ не зависятъ отъ вѣншихъ условій; между тѣмъ, эти послѣднія могутъ ускорять или замедлять всѣ извѣстныя намъ химическія реакціи. Поэтому мы вынуждены предположить, что измѣненія происходятъ внутри атомовъ. Радиоактивные элементы—таковъ выводъ Ретзифорда и Судди—должны претерпѣвать самопроизвольныя превращенія, при которыхъ возникаютъ *новые виды веществъ*, и въ то же время освобождается энергія, обнаруживающаяся для насъ въ видѣ Беккерелевыхъ лучей. Этимъ самымъ означенные лучи и субстанціи, изъ которыхъ они исходятъ, неожиданно пріобрѣтаютъ для насъ важное значеніе. Беккерелевы лучи, какъ мы это видѣли, главнымъ образомъ являются матеріальными частицами, движущимися съ быстротой, которой для матеріальныхъ предметовъ и не предполагали. Масса этихъ частицъ, отрицательныхъ электроновъ, въ тысячу разъ менѣе значительна, чѣмъ масса малѣйшаго химическаго атома; количества матеріи, претерпѣвающей, въ связи съ радиоактивностью, свои измѣненія, можно назвать безконечно малыми, если сравнить ихъ съ количествами матеріи, дѣйствующими въ обычныхъ химическихъ реакціяхъ. *По ту сторону отъ атома и молекулы* открывается передъ нами *цѣлый таинственный міръ*, изслѣдованіе котораго общаетъ физикѣ и химіи много цѣннаго.

А. А. Радцигъ.

Желѣзодѣлательная промышленность Германіи.

Долгое время въ производствѣ желѣза, Англія занимала первое мѣсто, уступивъ таковое въ концѣ 80-хъ годовъ Соединеннымъ Штатамъ.

Въ послѣднее время, Германія увеличила свою производительность желѣза въ такой степени, что въ прошломъ году ея выработка чугуна впервые превысила таковую Соединеннаго Королевства, а потому является своевременнымъ ознакомиться съ нѣкоторыми условіями, при которыхъ работаетъ Германія.

Производство чугуна въ Германіи и Англіи, съ 1830 г., возрастало слѣдующимъ образомъ:

года.	Германія въ милліонахъ пудовъ.	Соед. Королевство
1830	7,9	41,6
1850	25,0	137,3
1870	84,9	369,6
1890	284,4	490,1
1895	333,7	477,6
1900	520,2	555,5
1901	481,1	491,6
1902*)	520,8	496,0

За послѣдніе 72 года, производство Германіи увеличилось въ 66 разъ, тогда какъ за то же время англичане увеличили свою производительность лишь въ 12 разъ. Но тогда какъ нѣмцы уси-

*) См. мое изслѣдованіе: „Желѣзодѣлательная промышленность всего свѣта“ изд. 1900 г., а также „Stahl und Eisen“ отъ 1 мая 1903 г. и англійскій „Экономистъ“ отъ 21 Февраля 1903 г.

ливали свое производство чугуна, перерабатывая собственные руды и лишь въ незначительной степени привозныя, англичане все больше и больше прибѣгали къ переработкѣ привозныхъ рудъ, а при этихъ условіяхъ уже нельзя рассчитывать на дальнѣйшее большее увеличеніе производительности.

Наше производство чугуна увеличилось съ 7 милл. пуд. въ 1830 г. до 178 милл. пуд. въ 1900 г., или въ 25 разъ; такъ что наше производство увеличилось въ меньшей степени, чѣмъ нѣмецкое. Въ Россіи производство чугуна производилось исключительно изъ собственныхъ рудъ (на привозныя пошлаина составляетъ 10,5 коп. съ пуда), а такъ какъ таковыя имѣются не повсемѣстно, то чугунъ могъ быть дешевле лишь въ мѣстахъ его производства. Германія, допускавшая безошлинный привозъ руды, вырабатывала отъ 5 до 10% всего чугуна изъ привозныхъ рудъ, а Соединенное Королевство до 50%. Германія и привозила и вывозила руды, и въ 1901 г. напр. излишки привозовъ желѣзныхъ рудъ надъ вывозами, составляли 121 милл. пудовъ; раньше, излишки привозовъ надъ вывозами были меньше. Руды въ Германію привозились изъ Швеціи и изъ Испаніи, а вывозы направлялись главнымъ образомъ въ Бельгію и Францію.

Добыча рудъ въ Германіи не превышала 160 милл. пудовъ въ 1864 г., къ 1880 г. возросла до 442 милл. пуд., а въ послѣднее время составляла 1,158 милл. пуд. въ 1900 г., 1,012 милл. пуд. въ 1901 г. и 1,096 милл. пуд. въ 1902 г.

Желѣзныя руды въ Германіи очень плохого качества, и увеличенія своей желѣзодѣлательной промышленности нѣмцы достигли исключительно благодаря своимъ познаніямъ, энергіи, духу предпріимчивости и примѣненію при производствѣ желѣза послѣднихъ усовершенствованій, которыя дали имъ возможность перерабатывать въ чугунъ бѣдныя желѣзныя руды, съ содержаніемъ фосфора.

Изобрѣтеніе Томаса и Гильхриста, для удаленія фосфора изъ чугуна, при обиліи рудъ содержащихъ фосфоръ, въ особенности привилось въ Германіи, гдѣ по названной системѣ былъ выработанъ чугунъ, въ 1884 г.: 53 милл. пуд., въ 1887 г.: 104 милл. пуд. въ 1895 г.: 206 милл. пуд., въ 1900 г. 365 милл. пуд. и въ 1902 г. по предварительнымъ даннымъ: 317 милл. пуд. (около 61% общаго производства).

Желѣзныя руды въ Германіи обходятся около 3 коп. за пудъ, а за послѣдніе 3 года, цѣны за выработанныя на шахтахъ руды, составляли: въ 1900 г. 3,1 коп., въ 1901 г.: 3,3 коп., въ 1902 г.: 2,8 коп. за пудъ. Цѣна привозныхъ рудъ была 13,8 коп. въ 1900 г. и 12,1 коп. въ 1901 г.

Цѣна каменнаго угля въ Германіи въ обыкновенное время

доходить до 5 коп. съ пуда; въ послѣднее время она составляла по 6,7 коп. въ 1900 и 1902 гг. и 7,1 коп. въ 1901 г.

Изъ этихъ данныхъ видно, что за послѣднее время и руда желѣзная и каменный уголь въ Германіи были очень дороги. На каменный уголь не было подобныхъ цѣнъ уже очень давно, наоборотъ въ 80-хъ годахъ цѣна на уголь падала ниже 4 коп. съ пуда; что-же касается желѣзныхъ рудъ, то высшая цѣна съ 1880 г. была 3,6 коп. за пудъ, низшая въ 1894—1895 г.: 2,6 коп. за пудъ.

Сильное возвышеніе цѣнъ на руду и каменный уголь объясняется громаднымъ требованіемъ на желѣзо, какъ для постройки новыхъ желѣзныхъ дорогъ, такъ равно и для судостроенія.

Протяженіе нѣмецкихъ желѣзныхъ дорогъ нормальной колеи возвысилось съ 38.690 верстъ въ 1891 г., до 45.655 верстъ въ 1900 г.; сверхъ того, въ Германіи были узкоколейныя дороги длиной въ 1057 верстъ въ 1891 г. и въ 1648 верстъ въ 1902 г. Изъ европейскихъ государствъ въ 1900 г., Германія имѣла наибольшую желѣзно-дорожную сѣть и перевозки по нѣмецкимъ желѣзнымъ дорогамъ ежегодно сильно увеличивались. Точно также въ очень сильной степени увеличивалось число судовъ и пароходовъ германскаго торговаго флота, и тогда какъ въ 1871 г., чистая вмѣстимость нѣмецкихъ судовъ не превышала 982 т. регистровыхъ тоннъ, въ 1891 г. она доходила до 1.433 тыс., а въ 1901 г. до 1.942 тыс., удвоившись въ 30 лѣтъ.

Постройка новыхъ судовъ и пароходовъ на германскихъ верфяхъ идетъ возрастаая и въ 1901 г. уже доходила до 244 тыс. регистровыхъ тоннъ. Конечно это очень низкая цифра сравнительно съ данными объ англійскомъ судостроительствѣ, но постройки въ Германіи увеличиваются.

Разумѣется, что на постройку и эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ и на судостроеніе требуется желѣзо, почему потребление нѣмцевъ за послѣдніе 30—40 лѣтъ возросло въ громадной степени. Но увеличеніе потребленія объясняется главнымъ образомъ удешевленіемъ желѣза, потому что безъ такого удешевленія, большія постройки желѣзныхъ дорогъ и судовъ, подобно тѣмъ, какія имѣли мѣсто въ Германіи за послѣднія 30—40 лѣтъ, едва-ли были-бы возможны.

Цѣны чугуна въ Германіи на заводахъ, доходившія до 45 коп. за пудъ въ 1880 г., къ 1886 г. опустились до 31 коп. за пудъ въ 1890 г. цѣна вновь поднялась до 43½ коп., затѣмъ онѣ вновь понижались въ 1894—95 г. до 33 коп. и съ тѣхъ поръ постоянно возвышались. Цѣны составляли 39 коп. за пудъ въ 1897 г., 39,3 коп. въ 1898 г., 42,4 коп. въ 1899 г., 49 коп. въ 1900 г., а въ 1901 г. вновь упали на 47,3 коп., въ 1902 г. на 40,5 коп. все за пудъ.

Мы привели среднія годовыя цѣны, онѣ были выше американскихъ и англійскихъ цѣнъ, но много ниже цѣнъ на чугуны у насъ. Цѣны въ Россіи на чугуны если и понизились, то не на долго и можно навѣрно сказать, что чугуны у насъ, благодаря высокой пошлинѣ, будутъ вскорѣ такъ же дорогъ, какъ онъ былъ раньше, когда онъ на заводахъ продавался по 70 коп. за пудъ, а въ Петербургѣ доходилъ даже до 1 рубля и дороже. Въ Германіи пошлина на чугуны составляетъ 7½ коп. съ пуда, у насъ-же она доходитъ до 45 коп. съ пуда, являясь въ полномъ смыслѣ запретительной пошлиной, почему чугуны могутъ быть дешевле лишь временно, вслѣдствіе перепроизводства, вызваннаго слишкомъ высокими цѣнами, а таковыя въ свою очередь возможны, при те- перешней высокой пошлинѣ.

Производство чугуна въ Германіи сосредоточено преимуще- ственно въ прирейнскихъ провинціяхъ, въ Эльзасѣ и Лотарингіи, въ Люксембургѣ и въ Силезіи.

Чтобы судить о томъ, насколько увеличилась производи- тельность рабочихъ въ Германіи, приводимъ слѣдующія данныя. Въ 1872 г. одинъ рабочій вырабатывалъ 9,119 пуд. желѣзной руды въ годъ, въ 1900 г. уже по 26,430 пуд., такъ что производитель- ность одного рабочаго, конечно, благодаря примѣненію механи- ческой силы, почти утроилась. Число рабочихъ при добычѣ рудъ доходило до 35,390 человѣкъ въ 1891 г. и до 43,803 въ 1900 г. *)

Число чугуноплавильныхъ заводовъ въ Германіи было 109 въ 1891 г. и 108 въ 1900 г. Доменныхъ печей было соотвѣт- ственно 270 и 298, изъ которыхъ было въ дѣйствиіи 218 и 274, со среднею годовою производительностью въ 1.300 тыс. пуд. въ 1891 г. и въ 1.900 тыс. пуд. въ 1900 г.

Число рабочихъ на чугуноплавильныхъ заводахъ было 24,773 въ 1891 г. и 34,743 въ 1900 г., такъ что на одного рабочаго въ среднемъ приходилось выработки чугуна по 11,420 пуд. въ 1891 г. и по 14,970 пуд. въ 1900 г.

Эти данныя указываютъ на громадное увеличеніе произво- дительности доменныхъ печей и рабочихъ за послѣднее время. Но еще большій прогрессъ можетъ быть отмѣченъ за болѣе длин- ный періодъ. Такъ, выработка одной доменной печи въ 1872 г. не превышала 349 тыс. пуд., а годовая выработка одного рабо- чаго въ томъ-же году составляла не болѣе 4,642 пуд., и такимъ образомъ за 28 лѣтъ производительность рабочихъ возросла болѣе чѣмъ въ 3 раза, а производительность доменныхъ печей увели- чилась почти въ 5½ разъ. Конечно благодаря этому удешевилось и самое производство.

*) Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Berlin 1902.

Въ чугунолитейномъ производствѣ было занято 62,743 рабочихъ въ 1891 г. и 95,548 человѣкъ въ 1900 г., при чемъ заводами было переработано 72,3 и 172,6 милл. пуд. чугуна, съ средней производительностью одного рабочаго въ 11,530 и 13,350 пуд.

На производство желѣза въ Германіи было употреблено 123 милл. пуд. чугуна въ 1891 г. и лишь 82 милл. пуд. въ 1900 г., при чемъ число рабочихъ сократилось съ 49,596 человѣкъ на 38,145, а ихъ производительность соотвѣтственно составляла въ среднемъ по 2,480 и 2,150 пуд.; такимъ образомъ, что касается специально до сварочнаго желѣза, то производительность рабочихъ въ Германіи въ послѣднее время сократилась, что конечно могло зависѣть отъ того, что сварочное желѣзо въ послѣднее время шло на болѣе цѣнные сорта желѣза.

Въ противоположность сварочному желѣзу, производство литого металла (желѣзо и сталь) въ послѣднее время сильно возросло. Въ этой промышленности было занято въ 1891 г. 57,929 рабочихъ, въ 1900 г. 124,665 человѣкъ. На выработку литого металла было употреблено 205 и 511 милл. пуд. чугуна, что, на одного рабочаго, въ первомъ случаѣ составляло по 3,550 пуд., а во второмъ по 4,100 пуд.

Общее число рабочихъ въ Германіи въ 1900 г., занятыхъ добычей рудъ, производствомъ чугуна, чугунаго литья, желѣза и литого металла, доходило до 336,904 человѣкъ, при чемъ производительность рабочихъ, благодаря увеличенію примѣненія механическихъ силъ, постоянно возрастала.

Производительность рабочихъ въ Германіи, во всѣхъ отрасляхъ промышленности, а въ томъ числѣ и въ желѣзодѣлательной, гораздо выше чѣмъ у насъ, благодаря большему примѣненію на нѣмецкихъ заводахъ механическихъ приспособленій. При выработкѣ рудъ и производствѣ чугуна, желѣза и стали, русскіе заводчики все хотятъ дѣлать руками, ну а ручной трудъ, какъ извѣстно, менѣе производителенъ, чѣмъ машинный. Въ особенности плохимъ устройствомъ отличаются уральскіе заводы, нуждающіеся не въ пошлинахъ, а въ переустройствѣ.

Соотвѣтственно съ увеличеніемъ производства, въ Германіи одновременно растетъ и потребление. Вѣрнѣе даже будетъ сказать, что увеличивающееся потребление вызываетъ увеличеніе производства. Но потребление увеличивалось благодаря удешевленію металла. Среднее потребление чугуна въ Германіи, на душу, въ 1861—64 гг. составляло по 1,54 пуда, въ 1871 г. по 2,9 пуда, въ 1882 г. по 3,14 пуда, въ 1890 г. по 4,99 пуда, въ 1895 г. по 4,39 пуда, въ 1897 г. по 6,36 пуда, въ 1898 г. по 6,42 пуда, въ 1899 г. по 7,84 пуда, въ 1900 г. по 8,04 пуда, въ 1901 г. по 5,51 пуда, въ 1902 г. по 4,68 пуда.

Потребленіе двухъ послѣднихъ лѣтъ понизилось вслѣдствіе высокихъ цѣнъ на желѣзо, благодаря чему потребители сокращали свое требованіе, откладывая покупки металла до болѣе благопріятнаго времени. Изъ государства, имѣвшаго излишки привозовъ желѣза надъ вывозами, Германія, съ середины 70-хъ годовъ, стала увеличивать свои вывозы, которые сейчасъ уже достигли очень почтенной цыфры. А именно, излишки вывозовъ чугуна, желѣза, стали и издѣлій изъ этихъ металловъ надъ привозами въ 1876 г. составляли около 5 милл. пуд., въ 1886 г.—81 милл. пуд., а за послѣдніе 5 лѣтъ они доходили до 101 милл. пуд. въ 1898 г., 74 милл. пуд. въ 1899 г., 70 милл. пуд. въ 1900 г., 170 милл. пуд. въ 1901 г. и 254 милл. пуд. въ 1902 г.

Благодаря громаднымъ вывозамъ желѣза во всѣхъ видахъ за послѣдніе 2 года Германія легко перенесла сокращеніе во внутреннемъ потребленіи и даже увеличиваетъ свое производство.

Цѣны въ Германіи въ Мартѣ 1903 г. за пудлинговый чугунъ колебались между 34,1 и 42,4 коп. за пудъ, лучшій литейный стоилъ 49,3 коп. за пудъ. Цѣна сортового желѣза была 91 коп., литого металла 81,5 коп., лучшаго котельнаго желѣза 1 р. 14 коп., а проволоки 91 коп.

Эти цѣны много ниже нашихъ теперешнихъ цѣнъ, и, несмотря на это, нѣмцы работали съ большой пользой, такъ какъ приведенныя цѣны выше нормальныхъ.

Нашимъ желѣзозаводчикамъ надо брать примѣръ съ нѣмцевъ и, въ особенности, съ нѣмецкихъ ученыхъ—механиковъ и химиковъ, которые способствовали удешевленію производства желѣза, между тѣмъ какъ у нашихъ господъ ученыхъ, горныхъ и другихъ инженеровъ, всѣ помыслы были направлены къ тому, чтобы выпросить возвышеніе пошлины.

Нѣмецкія пошлины много ниже нашихъ, и все таки нѣмцы увеличили свою желѣзодѣлательную промышленность въ громадной степени. Съ другой стороны, нѣмецкая желѣзная руда много хуже нашихъ уральскихъ и криворожскихъ рудъ, и нѣмцы, несмотря на плохое качество руды, вырабатываютъ прекрасное желѣзо, отъ привозовъ котораго мы запираемся высокими пошлинами.

Производство чугуна въ Германіи, за послѣднія 10 лѣтъ, увеличилось въ большей степени, нежели производство въ Россіи. Такъ, въ Германіи выработка чугуна возросла съ 283 милл. пуд. въ 1891 г. на 520 милл. пуд. въ 1900 г., увеличившись за 10 лѣтъ на 237 милл. пуд., тогда какъ наше производство за тѣ-же года возросло лишь съ 60 на 178 милл. пуд. или на 118 милл. пуд.; такимъ образомъ нѣмцы за послѣднія 10 лѣтъ, увеличили

свою производительность на двойное количество русского количества.

Съ другой стороны, тогда какъ въ Россіи 178 милл. пуд. чугуна уже давятъ на рынокъ и вызываютъ сокращеніе производства, въ Германіи 520 милл. пуд. чугуна повліяли лишь на пониженіе цѣнъ, не вызвавъ кризиса, что видно изъ того, что за первые 3 мѣсяца 1903 года, выработка чугуна достигла 144 милл. пуд., сравнительно со 118 милл. пуд. за Январь—Мартъ 1902 года *),

Нѣмцы допускаютъ бесплатный привозъ руды, угля и кокса. а у насъ эти необходимые матеріалы обложены высокими пошлинами. Не будь пошлинъ на руду въ Россіи, и Петербургскіе заводы производили бы свой чугунъ изъ привозной шведской руды, благодаря чему чугунъ стоилъ-бы здѣсь 40 коп. за пудъ, вмѣсто теперешнихъ 66—70 коп. **).

Малый спросъ на желѣзные издѣлія въ Россіи объясняется общей дороговизной всѣхъ предметовъ потребленія, обложенныхъ высокими налогами, а между тѣмъ „Высочайше утвержденная постоянная совѣщательная контора желѣзозаводчиковъ“ въ запискѣ, представленной въ „Сѣздъ для выработки мѣропріятій къ возможно широкому распространенію желѣза въ Россіи во всѣхъ его примѣненіяхъ“, проектируетъ дальнѣйшее возвышеніе пошлинъ на разныя желѣзные издѣлія. Г. Инженеръ-технологъ К. К. Адамецкій въ запискѣ, представленной имъ въ „сѣздъ“ высказывается въ пользу возвышенія пошлинъ на тонкое черное листовое желѣзо и на бѣлую жечь. По мнѣнію г. Инженеръ-технолога, пошлина на черное листовое желѣзо тоньше $\frac{1}{2}$ м.м., стоимостью въ Англіи въ 1 р. 22 коп., должна-бы быть установлена въ 1 р. 95 коп.; бѣлая жечь, стоимостью въ Англіи въ 1 р. 84 коп. по тому-же проекту, должна быть обложена пошлиной въ 2 р. 95 коп., такъ что желѣзо, стоящее въ Англіи 1 р. 22 коп., обходилось-бы русскому покупателю, съ провозомъ, въ 3 р. 37 коп., а бѣлая жечь, стоимостью 1 р. 84 коп., стоила-бы въ Россіи до 5 руб.

Намъ кажется, что обѣ записки попали на „сѣздъ“ по недоразумѣнію, потому что задача сѣзда заключалась: въ „выработкѣ мѣропріятій къ распространенію въ Россіи желѣза“, а не наоборотъ!

Можетъ-ли быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что возвышеніе пошлинъ на разныя желѣзные издѣлія, а также на листовое желѣзо и бѣлую жечь, повлечетъ за собой сокращеніе потребленія,

*) Stahl und Eisen 1 Mai 1903.

**) Внѣшняя торговля по Европ. границѣ за декабрь 1902 г.

потому что при возвышеніи пошлинъ, что-бы ни говорили горные и другіе инженеры, цѣны должны возвыситься.

Кончая настоящую статью, мы можемъ лишь выразить пожеланіе, чтобы наши заводчики брали примѣръ съ нѣмцевъ, сумѣвшихъ за короткое время, при низкихъ пошлинахъ, создать громадную желѣзодѣлательную промышленность, обезпечивъ населеніе дешевымъ желѣзомъ.

Антонъ Радцигъ.

Проф. Заборовскій.

Центральная Азія и происхожденіе аріяцевъ *).

Вопросы, о которыхъ я собираюсь говорить, нѣсколько опасны. Предметъ настоящаго курса затрогиваетъ прочно укоренившіяся въ средѣ ученыхъ предвзятыя мнѣнія и является столь сложнымъ, что по сознанію самихъ специалистовъ его изученіе можетъ остаться безплоднымъ, или, по крайней мѣрѣ, не привести къ опредѣленнымъ, прочно установленнымъ результатамъ. Входитъ-ли онъ въ область этнографіи? Да, вопросы, которые мнѣ предстоитъ разбирать, подняла этнографія, понимаемая извѣстнымъ образомъ; она-же и рѣшила ихъ своими собственными средствами, но такимъ, однако, способомъ, который не могъ вполне соответствовать даннымъ атропологиіи. Этнографія, дѣйствительно разсматривалась, да и теперь еще разсматривается, какъ наука отдѣльная, совершенно независимая отъ антропологиіи. У нея были свои средства изслѣдованія, болѣе или менѣе отвѣчавшія цѣлямъ ея изысканій, и она думала своими силами достигнуть достовѣрныхъ результатовъ, которые не только не нуждались въ принятіи ихъ антропологами, но даже не входили въ сферу компетенціи послѣднихъ и могли быть изъяты изъ ихъ критики. Въ самомъ Парижѣ существуетъ еще такое этнографическое общество, члены котораго считаютъ возможнымъ оставаться, не испытывая никакихъ затрудненій, чуждыми нашимъ методамъ и незнакомыми съ нашими данными. Такое отношеніе между двумя науками которыя противопоставались, несмотря на ихъ очевидную взаимную зависимость, было авторитетно установлено однимъ знатокомъ этнографіи, который имѣлъ, по крайней мѣрѣ, за собою уже ту крупную заслугу, что не пренебрегалъ антропологиєю и—что еще важнѣе—

*) Вступительная лекція, прочитанная въ *Антропологической школѣ*.

нѣсколько зналъ ее. Я говорю о Фридрихѣ Мюллерѣ. Его основной трудъ, *Allgemeine Ethnographie*, не новъ, такъ какъ онъ появился уже въ 1873 году (2-е изданіе вышло въ 1879 г. въ Вѣнѣ). Въ то время онъ стоялъ на высотѣ научныхъ требованій и въ этомъ отношеніи даже представлялъ собою очень цѣнный трактатъ. Всѣ этнографическіе и этнологическіе учебники, появлявшіеся во Франціи, Италіи и Испаніи, происходятъ главнымъ образомъ отъ него. Классификація установленная имъ является до сихъ поръ самою употребительною, какъ самая вѣрная и самая удобная. Изъ него многое черпалось, и онъ продолжаетъ и теперь еще не безъ основанія служить источникомъ, вліяніе котораго и до сихъ поръ чувствуется. И вотъ первая же страница его введенія посвящается опредѣленію этнографіи въ связи съ антропологіею. Я привожу его въ переводѣ:

«Этнографія, или этнологія (замѣтьте это отождествленіе, котораго мы не признаемъ)—по-нѣмецки «*Völkerkunde*»—есть, какъ это показываетъ уже само названіе (*ἔθλος*—народъ, *γραφειν*—писать), наука о о челоѣкѣ, разсматриваемомъ, какъ элементъ народа. Она существенно отличается отъ антропологіи, науки о челоѣкѣ, разсматриваемомъ какъ *человѣкъ*, т. е. какъ созданное природою существо, имѣющее свою чувствующую и мыслящую индивидуальность. Различіе между этими двумя науками обуславливается не различіемъ ихъ объектовъ,—ибо въ сущности онѣ имѣютъ одинъ и тотъ же объектъ,—а различіемъ ихъ точекъ зрѣнія, способовъ изученія этого объекта. Тогда какъ антропологія видитъ въ челоѣкѣ образецъ зоологической породы—*Ното* съ ея физическими и психическими способностями,—этнографія беретъ его въ качествѣ индивидуума, принадлежащаго къ извѣстному обществу, въ основѣ котораго лежатъ общность нравовъ и обычаевъ, и которое объединено однимъ общимъ языкомъ».

Фр. Мюллеръ признаетъ, что этнографія должна воспользоваться результатами естественно-научныхъ изслѣдованій. Но, по его мнѣнію, «идея расы есть идея чисто антропологическая, такъ какъ признаки расы являются первичными. Поэтому классификація людей по расамъ представляетъ собою задачу антропологіи, тогда какъ задача этнографіи состоитъ въ классифицированіи ихъ въ народы, т. е. во вторичную—если не въ нѣкоторой мѣрѣ искусственную—группировку».

Онъ напоминаетъ, что обѣ эти науки новы, такъ какъ онѣ ведутъ свое начало—самое большое съ конца XVIII вѣка. Но онъ также признаетъ, что зачатки ихъ встрѣчаются у самыхъ древнихъ цивилизованныхъ народовъ. Древніе египтяне, повидимому, различали четыре отдѣльныя расы: 1) Руду, или Ретусъ (*Rudu, Rétus*), къ которой они причисляли самихъ себя; 2) Аамусъ (*Aamus*), представителями которой были семиты Палестины, Сиріи и областей Тигра и Евфрата; 3) Нагазу (*Nahasu*), которую видѣли въ чернокожихъ внутренней Африки, и 4) Тамагу (*Tamahu*), которая, вѣроятно, заключала въ себѣ «азіатовъ не-семитическаго происхожденія—слѣдовательно, несомнѣнно индогерманскіе (?) народы—и про-

чихъ, кромѣ египтянъ, бѣлыхъ сѣверной Африки, т. е. родственниковъ имъ хамитовъ». Фр. Мюллеръ нѣсколько самообольщается. Было бы очень трудно доказать, что древніе египтяне, дѣйствительно, были въ состояніи классифицировать окружавшія ихъ расы. Они вѣдь не были антропологами и различали не расы, а народы, притомъ на основаніи чисто внѣшнихъ, порою многочисленныхъ и глубокихъ, а порою и очень поверхностныхъ, отличительныхъ чертъ. Должны ли мы придавать большее значеніе каталогу, сохраннымъ семитическимъ преданіемъ? Фр. Мюллеръ полагаетъ, что традиція эта причинила очень большой вредъ, такъ какъ она, «эта мѣстная, очень ограниченная традиція» была понята, «какъ общій научный взглядъ на происхожденіе и раздѣленіе человѣческаго рода». «Это была, — говоритъ онъ, — и есть крупная ошибка — думать, будто Адамъ еврейской традиціи означаетъ человѣка вообще; согласно съ этимологіею этого слова, оно означаетъ лишь человѣка съ розовою кожею, т. е. кавказца и обитателя побережій Средиземнаго моря. Да и то Адамъ не есть даже обитатель этихъ побережій вообще, а только отецъ трехъ культурныхъ расъ; индогерманцевъ, семитовъ и хамитовъ». Однако, у насъ не существуетъ такихъ фактовъ, которые давали бы право присвоивать этому имени «Адамъ» даже такое значеніе, несомнѣнно суженное, но все еще слишкомъ общее и точное, а потому и слишкомъ превышающее какъ познанія, такъ и познавательныя средства авторовъ книги Бытія.

Греки, наконецъ, смѣшивали подъ именемъ варваровъ всѣхъ тѣхъ, кто не понималъ ихъ языка или чьего языка они сами не понимали. А наша римская древность, которая была лучше освѣдомлена, чѣмъ древности египетская, халдейская и семитическая, — та не оставила даже наброска классификаціи и генеалогіи человѣческихъ расъ. Во всѣ времена *народы* и *расы* смѣшивались. Да и какъ бы ихъ различали, разъ ученые до сихъ поръ еще смѣшиваютъ ихъ, и разъ мы не всегда и не вездѣ обладаемъ средствами для проведенія демаркаціонной линіи между этими двумя родами группировки, которые во множествѣ случаевъ тѣсно сливаются? Определеніе этнографіи, какое давалъ ей Фр. Мюллеръ, есть упорство въ этомъ древнемъ, вынужденномъ смѣшеніи.

Определеніе и описаніе расъ есть дѣло точной науки, которое можетъ быть выполнено только на почвѣ обширныхъ и разностороннихъ естественно-историческихъ познаній и чрезвычайно многочисленныхъ наблюденій, произведенныхъ на всѣхъ пунктахъ земного шара. Оно поэтому могло быть предпринято лишь въ наши дни и съ нашими современными средствами. Но оно до сихъ поръ еще далеко не закончено, — по крайней мѣрѣ, не закончено вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. Люди къ тому же, группируются скорѣе въ отдѣльные народы, чѣмъ въ отдѣльныя расы.

«Какъ существо разумное и общественное, — говоритъ тотъ же Фр. Мюллеръ, — человѣкъ подчиненъ законамъ общества. Мы не желаемъ высказывать на этотъ счетъ никакихъ строгихъ правилъ. Общество не не-

зависимо отъ законовъ природы. Но тогда какъ по отношенію къ расамъ дѣйствіе законовъ природы непосредственно, въ обществахъ они дѣйствуютъ косвенно, при посредствѣ самого человѣка. Въ качествѣ существа общественнаго и разумаго, человѣкъ образуетъ рядъ народовъ, члены которыхъ были соединены въ одно цѣлое *общностью языка и нравовъ*. Здѣсь напрашивается другое возраженіе. Языкъ не соединяетъ людей; его единство не предшествуетъ ихъ группированію и не приходитъ извне. Это единство зачастую бываетъ, внутри группъ, дѣломъ политическимъ, вполне искусственнымъ, что, однако, не мѣшаетъ ему представлять собою очевидную и очень сильную связь между людьми.

Нравы не должны были бы быть столь измѣнчивыми и зависимыми отъ климата, чтобы можно было бы путемъ ихъ группировки и сравненія отличительныхъ чертъ установить категоріи, хотя бы и плохо разграниченныя. Различіе языковъ, наоборотъ, устанавливаетъ между человѣческими группами рѣзкія границы. Два народа съ разными языками имѣютъ много шансовъ, даже будучи сосѣдями, оставаться неопредѣленно-продолжительное время разьединенными, если только въ дѣло не вмѣшается какое-нибудь болѣе или менѣе насильственное политическое дѣйствіе. Поэтому этнографы всегда находили въ языкѣ скорое и вѣрное средство для различенія народовъ, такъ-что почти всѣ употребительныя классификаціи (если оставить въ сторонѣ три большія, не поддающіяся смѣшенію группы, на которыя дѣлится человѣчество), дѣйствительно, основаны на языкѣ и исключаютъ или почти исключаютъ физическіе признаки.

По этому поводу Фр. Мюллеръ высказываетъ мысли которыя полезно запомнить: «Такъ какъ главная разница между животнымъ и человѣкомъ основывается на обладаніи этимъ послѣднимъ членораздѣльною рѣчью, то мы хотимъ доказать очевидное значеніе языковъ въ дѣлѣ познанія и опредѣленія націй. Общепринятый принципъ таковъ, что народъ отличается своимъ языкомъ, т. е. тѣмъ языкомъ, на которомъ онъ думаетъ и чувствуетъ, на которомъ собрана вся сумма составляющихъ его индивидуальность познаній и опыта. Ученые постарались классифицировать тѣ безчисленные языки, на которые дѣлится человѣческая рѣчь. Классификаціи эти основаны частью на формѣ, частью на содержаніи языка. Основанныя на формѣ дѣлятся на двѣ категоріи: въ одной языкъ разсматривается, какъ сумма членораздѣльныхъ звуковъ и формъ словъ, въ другой, какъ органъ мысли въ связи съ мыслящимъ организмомъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ три метода классификаціи:—одинъ *морфологическій*, другой — *психологическій*, третій, основанный на изученіи содержанія языка, можетъ быть разсматриваемъ, какъ *генеалогическій*. На этомъ третьемъ, *генеалогическомъ* методѣ, этнографія и основываетъ свое опредѣленіе генеалогическихъ отношеній между націями,—но не между народами,—тогда какъ два другихъ метода не могутъ служить для установленія этой генеалогіи».

Фр. Мюллеръ старается внести нѣкоторый коррективъ въ своей и

собственный тезисъ, заявляя, что этнографія, какъ онъ ее понимаетъ (рѣчь идетъ, точнѣе говоря, о лингвистикѣ), можетъ опредѣлить генеалогію только націй, а не народовъ. Но какъ отдѣлить одно отъ другого? Въ дѣйствительности и на практикѣ лингвистика постоянно претендовала и донинѣ еще претендуетъ на установленіе генеалогіи народовъ и даже расъ. Во всѣхъ умахъ образовалась — и давно уже — абсолютная идентификація между расою и языкомъ или, по крайней мѣрѣ, между расою и цѣлымъ семействомъ языковъ. Языку было приписано по меньшей мѣрѣ такое же значеніе, какъ и соматическимъ (физическимъ) признакамъ, и въ дѣлѣ различія народовъ и расъ его различія принимались во вниманіе даже больше, чѣмъ различія между этими послѣдними. При этомъ дѣйствовали такъ, какъ если бы лингвистическія различія не только устанавливали для каждаго народа связь, но и представляли собой наслѣдственный атрибутъ. Въ концѣ концовъ этнографія воздвигла цѣлое зданіе генеалогической исторіи народовъ, отбросивъ почти цѣликомъ въ сторону всѣ ихъ физическія отличительныя черты. Такъ можно охарактеризовать важную классификацію самого Фр. Мюллера. Такимъ же точно образомъ замѣчательный трудъ филологовъ, установившій родство всѣхъ такъ называемыхъ индоевропейскихъ языковъ, привелъ ихъ къ тому, что они сдѣлали въ то же время изъ всѣхъ говорящихъ на этихъ языкахъ народовъ одну и ту же расу, арійскую, и стали утверждать, будто всѣ эти народы суть правнуки нѣкоторой привилегированной націи, которая одна сама, повидимому, составляла особую расу въ какомъ-либо мѣстѣ центральной Азіи, въ какомъ-то тѣсномъ отечествѣ, — лучезарной колыбели какъ нашихъ цивилизацій, такъ и нашихъ языковъ. Существуютъ даже такіе филологи, которые путемъ сравненія общихъ нашимъ языкамъ коренныхъ элементовъ намѣревались отыскать первые слѣды лепечущей человѣческой мысли, дойти до первоначальнаго происхожденія всего человѣчества... Увлекательными соблазнами обладаетъ филологія! Само собою разумѣется, что до подобныхъ крайностей дошли тѣ, кто наиболѣе отделился отъ антропологической и естественно-научной точекъ зрѣнія. Однако, нѣкоторые изъ ихъ утвержденій или, если хотите, ихъ иллюзій раздѣляются и выдающимися лингвистами, которымъ наука обязана въ высшей степени цѣнными объясненіями.

Такъ, въ недавно вышедшемъ трудѣ (*Reallexikon der indogermanischen Alterthumskunde*, 1901), который составитъ эпоху, ибо онъ представляетъ собою переработку порядочно устарѣвшей лингвистической палеонтологіи Пиктэ (*Les Origines indoeuropéennes ou les Aryas primitifs*, Paris, 1859 и 1863), О. Шредеръ категорически заявляетъ (*Vorrede*, XXVI): «Когда антропологія начала заниматься индогерманскимъ вопросомъ, то былъ моментъ, когда казалось, что идея индогерманизма должна будетъ рушиться въ виду этихъ переопредѣленій расъ, которыми она раньше не занималась. Однако, катастрофа не произошла. Наоборотъ, идея единства языка и народа побѣдоносно вышла изъ всѣхъ споровъ. Ни одна изъ ан-

тропологическихъ гипотезъ, ни даже тѣ изъ нихъ, которыя основаны на различіяхъ въ конструкціи человѣческихъ череповъ, не указала ни одного опредѣленнаго и общепризнаннаго признака для установленія *генеалогическихъ* связей между народами. «Столь достовѣрный фактъ,—основательно говоритъ Кречмеръ,—какъ лингвистическое индогерманское единство, столь строгое этническое разграниченіе, какъ то, которое установлено по отношенію къ сосѣднимъ народамъ, пока ничѣмъ не могли воспользоваться въ антропологическихъ теоріяхъ, занимающихся арійскими языками. Какъ бы ни были полезны и плодотворны антропологическія изысканія для естественной исторіи человѣка,—они до сихъ поръ имѣютъ лишь второстепенное значеніе для *этнографіи вообще* и для *индогерманской археологіи въ частности*».

Какъ видите, я нисколько не преувеличивалъ, когда говорилъ выше о стремленіи нѣкоторыхъ этнографовъ обходить антропологию и, во всякомъ случаѣ, подчинять ея результаты результатамъ лингвистики. Въ настоящемъ курсѣ вы встрѣтитесь не только съ рѣшительнымъ протестомъ противъ подобнаго глубоко ошибочнаго положенія, но и съ доказательствами его ошибочности. Познакомивъ васъ съ существенными частями важнаго труда самого О. Шрадера, я докажу вамъ, что если онъ и смогъ подвинуть лингвистику на одинъ рѣшительный шагъ, если онъ и умѣлъ придать своимъ гипотезамъ плоть, то этимъ онъ обязанъ исключительно или почти исключительно одной лишь антропологии. Въ нѣкоторыхъ его главахъ нѣтъ почти ничего, что не было бы заимствовано у историковъ и особенно антропологовъ, которыхъ онъ, впрочемъ, не даетъ себѣ труда называть, такъ какъ знаетъ ихъ только изъ трудовъ упоминавшихъ о нихъ лингвистовъ. Разъ желательно заключать отъ языка къ народу, отъ факта лингвистическаго къ факту этническому,—достиженіе достовѣрности невозможно безъ содѣйствія антропологии, такъ какъ всякое непосредственное методическое наблюденіе признаковъ, условій существованія, духовной жизни и эволюцій народовъ находится въ ея рукахъ. Ни на одну минуту не можемъ мы принять здѣсь то опредѣленіе этнографіи, которое дано Фр. Мюллеромъ, О. Шрадеромъ и т. д. Этнографія не есть наука, которую можно было бы построить наряду съ антропологіею, ни еще менѣе такая, которую можно было бы ей противопоставить: она есть лишь отдѣлъ антропологии.

Она занимается человѣкомъ, какъ существомъ общественнымъ и политическимъ, занимается историческими агрегатами, народами, и ея пріобрѣтенія составляютъ опору, даже больше—солидную, позитивную часть социологіи. Но въ своемъ изученіи народовъ она не должна, не можетъ оставаться безучастною къ вопросу расы. Она, дѣйствительно, не въ состояніи опредѣлять дѣйствительныя родственныя отношенія между существующими народами и еще менѣе въ состояніи устанавливать тѣ кровныя связи, которыя могли соединять прежніе народы. Поэтому притязаніе основывать при помощи ея одной генеалогію народовъ, самихъ націй и въ особенности расъ—есть грубая

ошибка. Въ вышеприведенномъ отрывкѣ О. Шрадеръ говоритъ о безсиліи краниологіи. Онъ ея не знаетъ, хотя и могъ бы дать себѣ отчетъ въ томъ, что безъ нея мы ничего не можемъ знать ни о физическихъ и умственныхъ способностяхъ прежнихъ народовъ, ни объ ихъ сходствахъ или различіяхъ, ни объ интимномъ характерѣ ихъ отношеній

Въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ объ этнологіи Кавказа, появившемся за два года до его книги (Bulletin, 1899, стр. 585), я высказалъ совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, чѣмъ онъ. «Изученіе череповъ,—сказалъ тогда я,—занимаетъ первое мѣсто въ ряду основныхъ средствъ познанія народовъ. Ихъ промышленность, ихъ гробницы и находимыя въ нихъ оружіе, драгоценности и одежды,—все это даетъ намъ понятіе объ ихъ возрастѣ, прошлой роли, нынѣшнемъ мѣстѣ на пути цивилизаціи, нравахъ и вѣрованіяхъ, торговыхъ сношеніяхъ, моральномъ и интеллектуальномъ родствѣ. Но краниологія одна можетъ опредѣлить намъ ихъ происхожденіе и соединяющія ихъ кровныя связи, какъ бы сильно—въ качествѣ показателей ихъ взаимнаго проникновенія—ни слѣдовало принимать при этомъ въ соображеніе связей между языками».

Намъ стоитъ лишь бросить взглядъ вокругъ себя, чтобы собрать сколько угодно доказательствъ въ пользу того, что связь между языками есть одно, а связь кровная—другое и очень различное. Крупныя государства самой Европы представляютъ такія политическія единицы, которымъ не соотвѣтствуютъ ни единство языковъ, ни единство религіи и нравовъ. Примѣры Россіи и Австріи особенно въ этомъ отношеніи поразительны. Въ Австріи не существуетъ такого своего этнографическаго элемента, господство котораго было бы бесспорно. Въ Россіи господствующій этнографическій элементъ все больше и больше стремится къ тому, чтобы распространить свое господство на другіе элементы, чтобы поглотить ихъ. Утверждать теперь, что всѣ говорящіе на русскомъ языкѣ, исповѣдующіе православную религію и имѣющіе, слѣдовательно, почти одинаковые нравы принадлежать не только къ одному народу, но и къ одной расѣ—было бы очевидною нелѣпостью, ибо самое поверхностное наблюденіе физическихъ признаковъ и сама исторія доказываютъ, что въ Россіи имѣются чрезвычайно различныя этнографическіе элементы, весьма, далекіе по происхожденію одинъ отъ другого. Не зная же составляющихъ народъ этническихъ элементовъ, нельзя знать народа. Даже духовная жизнь зависитъ не только отъ языка, на которомъ говорятъ съ дѣтства или въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, но еще и отъ продолжительной этнической наслѣдственности. На Магадаскарѣ—я беру этотъ недавно обсуждавшійся примѣръ, такъ какъ онъ вамъ, конечно, близко извѣстенъ,—говорятъ на одномъ лишь языкѣ. Имѣемъ ли мы тутъ, однако, дѣло съ одною только расою или же съ однимъ только народомъ? Навѣрное нѣтъ. Чистый говасъ есть желтокожій съ черными, прямыми волосами и съ круглою головою. Сакалавъ — чернокожій съ курчавами волосами и удлиненною головою. Сильная разница между ними бросается въ глаза, а ихъ *умственные данныя* отличаются такъ же глубоко, какъ и ихъ физическіе признаки. Происхожденіе ихъ не можетъ быть одинаковымъ. Двѣ расы, столь различныя, какъ тѣ, къ которымъ они

принадлежать, могли образоваться только на очень удаленныхъ одна отъ другой географическихъ площадяхъ, и они, очевидно, не могли, не имѣя общихъ предковъ, говорить при своемъ появленіи на одномъ и томъ же языкѣ. Если теперь они употребляютъ одинъ языкъ, такъ это потому, что одинъ изъ нихъ, здѣсь или тамъ, навязалъ его другому. Все, что можетъ намъ сказать, по этому поводу лингвистика, это — что языкъ этотъ принадлежитъ къ малайской семьѣ; но она даже не знаетъ того, что на немъ говорятъ и не малайцы. Наоборотъ антропология и, — болѣе специально, — этнологія, которую мы не смѣшиваемъ съ этнографіею, учить насъ, что говасъ самъ принадлежитъ къ малайской расѣ и что, слѣдовательно, онъ самъ является и авторомъ, и распространителемъ малгашскаго языка.

На свѣтѣ имѣется много другихъ примѣровъ подобнаго рода, и явленія, аналогичныя этому, представляютъ собою ходячую монету исторіи народовъ. Нужно было бы, несомнѣнно, дойти до очень отдаленныхъ геологическихъ временъ, чтобы найти тамъ тѣ состоянія чистоты расы и продолжительной изолированности народовъ, когда каждая раса и даже каждый народъ имѣли свой собственный языкъ, который тогда и составлялъ почти таковой же отличительный признакъ, какъ физическія особенности. Предполагать же, что и въ настоящее время языкъ можетъ еще служить критеріемъ расы, — это ошибка, если не безусловная, то по меньшей мѣрѣ почти безусловная.

Она давно уже была оставлена даже лингвистами, въ частности, однимъ превосходнымъ ассиріологомъ, которому наука многимъ обязана — г. Оппертомъ. Въ точныхъ и удачныхъ выраженіяхъ онъ въ трудѣ *Le peuple et la langue des Médes* (1879) сдѣлалъ слѣдующее признаніе:

«Въ то время я раздѣлялъ идеи, которыя были тогда распространены въ ученомъ мірѣ и въ особенности среди представителей сравнительной филологіи, а именно, что *языкъ всегда служитъ критеріемъ расы*, и что всѣ націи являются либо индоевропейскими, либо семитическими, либо туранскими. Съ тѣхъ поръ прогрессъ филологическихъ наукъ обнаружилъ неосновательность этихъ теорій, и я одинъ изъ первыхъ сталъ утверждать, что языкъ доказываетъ лишь присутствіе только одного изъ входящихъ въ этнографическій составъ націи элементовъ, и что при этомъ онъ нисколько не предпрѣшаетъ вопроса о той расѣ, къ которой данный народъ долженъ принадлежать. Двадцать два года тому назадъ и не подозревали, что во всѣ времена народы образовывались путемъ смѣшенія, какъ и въ наши дни».

Оппертъ писалъ это въ 1879 г., а между тѣмъ много лѣтъ раньше антропологами, съ Брокъ во главѣ, было уже доказано, что народы различныхъ расъ могутъ говорить на одномъ языкѣ, а народы одной расы, наоборотъ, на разныхъ, и что многіе народы даже мѣняли языки въ теченіе своей исторіи. Языки къ тому же представляютъ собою организмы, которые водоизмѣняются, развиваются, трансформируются или умираютъ, какъ и всякіе другіе.

Очень уже давно, стало-быть, мы указали этнографіи мѣсто и методы, совершенно отличные отъ тѣхъ, какіе были ей указаны Фр. Мюллеромъ и теперь еще указываются О. Шрадеромъ. Для насъ невозможно понимать ее,

какъ независимую отъ другихъ отраслей антропологіи. Въ напечатанномъ въ 1882 г. историческомъ очеркѣ я далъ ей опредѣленіе, освященное продолжительной практикой. Съ того времени я всегда различалъ этнологію, какъ науку, долженствующую спеціально заниматься человѣческими расами. Она точно такъ же почти вездѣ разсматриваетъ лишь народы, а не расы, но ей надлежитъ разлагать эти агрегаты на ихъ элементы, восходить въ ихъ прошлое путемъ изученія череповъ и открывать ихъ этніческія составныя части. Безъ этой работы сама этнографія остается недостоверною и незаконченною. Очевидно, она является сотрудицею этнологіи.

«Изучивъ человѣка, какъ члена одной зоологической группы среди столькихъ другихъ и какъ наиболѣе возвышенный біологическій типъ, проанализировавъ его затѣмъ съ точки зрѣнія представляемыхъ имъ разновидностей, ихъ образованія, смѣшеній и размѣшеній, что составляетъ задачу этнологіи, — за нимъ нужно слѣдить съ точки зрѣнія постепеннаго и медленнаго приобритенія имъ элементовъ его цивилизаціи или культуры. Таковъ особый предметъ этнографіи. Нигдѣ въ настоящее время человѣкъ не предстаетъ передъ нашими глазами безъ нѣкоторыхъ орудій, оружія, жилищъ, украшеній или одежды, языка, суевѣрій, обычаевъ и т. п. Мы лишь съ трудомъ можемъ представить себѣ его внѣ этихъ первоначальныхъ или необходимыхъ элементовъ культуры. Нѣтъ поэтому полной науки о человѣкѣ безъ изученія этихъ элементовъ, которые точно такъ же должны быть изучаемы при помощи методовъ естественныхъ наукъ» (Zaborowsky: *l'Anthropologie, son histoire, sa place, ses résultats*, 1882).

Этнографія, какъ мы видимъ, идетъ почти послѣднею въ группѣ антропологическихъ наукъ, потому что она представляетъ собою основную часть социологіи.

Но и она должна, именно, въ отдѣлѣ о до-исторической жизни заняться вопросомъ о самомъ отдаленномъ происхожденіи человѣчества, такъ же, какъ она, въ лицѣ лингвистики, занималась, вначалѣ слишкомъ исключительно, вопросомъ о происхожденіи арійцевъ.

Но въ этихъ-то особенно вопросахъ о происхожденіи этнографія, которую я назову антропологическою, и очутилась лицомъ къ лицу съ тѣми обманчивыми гипотезами и неполными рѣшеніями, которыя съ слишкомъ большою поспѣшностью были выставлены этнографіею, которую я назову филологическою.

У Ренана мы читаемъ: «Сравнительная филологія и міеологія даютъ намъ возможность проникать въ эпохи, значительно предшествовавшія всякому письменному документу. Языкъ и міеы сохраняются нетронутыми въ теченіе тысячелѣтій. Благодаря изслѣдованіямъ Купа, Мюллера, Пиктэ, Бреалья, мы можемъ дойти до нашихъ предковъ, первобытныхъ арійцевъ, и жить ихъ жизнью, какою она была до ихъ разсѣянія. Такимъ образомъ основалась наука, которая говоритъ намъ не о смѣнѣ королей, не о сраженіяхъ и взятіи городовъ, а о лицахъ, имѣющихъ, дѣйствительно, совсѣмъ иное значеніе: о *филіаціи расъ*, о первобытныхъ законахъ, о разнообразіи языковъ

Сравнительная филологія и міѳологія ведутъ насъ, такимъ образомъ, къ фактамъ, бывшимъ очень задолго до появленія историческихъ текстовъ. Въ хронологическомъ порядкѣ наукъ объ онѣ занимаютъ мѣсто между *исторіею* и *геологіею*.

Какъ и многіе другіе, Ренанъ устранилъ такимъ образомъ всю антропологию, претендуя установить связь между человѣческими расами, изученіе которыхъ Фр. Мюллеръ сохранялъ все-таки за этою наукою, при помощи одной лишь филологіи. «Этнографія открыла, — утверждаетъ другой лингвистъ (Ванъ-денъ-Гейнъ), — что пастухи центральной Азіи суть наши братья по крови, и что нѣкогда, четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, ихъ предки жили бокъ-о-бокъ съ нашими въ области Бактріаны».

Въ одномъ трудѣ, посвященномъ исторіи современнаго развитія наукъ и напечатанномъ въ 1888 г., въ серьезномъ, очень почтенномъ сборникѣ, я нахожу также слѣдующее: «Арійская раса одна научаетъ насъ исторіи всего человѣческаго рода. Вышедши изъ областей Болора и Гиндукуша, она спускается въ Бухару, проходитъ Персію и Кабуль и достигаетъ, наконецъ, бассейна Ганга. Затѣмъ мы видимъ, какъ она медленно подвигается впередъ и завоевываетъ полуостровъ. Такъ по этапамъ она дошла, съ одной стороны, до конца полуострова Индостана и до Цейлона, съ другой — до Исландіи и Гренландіи, послѣ чего наступила эра великихъ открытій. Раса разсыяла свои колоніи по всему свѣту. Она распространяется отъ тропиковъ Индіи до полярнаго круга Гренландіи». Вотъ сравненіе, изъ котораго пожелали сдѣлать основную истину.

Арійская раса одна научаетъ насъ исторіи человѣческаго рода. Это именно полагали этнографы старой школы, которые помѣстили поэтому колыбель всего человѣчества также въ центральную Азію, бокъ-о-бокъ съ колыбелью арійцевъ, этихъ предполагаемыхъ предковъ индоевропейскихъ народовъ. Въ концѣ концовъ явилась привычка все выводить изъ центральной Азіи, какъ изъ нѣкоей творческой земли, хотя и таинственной еще, но все-таки неистоимой.

Въ специальныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ теченіе прошлаго года въ лучшихъ научныхъ сборникахъ, одинъ говоритъ намъ о Памирахъ, какъ объ «этническомъ полюсѣ нашего міра»; другой указываетъ на Сибирь, какъ на земной рай, гдѣ возгордился первый человѣкъ. Два года тому назадъ одинъ англійскій авторъ рассказывалъ, что даже полинезійцы явились со склоновъ Гиндукуша. Въ второстепенныхъ работахъ о древнемъ Египтѣ все еще бѣгло сообщается, — вопреки столькимъ, мною самимъ указаннымъ фактамъ, — что его цивилизація была принесена непосредственно изъ центральной Азіи. Въ первомъ трудѣ своемъ о древнихъ народахъ Востока г. Масперо (съ тѣхъ поръ сильно измѣнившій свои взгляды), также раздѣлялъ это мнѣніе. Въ то же время онъ заставлялъ спускаться съ Гиндукуша и семитовъ и утверждалъ, наконецъ, что свое знаніе халдеи получили съ Алтая. Человѣкъ весьма солидныхъ знаній, Густавъ Ле-Бонъ, касаясь того же вопроса въ трудѣ, появившемся въ 1889 г., заявлялъ, что онъ склоненъ

думать, что и первобытные халдеи, сумерійцы и аккадійцы точно также спустились съ плоскогорій центральной Азіи, съ тѣхъ плоскогорій, — говорилъ онъ, на которыхъ проявлялся активный и предприимчивый геній туранцевъ.

Кто же когда видѣлъ эти плоскогорья, переполненные активнымъ геніемъ туранцевъ? Мой другъ г. Ле-Бонъ самъ, пожалуй, затруднился бы отвѣтить на этотъ вопросъ. И гдѣ же были арійцы, уроженцы этихъ самыхъ плоскогорій, прежде чѣмъ съ нихъ спустились туранцы? Если къ тому же они были переполнены активнымъ геніемъ туранцевъ, то какъ могъ образоваться тутъ геній арійскій?

Одинъ заслуженный писатель, явно хорошо освѣдомленный относительно нашей классической древности, встрѣчая необходимость объяснить двойственное происхожденіе греческой религіи, безъ малѣйшаго колебанія и размышленія пишетъ: «Первоначальная религія пелазговъ, религія глубоко фаталистическаго ужаса, появилась съ возвышеннѣхъ плоскогорій Азіи; другая же, быть-можетъ, пришла съ чистымъ арійцемъ, Яхвосъ, или самопроизвольно зародилась въ божественной Аттибѣ».

Такъ, вотъ, аріистъ, предающій забвенію своихъ авторовъ и свою филологію и, перепутывая все, заставляющій выходить изъ центральной Азіи уже не арійца, а пелазга, который не есть ни аріецъ, ни туранецъ, ни семитъ!

Слѣдуетъ сказать, что антропологи не опровергали этихъ гипотезъ и этихъ поверхностныхъ объясненій. Нѣкоторые принимали ихъ въ качествѣ серьезныхъ данныхъ, которые нужно было рассмотреть и проверить; я былъ въ числѣ таковыхъ. Другіе ихъ защищали, стараясь привести въ ихъ пользу извѣстнаго рода доказательства.

Мой знаменитый покойный коллега, Летурно, также сохранялъ пристрастіе къ господствовавшему нѣкогда взгляду на арійское происхожденіе. «Достоверно, — писалъ онъ въ 1892 г. (*l'Evolution religieuse*, стр. 498), что цѣлые потоки арійскихъ переселенцевъ хлынули въ Европу, чтобы смѣшаться здѣсь съ первыми занявшими мѣста. Греція и Римъ произошли отъ такого смѣшенія». При этомъ онъ думалъ, что наши предки арійцы оставили въ центральной Азіи прямыхъ потомковъ. «Существуетъ въ Афганистанѣ, — говоритъ онъ, — одинъ чрезвычайно интересный небольшой народецъ. Живой остатокъ очень древняго прошлаго, онъ своимъ мистицизмомъ, какъ и со всякихъ иныхъ точекъ зрѣнія, напоминаетъ намъ тотъ первоначальный фазисъ, черезъ который должна была пройти вся арійская раса, то религиозное состояніе, которое довольно близко подходитъ къ религіозному состоянію ведическихъ арійцевъ».

Замѣьте эти слова «арійская раса», очень удивительныя въ устахъ Летурно. Упоминаемый имъ народецъ — это *сіапуши*. Президентъ одного лондонскаго географическаго общества торжественно заявлялъ, что это общество закроетъ свои двери съ того дня, когда сіапуши будутъ познаны. Это было сказано потому, что именно этотъ народецъ долгое время считался заключающимъ въ себѣ, — въ своихъ до того времени непроницаемыхъ

долинахъ,—окончательное рѣшеніе вопроса объ арійскомъ происхожденіи.

Больше всего содѣйствовалъ поддержанію этихъ заблужденій, конечно, Катрфажъ, своимъ огромнымъ авторитетомъ придавшій имъ даже силу. Онъ принималъ убѣжденія филологовъ, какъ ихъ формулировалъ Ренапъ, напѣимѣръ, и въ наблюдаемыхъ фактахъ былъ согласенъ съ ними.

По его мнѣнію, впрочемъ, первыя четвертичныя человѣческія племена Европы вышли вмѣстѣ съ мамонтомъ изъ Сибири. Но мы увѣрены, что это было не такъ. Подобныя миграціи, какъ вы увидите, были невозможны. Однако, въ своемъ *Introduction à l'histoire générale des races humaines* (1897, стр. 135) Катрфажъ писалъ: «Въ настоящее время нѣтъ ничего смѣлаго въ допущеніи того, что человѣкъ въ одинъ неопредѣленный пока моментъ третичнаго періода появился на сѣверѣ Азіи». И, несмотря на открытіе на остр. Явъ *Питекантропа* *), это безосновательное утвержденіе настолько упрочилось въ наукѣ, что повтореніе его мы встрѣчаемъ еще и донинѣ. Въ эту холодную Сибирь археологи стали обращаться, за разъясненіемъ почти всѣхъ доисторическихъ переворотовъ. Въ 1891 г., Александръ Бертранъ связывалъ еще «съ гиперборейскимъ теченіемъ введеніе въ Галлію мегалитической цивилизаціи». Въ 1892 г. датчанинъ В. Шмидтъ производилъ изъ Сибири и начало прекрасной неолитической цивилизаціи. Нѣкоторые изъ нашихъ археологовъ раздѣляютъ еще, быть можетъ, это мнѣніе.

Одинъ изслѣдователь центральной Азіи, мой другъ и коллега г. Капюсъ, въ прекрасныхъ выраженіяхъ охарактеризовалъ, объясняя все-таки его, этотъ родъ «миража», который постоянно приводитъ всѣ взоры къ этому якобы «центру міра».

«Мы оказываемся,—сказалъ онъ,—лицомъ къ лицу съ тою принятою главнымъ образомъ лингвистами гипотезою, по которой первымъ отечествомъ человѣка, центромъ его появленія, должна была быть центральная Азія, въ частности, область Памировъ. Главный свой аргументъ эта гипотеза находитъ въ современной группировкѣ, вокругъ упомянутаго *мнимаго* центра появленія, какъ главныхъ человѣческихъ расъ, расселившихся по всему земному шару, такъ и основныхъ лингвистическихъ типовъ. Это значитъ придавать современнымъ племенамъ, живущимъ въ считающейся за центръ появленія области, значеніе пережившихъ свидѣтелей или вѣчныхъ остатковъ на той почвѣ, которая видѣла появленіе автохтоновъ, ихъ первыхъ родичей».

Вотъ, дѣйствительно, что пишетъ Катрфажъ (*op. cit.*, стр. 132): «Изученіе современныхъ населеній и ихъ языковъ вело къ помѣщенію колыбели человѣческаго рода въ Азіи, неподалеку отъ большого центрального горнаго хребта ея и въ сосѣдствѣ съ тою областью, гдѣ берутъ

*) *Pithecanthropus erectus* — названіе животнаго, останки котораго были открыты въ 1891 г. докторомъ Дюбуа. Оно, повидимому, представляетъ собою переходный типъ между обезьяною и человѣкомъ.

начало всѣхъ главныхъ рѣкъ, перерѣзывающія этотъ материкъ по направленію къ сѣверу, востоку и югу. Всѣ три основныхъ физическихъ типа человѣчества—бѣлый, желтый и черный—представлены вокругъ этого хребта либо чистыми населеніями, либо смѣшанными въ чрезвычайно различныхъ степеняхъ. На сѣверѣ, сѣверо-западѣ и юго-востоки распространены желтыя населенія, типъ которыхъ болѣе или менѣе испортился вслѣдствіе смѣшенія съ бѣлыми аллофилами. На западѣ тотъ же типъ на обширныхъ пространствахъ скрестился съ бѣлыми арийскаго или семитическаго происхожденія. Арийцы на югѣ и на югѣ-западѣ и семиты за ними въ томъ же направленіи завершаютъ этотъ поясъ. Черные, повсемѣстно прерываемые, разбѣянные и скрещенные чаще всего съ желтыми и рѣже съ бѣлыми, оставили свои слѣды на широкомъ пространствѣ юга материка, а также на островахъ Бенгальскаго залива, Малайскаго архипелага и до самой Японіи (?).

«Три лингвистическихъ типа, такъ же, какъ и масса связывающихъ ихъ между собою производныхъ языковъ, представлены въ тѣхъ же областяхъ. На западѣ, сѣверо-западѣ, сѣверѣ, сѣверо-востоки и востоки царятъ языки агглютинирующіе; на юго-востоки — моносиллабическіе. Область языковъ флектирующихъ начинается на юго-западѣ и на югѣ Гималаевъ образуетъ полосу, одного положенія которой было бы почти достаточно, чтобы указать, что она есть результатъ завоеванія. Самъ центръ занятъ желтыми народами, которые, быть можетъ,—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—смѣшаны съ бѣлыми аллофилами и говорятъ на агглютинирующихъ языкахъ на сѣверѣ и на моносиллабическихъ—на югѣ.

«Никакая другая часть свѣта не представляетъ ничего подобнаго. Если мы оставимъ въ сторонѣ современныя миграціи и тѣ, о которыхъ говоритъ исторія, то увидимъ, что физическіе типы занимаютъ повсюду въ другихъ мѣстахъ обширныя непрерывныя площади, гдѣ каждый изъ нихъ сохраняетъ свою чистоту, хотя и смѣшивается на границахъ со своими сосѣдями. Распределеніе лингвистическихъ типовъ представляетъ ту же картину. Изъ этихъ фактовъ можно было бы заключить, что и тѣ, и другіе получили свое начало тамъ, гдѣ мы и теперь находимъ ихъ рядомъ... Исторія языковъ и тотъ фактъ, что они портятся и видоизмѣняются, удаляясь отъ этой центральной области, находятся въ безусловномъ противорѣчій съ гипотезою регрессивныхъ миграцій. То, что произошло съ арийскою расою, исторію которой мы знаемъ все-таки лучше всего должно было къ тому же произойти со всеми другими расами. Такимъ образомъ, все заставляетъ насъ признать, что древнія населенія получили начало въ сосѣдствѣ съ большимъ азіатскимъ горнымъ хребтомъ, и что они затѣмъ разбѣялись по всемъ направленіямъ, унося съ собою выработанныя ими различныя формы языка».

Катрфажъ далъ схематическую карту центральной Азіи, представляющую картину этихъ общихъ и краткихъ данныхъ. Несмотря на все мое почтеніе къ памяти такого ученаго, какимъ онъ былъ, я представляю

эту карту въ качествѣ символа отмѣченного продолжительнаго заблужденія, этого «восточнаго миража», о которомъ говорилъ одинъ изъ нашихъ ученѣйшихъ археологовъ (С. Рейнакъ), и который являлся помѣхою для прогресса науки. Дѣйствительно, если обратиться къ доказательствамъ иллюстрируемаго ею тезиса, то вмѣсто нихъ остаются лишь чистыя иллюзіи.

Прежде всего,—судить о распредѣленіи человѣческихъ расъ при ихъ появленіи на свѣтъ по тому, какъ онѣ распредѣлены на суженномъ пространствѣ теперь, значить подвергаться довольно таки глубокимъ разочарованіямъ. Катрфажъ не спорилъ относительно продолжительности существованія человѣчества и охотно допустилъ бы, что оно насчитываетъ болѣе 300000 лѣтъ. А, между тѣмъ, развѣ это не иллюзія, не спутываніе времени—pretendовать находить въ центральной Азіи, гдѣ за это время произошло столько переворотовъ въ климатѣ, очертаніяхъ земли и заселеніяхъ человѣкомъ, —образъ того, что существовало тамъ 300000 лѣтъ тому назадъ? Ошибка также, и настолько же крупная,—допускать, что самые отдаленные другъ отъ друга типы человѣчества могли получить начало бокъ-о-бокъ и, такъ-сказать, на одной и той же географической площади. Въ Азіи существуютъ всѣ климаты. Но дѣло касается лишь центральной Азіи, а вѣдь не можетъ быть ни на минуту сомнѣнія въ томъ, что для образованія негригянскаго типа пужны были, на обширномъ протяженіи, условія почвы, климата и зоологической среды, кореннымъ образомъ отличающіяся отъ условій, необходимыхъ для образованія типа монгольскаго.

На картѣ Катрфажа рельефно бросается въ глаза тотъ фактъ, что Азія почти цѣликомъ занята желтыми расами, и если она что-нибудь доказываетъ, такъ это именно то, что географическою площадью образованія желтой росы была именно почти вся Азія. Были сдѣланы попытки отыскать здѣсь черный элементъ, какъ первый субстратъ азіатскихъ народовъ. Но эти попытки не привели ни къ какимъ результатамъ, и у нихъ нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы сказать, что въ Азіи существовали нѣкогда предки настоящихъ негровъ. Что касается бѣлыхъ расъ, то Катрфажъ находитъ ихъ только на сѣверѣ Индіи, куда онѣ проникли путемъ завоеванія, какъ онъ говоритъ, въ Афганистанѣ, Персіи и Аравіи. Можно утвердительно сказать, что ни одна бѣлая раса не имѣла своей колыбели въ центральной Азіи.

Лингвисты сдѣлали предположеніе, что моносиллабизмъ былъ первымъ и вынужденнымъ этапомъ рѣчи, всѣхъ языковъ. Поэтому Катрфажъ помѣщаетъ моносиллабическіе языки въ центрѣ Азіи, хотя соответствующіе этому распредѣленію тибетскіе языки не болѣе моносиллабичны, чѣмъ китайскій, изъ котораго онъ дѣлаетъ языкъ агглютинирующій. Все это лишь умствованія. Нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы человѣкъ начиналъ говорить исключительно односложными словами, да и по мнѣнію новѣйшихъ авторовъ китайскій моносиллабизмъ, къ тому же вовсе не абсолютный, могъ бы быть результатомъ скорѣе развитія, чѣмъ зародышемъ его. Когда

исторія неувѣренной рукою приподняла занавѣсъ міровой сцены, роли повѣрты, были давно уже распределены. Если бы не китайская масса гдѣ литература и письменность имѣли столь продолжительное и сильное укрѣпляющее вліяніе, — огромная часть азіатскаго народа, желтой расы, лингвистически характеризовалась бы агглютинированіемъ.

Что касается флектирующихъ языковъ, то я утверждаю, что ни одинъ изъ нихъ не принадлежитъ, по своему первоприсхожденію, Азіи. Семитическіе языки связаны съ Аравією и сѣвѣрною Африкою, арійскіе — съ Европою.

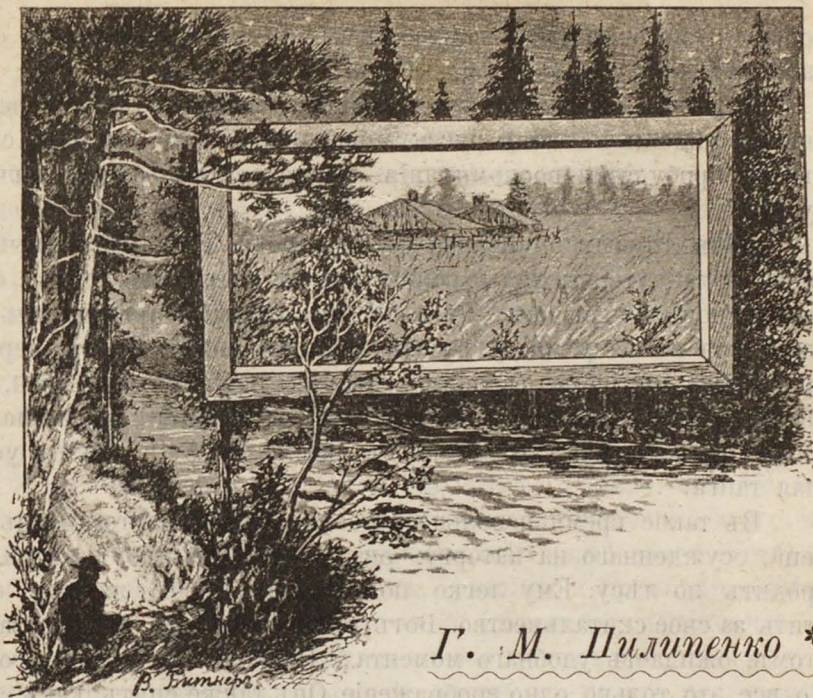
Я сказалъ вначалѣ, что мнѣ предстоитъ говорить объ *опасныхъ* вопросахъ. Теперь вы можете сами судить объ этомъ.

Я рискую задѣтъ многія ходячія мнѣнія, давно установившіяся убѣжденія, упорныя привычки думать и еще болѣе, быть можетъ, упорныя привычки говорить.

Кромѣ того, я долженъ буду собрать предъ вами огромную массу фактовъ, заимствованныхъ изъ всѣхъ отраслей знанія; познакомить васъ съ памятниками очень различнаго характера, напримѣръ съ дѣйствительнымъ, свободнымъ отъ произвольныхъ толкованій, содержаніемъ Авесты, священной книги персовъ очищаемой и обсуждаемой; рассмотреть множество народовъ, отъ таджиковъ, древнихъ мидянъ и турокъ въ ихъ первоначальномъ отечествѣ до осетинъ, финновъ, литовцевъ, славянъ и германцевъ, — ибо мнѣ нужно прійти къ окончательному выводу*, и я хочу дать вамъ рѣшеніе этаго безплодно дебатимуемаго вопроса о происхожденіи арійцевъ.

Задача моя нелегка! И вы не удивитесь, если я признаюсь, что колебался въ виду ея и даже чувствовалъ смущеніе. Вѣдь я могу бояться, что мой авторитетъ окажется слишкомъ слабымъ для того, чтобы сверху до низу перемѣнить всѣ члены столь трудной проблемы! Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, надѣяться на то, что вы соблагovolите поддержать мое мужество своимъ до конца благосклоннымъ вниманіемъ. *)

*) Вполнѣ раздѣляя взгляды автора, впервые поднятые еще Латамомъ, доказывавшимъ европейское происхожденіе арійцевъ, мы намѣрены дать по этому интересному вопросу особую статью, которая бы знакомила съ его современнымъ положеніемъ.

Г. М. Пилипенко *).

Въ поискахъ земли.

(Дорожныя впечатлѣнія въ Сибири).

I.

Я ѣхалъ по одной сибирской дорогѣ, конечно, на лошадахъ, гдѣ когда-то была жизнь ключемъ, и гужевые транспорты тянулись днемъ и ночью. Теперь, съ проведеніемъ желѣзной дороги, этотъ трактъ утратилъ свое значеніе. Рѣдко промчится по немъ какой-нибудь всадникъ, осторожно поглядывая по сторонамъ, или кулакъ (настоящій русскій кулакъ), обдѣлавъ свои дѣлишки, возвращается вспять.

Впрочемъ, иногда мелькнетъ и отрадное явленіе: увидишь пару клячъ, и нашъ батюшка съ крестомъ ѣдетъ за верстъ сто отъ своего прихода справлять свои требы. Въ пути остановишь

*) Авторъ настоящаго очерка—крестьянинъ-самоучка. До сихъ поръ онъ работалъ въ газетахъ на Дальнемъ Востокѣ. Пріѣхавъ въ Россію, съ пѣлю посвященія себя исключительно литературѣ, онъ выразилъ желаніе писать для одного только нашего журнала.

Редакція.

лошадей, поговоришь о неудобствахъ таежной дороги—и опять дальше.

Скучно, невыразимо скучно; иногда возьметъ тоска, нападетъ уныніе; уйдешь въ нашу русскую меланхолію. Но блеснетъ свѣтъ мысли, пробудятся воспоминанія—и опять какъ будто легче на душѣ...

Ночь. Кругомъ тайга на сотни верстѣ. Только блѣдный мѣсяцъ, чуть-чуть выглядывающій изъ-за косматыхъ тучъ, освѣщаетъ ночной пейзажъ. Тутъ кедры, пихты, лиственницы—все сливается въ одну массу, въ одну общую массу... Сквозь чернѣющія пятна листьевъ, стволовъ и сучьевъ, нависшихъ вѣтвей, пробивается свѣтъ небесъ; видишь и свѣтъ, и тѣни, но душа путника дремлетъ, какъ дремлетъ въ своемъ величій вся эта уснувшая тайга.

Въ такое время невольно встаетъ образъ какого-нибудь бѣглеца, осужденнаго на каторгу: онъ теперь гдѣ-нибудь тутъ, онъ бродитъ по лѣсу. Ему легко подкараулить свою жертву, отомстить за свое скитальчество. Вотъ онъ стоитъ гдѣ-нибудь за кустомъ, ожидаетъ удобнаго момента... Наскочить—и, драма готова. Но все это только одно воображеніе. Онъ также спитъ, какъ спитъ и самъ лѣсъ: его сердце чуть бьется, а сны уносятъ его куда-нибудь въ даль, въ родную сторону.

И тихо шумитъ лѣсъ, и тихо уносится минута за минутой... Отчетливо и ясно стучать копыта лошадей; слышишь ихъ фырканье... А ямщикъ, свѣсивъ свою курчавую голову, и спитъ, и не спитъ. Онъ всматривается въ даль и опять закрываетъ глаза.

Иногда, заслышавъ невѣрный толчекъ колеса своей повозки, онъ перестаетъ дремать. Поправится на возу, пошевелится и крикнетъ: „эй, пошли!“—и лошади подхватываютъ съ большей энергіей, съ большимъ запасомъ силъ. Бываетъ, идутъ шагомъ, и такъ цѣлыя версты... Скверная дорога, пни, кочки, валежники. Хочется перерѣзать трактъ, своротить куда-нибудь въ сторону, выиграть время... А тутъ—на, черезъ дорогу пень-колода или лежитъ цѣлый вѣковой дубъ, сломанный бурей, со всѣмъ своимъ корнемъ.

— Бѣда!—разведетъ руками ямщикъ.

— Что-жъ дѣлать?—спросишь его.

— Ничего, братецъ; объѣдемъ какъ-нибудь, обойдемъ...—отвѣчаетъ мой ямщикъ. И, смотришь, дѣйствительно, умудрится объѣхать, обойти...

А путь далекій: ѣдешь, ѣдешь, и все какъ будто на одномъ мѣстѣ. Тайга такъ однообразна, деревья такъ обманчивы. На каждомъ шагѣ иллюзія, мечты, суровый видъ природы. И встаютъ всѣ русскіе богатыри, со всей своей чудовищной силой.

Тутъ свистить и соловей-разбойникъ, и сыпится листь, и красныя дѣвушки тоскуютъ гдѣ-нибудь въ плѣну, въ пещерѣ дикаго звѣря или въ свѣтлицѣ неустрашаемаго рыцаря.

Бываешь, ямщикъ мой разговорится. Онъ повернется спиной къ лошадямъ, свѣситъ свои ноги, и все говоритъ и говорить. Душа у него религіозная. Онъ пытливъ, хочетъ все понять, стремится къ знанію. О всемъ онъ толкуетъ очень логично, какъ философъ. Онъ жалѣетъ, что у него нѣтъ средствъ накупить хорошихъ книжекъ. Съ трудомъ удалось ему научиться писать и читать, и онъ охотно воспринимаетъ все прекрасное, любитъ природу, музыку.

О немъ можно было-бы сказать: «это не ямщикъ, а поэтъ-самородокъ».

И онъ въ сущности былъ таковымъ. Только недостатокъ образованія, нищета, голодъ—убили въ этомъ человѣкѣ его неисчерпаемый запасъ чувства прекраснаго. Я любовался его богатырскимъ видомъ, тѣлосложеніемъ, умными и проницательными глазами, въ которыхъ свѣтился огонь цѣльной и неиспорченной натуры. Онъ пѣлъ своимъ звучнымъ баритономъ народныя пѣсни. Это былъ тотъ богатырь, который способенъ на все прекрасное, сильное, мужественное. Ему нуженъ былъ только толчекъ.

II.

Я уже ѣхалъ нѣсколько дней. Мнѣ приходилось по пути встрѣчаться съ такъ называемыми бродягами, безпаспортными, для которыхъ сибирскій житель (изъ крестьянъ) ставитъ крынку молока, ковригу хлѣба и кувшинъ воды. Иногда имъ оставляютъ одежду, если находятъ, что она лишняя въ домѣ. Такой обычай имѣетъ въ себѣ много сердечнаго.

— Всѣ люди,—говорилъ мнѣ одинъ старикъ,—и всѣхъ мы должны любить.

Любовь, милость, состраданіе—вотъ чѣмъ живетъ нашъ сибирякъ. Есть явленія и другого сорта, но въ семьѣ не безъ уroda. Народъ ближе понимаетъ этого уroda, чѣмъ школа; но онъ, народъ, идетъ на встрѣчу школѣ: знать, понимать, проникнуться живымъ словомъ... какое великое наслажденіе! Кто можетъ отказать человѣку въ этой духовной пищѣ?

Уродъ скитается, бѣгаетъ отъ заслуженной кары, а народъ даетъ ему хлѣбъ, одежду, напитокъ. Тутъ кладутъ иконки, кресты, книги для чтенія. „Ему, бѣдняжкѣ, все нужно!“

Этотъ традиціонный обычай настолько смягчаетъ нравы бѣглаго человѣка, что онъ свободно днемъ приходитъ въ избу, получаетъ все ему необходимое и изъ преступника дѣлается чест-

нымъ человѣкомъ. Нерѣдко они, бѣглецы, тайно, по ночамъ, обрабатываютъ пашню у новосела. За милость и кормъ отдаютъ свой трудъ и, конечно, далеки отъ всякой мысли нанести ближнему, оскорбленіе или причинить насильственную смерть.

Только упадокъ народнаго хозяйства въ Сибири, въ силу кобылки, неурожая и безденежья, обострилъ эти добрыя отношенія. Появляется пьянство, запой. Человѣкъ пьетъ съ горя, тоски, съ радости. На долю „радости“ выпадаетъ, впрочемъ, очень мало. Въ нашей народной жизни, случаи истинной радости въ сущности пробуждаютъ духъ, и на радостяхъ человѣкъ скорѣе пойдетъ въ церковь, чѣмъ отправится въ кабакъ.

Въ дни народнаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости нашъ народъ мало пилъ. Пробужденный и озадаченный, онъ не вѣрилъ этой мечтѣ, ему казалось, что онъ вѣчный рабъ. Многіе плакали, молились, дѣлали жертву.

Это былъ праздникъ, великій праздникъ, воскресенье изъ мертвыхъ.

Но дни эти прошли. Появились изъ народа кулаки, безграмотные богатѣи,—стало жить туже. Понемногу проникли сюда и новые искатели истины, правды; нѣкоторые заразились чуждой намъ философіей, вродѣ ничеанства, отъ которой больно народу. Онъ не узнаетъ своей собственной физіономіи. Его чувства понаты въ искаженномъ видѣ, онъ униженъ, оскорбленъ, его обошли. Онъ хочетъ учиться всему, что открылъ Богъ на потребу людей. Чуткость, критика, самообразование, школы, религія—вотъ единственный путь, который ведетъ человѣка къ небу, наполняетъ его душу гуманностью, любовью къ людямъ.

И этотъ путь такъ великъ, что надо ему отдать всю свою жизнь, все свои лучшія силы!

III.

По пути мнѣ встрѣчались всевозможные типы: тутъ и еврей, всюду гонимый и презираемый; татаринъ, съ тяжелой ношей за плечами; киргизъ, китаецъ, японецъ; чабанъ, со стадомъ барановъ, и акцизный чиновникъ, въ своей кибиткѣ, приспособленной для легкой и удобной ѣзды. Встрѣчался я съ судейскими людьми, ѣдущими разбирать уголовное или гражданское дѣло. И каждый спѣшитъ, мчится дѣлать какое-то важное дѣло, справляетъ свой маршрутъ. По дорогѣ я наслушался всякихъ ужасовъ: тамъ ограбили, тамъ убили; съ местию, безъ мести, по неизвѣстнымъ причинамъ,—а я все ѣхалъ, и никто не посягалъ на мою жизнь. Да, впрочемъ, кому я былъ нуженъ? Что взять отъ человѣка, который самъ искалъ хлѣба духовнаго и матеріальнаго? Я искалъ землю, общину, хотѣлъ приписаться гдѣ нибудь въ

крестьянскую семью, но Богъ судилъ иначе. Исколесивъ весь міръ, я нашелъ только одно спасеніе: слѣдовать своему призванію, не противиться предъ книгой природы и любить то, что достойно любви и состраданія.

Я былъ во всѣхъ городахъ Сибири; видѣлъ тотъ подъемъ народнаго духа, который сказался въ русскомъ человѣкѣ. А для меня русскій тотъ, кто сочувствуетъ всему прекрасному, кто жалѣетъ нашего ребенка, видя какъ онъ лишенъ школы, общества. Какъ мало въ Сибири школъ и какъ много желающихъ учиться!

Присутствуя при закладкѣ Народнаго Дома во Владивостокѣ я былъ пораженъ той массой простого народа, который, въ праздничныхъ одеждахъ, явился привѣтствовать это прекрасное начинаніе. На лицахъ всѣхъ присутствующихъ свѣтилась какая-то радость. Всѣ были оживлены; каждый интересовался планомъ постройки, который былъ вывѣшенъ на показъ для публики. Тутъ были крестьяне изъ ближнихъ деревень, простые рабочіе съ фабрикъ. Они тѣснились у входа, гдѣ происходила закладка „Народнаго Дома“. Присутствовало духовенство, высшая администрація; пѣли молитвы; окропляли Святой водой. Все мѣсто было украшено флагами, гирляндами. Играла музыка.

Среди всего этого простого народа, находилась и вся мѣстная интеллигенція, въ шляпкахъ, фракахъ, сюртукахъ. Жаль, что очень, очень немногіе сознавали торжественность минуты, значеніе событія: мало кто изъ нихъ сумѣлъ постичь нужды самого народа, изъ котораго они вышли и въ которомъ живутъ и теперь.

„Народный Домъ“ во Владивостокѣ на дняхъ будетъ открытъ, если уже это не состоялось. Онъ основанъ въ память нашего великаго поэта Пушкина, который всю свою жизнь стремился идти вровень съ передовыми людьми своего вѣка. Онъ открылъ свое окно во Владивостокѣ. Въ „Народномъ Домѣ“ его имени будутъ читать народу то, что создалъ онъ и всѣ великіе люди.

Тамъ быть можетъ прочтутъ Гоголя, Лермонтова; тронутъ душу, жаждущую познанія, милосердіемъ Достоевскаго; покажутъ, какой былъ страдалецъ Некрасовъ; какъ философски и художественно исполнилъ свою миссію великій художникъ слова Тургеневъ. Пусть ѣдкая сатира Щедрина-Салтыкова заставитъ призадуматься очень многихъ надъ тѣмъ, что пошло, посредственно... и Кольцовъ, и Никитинъ, и тотъ современный Горькій, который спустился на дно жизни, съ своей отрицательной философіей—пусть все они будутъ понятны народу.

Только народъ, освобожденный отъ крѣпостнаго ига, можетъ и долженъ оцѣнить cadaго по заслугамъ. Но прежде, чѣмъ

требовать отъ народа оцѣнки, надо отворить двери школы. Надо вливать въ душу живое и человѣческое слово.

Вѣдь слово—Богъ. Кто же не ищетъ Бога? Кто можетъ отказать человѣку искать Его?

Самъ народъ открылъ себѣ Сибирь. Ермакъ—это сынъ народа. Эта тѣма теперь заселяется народомъ. Туда, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ переселяются люди. Поѣздъ за поѣздомъ уноситъ ихъ туда, въ глубь, въ тайгу.

Они уѣзжаютъ сотнями, тысячами и расходятся по обширной землѣ. Тяжела доля мужика: средства ничтожны, надо все обзаводить наново. Нуженъ хорошій плугъ, здоровыя лошади, крѣпкій умъ и руки.

Вотъ почему, иногда, человѣкъ надрывается: жизнь становится не по силамъ, не по уму и разуму.

Откуда раздобыть рубль денегъ?

Сибирь имѣетъ земли разныя: на одной полосѣ уродить, а на другой нѣтъ. Сила закона. Вѣчная логика вещей. Нужна взаимопомощь,—а какъ ничтожна она у насъ?

Мы больше завидуемъ другъ другу, ненавидимъ людей, чѣмъ любимъ и помогаемъ.

Вотъ почему хотѣлось-бы помочь народу, если не средствами, то хотя добрымъ словомъ; влить ему въ душу это теплое, сердечное слово; ободрить на подвигъ, какъ ободряетъ полководецъ упавшаго духомъ солдата.

Жизнь, по отношенію къ природѣ, конечно,—борьба, но намъ легче съ этимъ бороться, если мы видимъ себя разумными людьми.

IV.

Но я увлекся... Путь такъ тяжелъ, картины такъ мрачны и неподвижны, что, невольно думаешь о многомъ.

Шумить уныло лѣсъ, поскрипывая своими вершинами; мерцаетъ тускло мѣсяцъ, выглядывая черезъ вѣтви вѣковыхъ деревьевъ. Тамъ затрепещитъ, зашумитъ въ лѣсу майскій червячекъ освѣтитъ своимъ фосфорическимъ свѣтомъ, или прожужжитъ какое-то насѣкомое. Кое-гдѣ слышишь крикъ какой-нибудь проснувшейся птицы, или дремавшій ручей, перебѣгая по камушкамъ, разбудить дремлющее воображеніе мысли. Все тихо, спокойно... На минутку, а то и того менѣе, вспыхнетъ гдѣ нибудь звѣздочка и опять погаснетъ, среди набѣгающихъ облаковъ.

Ночью, въ тайгѣ, прохладно; приходится кутаться въ теплую одежду, несмотря на весеннее время.

Въ воздухѣ виситъ какой-то туманъ; міріады мошекъ навязчиво кружатся надъ головой. Достается мнѣ, ямщику, лошадымъ. Онѣ проникаютъ во всѣ отверстія; отъ нихъ нельзя спастись и днемъ. Только въ палы, когда горитъ тайга, они какъ-будто исчезаютъ, но и то на время.

Я было уже задремалъ... слышу голосъ... оглядываюсь... Мой ямщикъ поетъ пѣсню... Ему не спится.

— А что, братъ, небось холодно?—спросилъ я ямщика.

— Какое тутъ холодно... это еще не холодъ. Вотъ какъ подуетъ съ океана, или съ Уральскихъ горъ—другое дѣло! Теперь потому холодно, что еще снѣгъ лежитъ въ глубинѣ тайги. Тамъ есть такіе сугробы, что и на собакахъ не пройдешь. Одно слово—гора льду—и больше ничего!

— Это ты про какой океанъ говоришь?—спросилъ я.

— А Ледовитый... Тамъ еще Лена, рѣка судоходная. Сплавъ лѣса. Это самая большая рѣка въ Сибири! Ужъ и капризная она: туда, сюда, этакъ и такъ, налѣво, направо... во всѣ стороны. Славная рѣка!

Тутъ Ангара, Байкаль... Дѣйствительно, съ Байкаломъ шутки плохія: есть мѣсто, гдѣ не подходи; не только какая нибудь лодка: это тѣфу, а и самъ ледаколь—въ щепки. Потому, очень просто: подземные ходы; земля съ вулканомъ... Былъ вотъ толчекъ въ землю... гора возьми и тресни... Безъ силы тутъ невозможно!

Меня заинтересовало. Я покинулъ свою дрему, согналъ сонъ, Увлекся потокомъ его рѣчи и весь ушелъ въ его образы. Налѣво было темно, какъ въ могилѣ, а правѣе—показывалась дорога, которая вилась среди тайги и похожа была на ползущаго чернаго змѣя, изрѣдка испещреннаго какими-то непонятными пятнами. Несмотря на темноту ночи и угрюмость тайги, въ природѣ было разлито не мало поэзіи. Эти картины были до того полувоздушны, до того натуральны, что невольно воспринимался образъ за образомъ. Хотѣлось схватить все это воображеніемъ и передать на полотно. Вотъ ползетъ тѣнь, за ней другая, третья... и опять все исчезло, какъ мечта, какъ сонъ, какъ греза или минутное видѣніе.

А мѣсяцъ все подымался: онъ заливалъ серебромъ всѣ деревья, онъ проникалъ въ чащу кедровъ и ярко отразился въ водѣ, бѣгущей подъ скалой. И, казалось, что въ водѣ опрокинутъ весь лѣсъ, вмѣстѣ съ скалой, небомъ и звѣздами... Чудно, невыразимо чудно!..

Ямщикъ все говорилъ... Онъ, казалось, тоже былъ вдохновенъ природой...

— Да. Вотъ хотя бы рѣка Лена... Чѣмъ не рѣка? Въ самый океанъ упирается... Куда тамъ Иртышъ, Кама, Волга... Тутъ насчетъ всякихъ береговъ, рыбы и народу—гибель. Тамъ больше все торговый народъ, за золотомъ ѣдутъ... Въ Иркутскѣ мразь. Нѣтъ порядка, чистоты. Бойни, кабаки, пивныя... А что съ этого толку? Клоповъ развели видимо и невидимо. Потому, значить, жестокость. Сердца нѣтъ у людей. У человѣка опрятнаго клопъ не заведется. Ну, еще насчетъ образованія: читаютъ лекціи... Былъ, видалъ, слушалъ. Музей этимъ занимается. Музей, какъ музей: монеты, чучело какое-нибудь, инородцы. А лекціи того... не нравятся...

— Почему?

— Видишь, толкуеть отъ чего взялся огонь и какое его происхожденіе... А мнѣ что? Началь говорить объ огнѣ, говори и насчетъ воды; тоже вѣдь стихія! Онъ думаетъ, что я въ полушубкѣ, такъ и мозгъ мой на мѣху... Нѣтъ, это не такъ: что на мѣху, а что и на подкладкѣ. Разно бываетъ...

— А что-жъ, по твоему читать?

— Читай обо всемъ... Вали съ плеча! Исторію, науку, сказку... Просвѣщай темнаго человѣка! Мнѣ что? Огонь? Безъ огня—огонь. Онъ у нашего брата въ нутрѣ горитъ. Ты мнѣ дай совѣтъ, какъ его потушить или зажечь... чтобъ, значить, свѣтило... вотъ наука! Вонъ, червь на землѣ, и тотъ свѣтитъ... Онъ не спрашиваетъ, откуда взялся огонь; онъ самъ огонь... А я—человѣкъ; я—образъ Создателя; я—тварь разумная!

Онъ помолчалъ и опять началъ.

— Иной вотъ: рожа у него какъ бы русская, а по мысли—нѣмецъ или полякъ, а то и просто татаринъ. А мнѣ что? Будь съ душой человѣкъ: я люблю душу. Шкура тутъ не при чемъ. Вотъ, говорятъ, все виноваты еврей, — а русскій кулакъ развѣ уступить ему? Развѣ онъ не сдеретъ съ тебя кожу?

Н-нѣтъ... Это неправильно... Ужъ коли винить кого, такъ всѣхъ поголовно. Веѣ, братецъ мой, съ грѣхомъ!

Онъ опять перевелъ духъ; оглянулся по сторонамъ и произнесъ:

— Вотъ наши суды... Словъ нѣтъ, новые, въ Сибири только ихъ ввели, а все-же: почему безъ присяжныхъ? Развѣ мы не люди? Я вотъ никогда въ каторгѣ не былъ, новосель... Случись грѣхъ:—„пожалуйте!“ Иной разъ вонъ какъ станетъ горько; ѣсть нечего, денегъ нѣтъ... Какъ тутъ не украсть? Долго-ли до грѣха? А тутъ статья, законъ.. въ одиночное заключеніе. Тамъ еще ученые люди толкуютъ: „наслѣдственность“, „низкій лобъ“, „порода“, „обще-

ство виновато“. Какое наше общество: старшина, староста, мужики... Ну, конечно, орутъ, говорятъ, толкутъ воду въ ступѣ, — а вода все вода... Нѣтъ, ежели ты взялся за воду, то подсыпай и соли; а то еще перцу, луку, чесноку, всякой зелени... и выйдетъ не вода, а борщъ. Оно и сытно, и полезно... *)

Онъ опять помолчалъ, досталъ трубку, набилъ ее табакомъ, зажегъ спичку и сталъ курить.

Въ лѣсу становилось все свѣтлѣе. Мы выѣхали на обширную поляну, гдѣ деревья стали рѣже, и кочки не такъ попадались часто. Обгорѣлые пни свидѣтельствовали, что тутъ безжалостно истреблялся лѣсъ, путемъ огня, порубки... Это было кладбище растительнаго царства.

На этотъ разъ меня не такъ трясло въ повозкѣ: возокъ катился по ровной дорогѣ, а маленькія сибирскія лошадки пряли ушами и бѣжали, помогая другъ дружкѣ. Имъ на просторѣ какъ-будто было весело. Черезъ нѣсколько минутъ пришлось подыматься на гору. Лошади пошли шагомъ. Въ воздухѣ пахло смолой, сыростью, на всѣхъ деревьяхъ и травахъ дрожала роса. Наступала заря, близилось утро; цвѣта красокъ стали мѣняться. Ночь исчезала подъ давленіемъ свѣта. Все искрилось, играло... Въ каждой росинкѣ свѣтился весь міръ. Въ каждой гармоничной каплѣ воды отражалось все разомъ, вся призма цвѣтовъ. Не хватало только звуковъ, гармоніи, но и это было въ природѣ.

— Эхъ, какъ хорошо и пріятно!—сказалъ мой ямщикъ.

— Да, красиво,—отвѣчалъ я.

Ему все хотѣлось курить. Онъ опять досталъ свой кисетъ съ табакомъ и набилъ трубку. Легкимъ вѣтеркомъ подуло въ мою сторону, и волна горькаго и ѣдкаго дыма коснулась и меня. Замѣтивъ мое движеніе на повозкѣ, онъ пересталъ курить.

— Знаю, знаю... Кто не курить, тому непріятно. Что-жъ дѣлать, не по средствамъ...

— Нѣтъ, ничего... кури!..

— Какой тамъ ничего: курю махорку... Она, значить, не всѣмъ по нутру. Богачъ дупитъ сигару... По средствамъ. Всякому свое житье!

Онъ спряталъ трубку и нервно задвигалъ плечами.

— Вотъ пишутъ про Сибирь, печатаютъ газеты. Всякъ

*) Читателю, незнакому съ сибирскимъ мужикомъ, пожалуй, покажется, что въ устахъ простаго ямщика всѣ эти слова неестественны, что это мною выдуманно, притянута за волосы; но на самомъ дѣлѣ я передаю дѣйствительный разговоръ. Ямщикъ меня интересовалъ, однако, зная развитіе сибирскаго крестьянина, я не удивлялся этимъ разсужденіямъ, они для меня не были неестественными,—я уже не разъ кое-что изъ этого слышалъ.

хочетъ что-нибудь сказать. А знаютъ-ли они наше житіе? Тамъ кобылка съѣла, тамъ неурожай... долги всякаго рода. Нѣтъ, они не знаютъ нашего положенія. Имъ что: далеко, Сибирь...

— Пишутъ...

— Что пишутъ? Возьми нашего бобыля или просто бродягу, варнака: онъ тебѣ все расскажетъ... И вѣкъ тебѣ правды такой въ книгѣ не слыхать и не сыскать! Потому что онъ человѣкъ, много терпѣлъ и нужду узналъ...

Онъ посмотрѣлъ на меня такъ выразительно, измѣрилъ умнымъ взглядомъ и продолжалъ:

— Ты вотъ подумай: откуда новоселу раздобыть плугъ, да лошадей; гдѣ взять денегъ на хозяйство?... Вотъ гдѣ наука! А пишутъ-ли объ этомъ въ книгахъ?

— Да... конечно...

— То-то и оно, что „да“ да „конечно“, — язвительно повторилъ меня мой ямщикъ и умолкъ.

Уже стало свѣтло. На опушкѣ лѣса подымалось солнце. Легкій вѣтеръ качалъ тонкія деревья. На обгорѣлыхъ пняхъ шелестѣла кора. Въ воздухѣ было чисто... туманъ совершенно исчезъ. Гдѣ-то кричалъ скворецъ, дятель долбилъ кору, и жаворонокъ пѣлъ свою пѣсню. Мотыльки, жучки кружились надъ цвѣтущей облѣпихой, и дикая груша была увита цѣлымъ роемъ пчелъ.

Мой собесѣдникъ, очевидно, привыкшій къ разговорамъ, въ которыхъ онъ чувствовалъ свое превосходство, былъ доволенъ своимъ краснорѣчіемъ. Его загорѣлое лицо, обрамленное черными волосами, было и пріятно, и непріятно. Въ немъ было то, что бываетъ у всѣхъ богатыхъ натуръ: и демонъ добра, и демонъ зла.

Дѣйствительно, заданный имъ вопросъ настолько былъ важенъ и серьезенъ, что разрѣшить его съ помощью одной теоріи едва-ли было возможно. Онъ это зналъ, понималъ и терпѣствовалъ въ душѣ.

V.

Бѣжать, однако, надоѣло; пришлось остановиться, свернувъ немного съ дороги. Разожгли костеръ, заварили чай. Я развалился на травѣ. Нашелъ въ карманѣ старый № газеты и погрузился въ чтеніе. Мой мудрецъ сѣлъ противъ меня и сталъ подкладывать валежникъ. Надо было накормить лошадей, дать пить... Вблизи оказалось небольшое озеро, которое было настолько мелководно, что его все можно пройти въ-бродъ. Когда солнце поднялось уже довольно высоко, и лошади были накормлены и напоены, пришлось опять трогаться въ путь. Мы затушили костеръ, чтобы не причинить вреда молодому лѣсу и травѣ. Такіе костры, по

всей вѣроятности, и бываютъ причиной пожаровъ, столь частыхъ и губительныхъ на всемъ протяженіи Сибири.

Здѣсь почему-то, почти на каждой верстѣ, попадалось дватри креста, съ надписями и безъ надписей. Очевидно, это все жертвы прошлыхъ грабежей и убійствъ, которые совершались въ этой отдаленной глуши. Можетъ быть, эти кресты являлись слѣдами этаповъ, когда преступники путешествовали еще пѣшкомъ и умирали отъ изнуренія или холода. Возможны различныя предположенія. Время стерло всякое преступленіе, и остались только слѣды.

Мой ямщикъ все время упорно молчалъ. Я чувствовалъ его иронію, понималъ глубину его души, но мои аргументы были бы новымъ доказательствомъ моего собственного безсилія... Какъ воплотить то въ жизнь, что заключается еще только въ одномъ порывѣ сознанія?

Нужно охватить необъятное, но и это не поможетъ, разъ останутся только слова, безъ жизни и смысла.

Я видѣлъ въ его сѣрыхъ глазахъ всю его душу, но помочь горю не могъ.

Наконецъ, онъ мотнулъ головой и снова заговорилъ.

— Поди, печетъ солнце, а въ тайгѣ лежитъ снѣгъ... Туда не доберешься, тамъ только медвѣдю жить... Тутъ вотъ лисица, куница, горностай; есть еще песцы... Все цѣнится.. Купцы наживаютъ деньги. Охотникъ бродить... Ему что: онъ хищникъ... Бѣдную тварь уничтожаетъ... А вѣдь всякому надо жить! Я въ жизнь свою никого не убивалъ... жаль!

Онъ повернулся ко мнѣ лицомъ.

— Вотъ птички... махонькія... поютъ, щебечутъ... а и на ихъ есть напасть... ястребъ, кобчикъ... орелъ... Что за такая причина?

— Хищники...

— Да... оно, конечно, хищники... но зачѣмъ Господь этихъ хищниковъ создалъ?

— Ихъ уничтожаютъ...

— Отлично бы, если бы ихъ, а вотъ заодно гибнетъ и мелкая птишка. Ходить, бродить по лѣсу... ну, значить, дичи нѣтъ. Возьметъ и выстрѣлитъ по пѣвчей птицѣ... Что тутъ человѣческаго? Зачѣмъ уничтожать прекрасную птичку? Что она имъ вредное дѣлаетъ?

— Конечно, дико...

— Да... дико... Пускай бы этимъ дѣломъ занимался мужикъ... Ну, конечно, человѣкъ темный, невѣжда; а тутъ, поди: мировой судья, помѣщикъ, офицеръ... Съ образованіемъ люди. Вотъ она и сказывается книжная ученость. А сердца, значить, нѣтъ... Да, нѣтъ его у этихъ охотниковъ!..

Наступило молчаніе. Лошади устали. Дорога была сыпучая, вязкая, колеса погружались въ песочную пыль. Чувствовалась усталость. Хотѣлось отдохнуть.

Еще не доѣзжая до деревни, которая показалась вдали, потянулись крестьянскія пашни. Кое-гдѣ зеленѣла рожь; видны были черныя полосы вспаханнаго поля, и среди всего этого такъ называемыя займки. Чтобы скорѣе добраться до болѣе спокойнаго пункта и задать кормъ лошадямъ, мой ямщикъ рѣшилъ остановиться на первой займкѣ. Не доѣзжая займки, которая походила на одинокую избу простолюдина, съ торчащимъ заборомъ и клокомъ прошлогодняго сѣна, я увидѣлъ какую-то скирду черной соломы. Вотъ все, чѣмъ богата была эта займка. Тутъ не было ни земледѣльческихъ орудій, ни обилія того, съ чего брался оброкъ, во времена крѣпостного права, и чувствовался полнѣйшій упадокъ хозяйства. Я видѣлъ много такихъ займокъ, но бѣднѣ этой не видалъ! Какая безотрадная картина!

На дворѣ стоялъ самъ хозяинъ займки. Это былъ хилый, болѣзненный человѣкъ; онъ кашлялъ и все брался рукою за грудь.

Тутъ происходили торги. Хозяинъ продавалъ быковъ здоровенному мясоторговцу. Самъ мясоторговецъ похожъ былъ на быка: глаза на выкатѣ, губы отвислыя. Его лицо надувалось, раздвигалось, какъ кузнечный мѣхъ. Неуклюжая фигура, большія руки...

Это тотъ типъ, который созданъ въ Сибири такимъ же образомъ, какъ создаются пауки, скорпіоны, гады и проч. Онъ непрочь зарѣзать и человѣка, если бы только подвернулся счастливый случай.

— Вотъ тебѣ, братецъ, сорокъ рублей; хопъ бери, а не хопъ—давай назадъ; больше за свои бычки не получишь! Бычки твои хотя и большіе на видъ, но мяса съ нихъ много не выжмешь... Это, по чистой совѣсти говорю, барашки... Изволь... Получай!

— Маловато... (Чешетъ затылокъ).

— Что? Маловато?.. Не надо... Давай деньги обратно. Деньги къ деньгамъ, таковъ законъ. Хлѣбецъ, братецъ мой, еще не скоро уродить; проголодаешься... придешь!.. Тогда дамъ десятку... Отъ ножа моего не уйдутъ!..

Онъ хихикнулъ на ходу, спряталъ деньги и направился въ калитку.

— Постой... да куда же!—взмолился хозяинъ займки.

— Мнѣ, братецъ ты мой, съ тобой много разговаривать не приходится; самъ знаешь: я человѣкъ дѣловой... Каждый часъ—деньги. Вотъ тебѣ послѣднее слово: тридцать пять рублей!

Штрафу пять рублей за капризъ и упрямство... Вотъ каковъ я!.. Недаромъ старообрядцы Никономъ Святымъ зовутъ... Что, согласенъ?

— Да что же дѣлать... придется согласиться... Только какъ же такъ: за что пять-то рублей? Простите, Илья Ильичъ, коль обидѣлъ!

— Ладно, ладно... будетъ съ тебя на хлѣбъ. Тамъ картошка подрастетъ, огурецъ... ну, и проживешь!

Онъ ткнулъ быковъ въ бока и самъ разразился хохотомъ...

— Бычки! Нечего сказать; много съ нихъ барыша получишь?!

— Сто рублей заплачены. Ей-Богу славная скотина...—оправдывался хозяинъ, покашливая и все хватаясь за грудь.

— Славная не славная, а пойдетъ все на мясо. Тамъ съѣдятъ... Народецъ теперь прожорливъ!..

Онъ ткнулъ хозяину деньги, отвязалъ отъ забора быковъ и повелъ куда-то по дорогѣ.

Торги кончились.

Намъ пришлось, не ожидая хозяина, расположиться въ его дворѣ. Онъ до того былъ занятъ своимъ дѣломъ, что совершенно упустилъ насъ изъ виду. Тутъ хозяинъ пришелъ въ себя, опомнился, пригласилъ насъ въ избу.

Въ избѣ было чисто, опрятно, но бѣдность сквозила во всемъ.

Его жена, молодая еще женщина, съ груднымъ ребенкомъ, была настолько подавлена горемъ отъ продажи послѣднихъ быковъ, что и безъ того блѣдное ея лицо было встревожено и выражало печаль.

— Продалъ...—сказалъ хозяинъ, обращаясь къ женѣ.

— Что-жъ дѣлать; надо кормиться,—отвѣтила покорно жена.

Мой ящикъ сидѣлъ въ углу избы и молчалъ. Онъ давно уже носилъ эту скорбь въ своей душѣ. Это было повтореніе всего того, что видѣлъ онъ на себѣ и на другихъ. Его ничуть это не возмущало и не удивляло.

— Какъ-же вы будете хозяйничать безъ быковъ?—спросилъ я, обращаясь къ хозяевамъ.

— Какъ-нибудь проживемъ... Что-жъ дѣлать? Не умирать же съ голоду? Здоровья нѣтъ... Общество у насъ само бѣдное. Все новоселы... Откуда копѣйку возьмешь?

Онъ сѣлъ на лавку и повѣсилъ свою голову. Очевидно, ему жаль было своихъ быковъ, — но нужда заставила его продать послѣднюю опору въ хозяйствѣ.

— Жаль быковъ...—сказала хозяйка.

— Мнѣ тебя и ребенка еще больше жаль... а смерть придетъ—и съ вами придется разстаться...—объяснилъ хозяинъ.—Что дѣлать; такая наша жизнь!

— Гм!—протянуль ямщикъ. Онъ хотѣлъ что-то пофилософствовать, но затѣмъ махнуль рукой и пошелъ на сѣно спать.

Я давно уже чувствовалъ усталость, въ груди болѣло, въ костяхъ ныло. И, не долго думая, я отправился тоже на сѣноваль, гдѣ заснулъ богатырскимъ сномъ.

VI.

На слѣдующій день я проснулся очень рано. На дворѣ было сыро: шелъ дождь, и лужи воды стояли среди двора.

Сквозь щели деревенскаго сарая, крытаго соломой, просачивались крупныя капли дождя, чистыя, какъ слезы. Все сѣно было мокрое, и я самъ представлялъ собою мокрую курицу. Надо было все-таки торопиться отъѣздомъ.

Напились чаю; ямщикъ подвѣсилъ колокольчикъ,---и мы тронулись.

— Это зачѣмъ-же колокольчикъ?—спросилъ я.

— Какъ-же... оканчиваемъ поѣздку... Лошади бодрѣ пойдутъ. Онѣ у меня привыкли... Тутъ въ ихъ мозгу уже идетъ работа: „скорѣе-бы до станціи, а тамъ въ обратный путь“... Животное вѣдь все понимаетъ!

— А вотъ съ дождемъ какъ будетъ?..

— Ничего. Поѣдемъ...

Отворили ворота, попрощались съ хозяевами, и лошади тронулись въ путь.

Небо было сѣрое, мутное, грязнаго цвѣта, съ быстро бѣгущими облаками... Ни молніи, ни грома; только мутныя хляби воды обдавали насъ, какъ плескомъ волнъ. Воздухъ былъ насыщенъ парами, небеса давили грудь.

— Затянуло... А все же не надолго: будетъ погода,—сказалъ ямщикъ.

— Сомнительно.

— Нѣтъ, будетъ... Вонъ маленькая уже полоска... Это къ погодѣ... Налѣво темно; ну... да правѣ какъ будто къ погодѣ... Одно скверно: курить въ этакое время неудобно: замочишь и табакъ и спички...

Но тутъ вдругъ сверкнула молнія, загорѣлись небеса и грянулъ оглушительный громъ... За нимъ второй, третій.. Небеса стали вспыхивать, показывать серебристыя кресты и змѣйки... Черезъ часъ уже было тихо, и чудная радуга обняла небеса, охвативъ голубое небо съ конца въ конецъ.

— Эхъ, какая красота!—изумился ямщикъ.

— Да, великолѣпно...

Въ воздухѣ проносились дикіе голуби, каркали вороны, и

чайки кричали гдѣ-то надъ водой. Вотъ она, станція, локомотивъ... Стучить, шипить, раздаются голоса людей... Мы подъѣхали.

Я уплатилъ, что слѣдуетъ, моему ямщику и крѣпко, съ грустью пожалъ его руку.

— Прощай!..

Г. Пилипенко.

Ф. Ле-Дантекъ.

Жизнедѣятельность протоплазмы съ химической точки зрѣнія *).

Жизнь есть явленіе химическое, т. е., другими словами, единственное существенное отличіе дѣятельности *живой* матеріи отъ проявленій дѣятельности *мертвого* вещества заключается въ разрушеніи и возсоздаваніи извѣстнаго рода молекулярной группировки **). Это истина, которая должна быть твердо установлена въ біологін, и изъ нея должны исходить всѣ тѣ, которые занимаются изученіемъ живой матеріи.

*) Авторъ настоящей статьи, извѣстный біологъ мобеистъ, написалъ книгу (Felix Le Dantec, *Traité de Biologie*), которая скоро должна выйти въ свѣтъ. Желая ознакомить читателей журнала «Revue Scientifique» съ содержаніемъ своей, во всякомъ случаѣ, замѣчательной книги, онъ сдѣлалъ извлеченіе въ статьѣ подъ заглавіемъ: «L'activité chimique du protoplasma molaire et moléculaire». Полагаемъ, что и нашимъ читателямъ не безынтересно ознакомиться съ этою статьею.

Редакція.

**) Не мѣшаетъ замѣтить, что, какъ показалъ извѣстный французскій физикъ международнаго бюро мѣръ и вѣсовъ Гюйомъ (Guillaume), никакой рѣзкой границы между живой и мертвой матеріей не существуетъ. Явленіе инертности послѣдней, ея, такъ сказать, неприспособляемость къ окружающимъ условіямъ,—что до сихъ поръ считалось главнымъ отличіемъ неорганизованной матеріи отъ живого вещества, отдѣлявшимъ біологическія явленія непроходимую пропастью отъ физико-химическихъ,—оказывается, въ дѣйствительности, не существуетъ. Въ своемъ, надѣлавшемъ шуму, докладѣ въ собраніи Общества Швейцарскихъ Естествоиспытателей въ Невшателѣ Гюйомъ представилъ рядъ фактовъ «о жизни матеріи вообще». При этомъ докладчикъ, основываясь на общеизвѣстныхъ явленіяхъ, показалъ, что перемѣны, направленные къ приспособленію къ окружающимъ условіямъ, характеризующія живое существо, совершаются и въ «мертвой» матеріи, но только съ гораздо меньшею скоростью. Такимъ образомъ, никакой непроходимой пропасти между явленіями біологическими и физико-химическими на самомъ дѣлѣ не имѣется.

Ред.

Но всякая химическая реакція не есть ничто изолированное; она происходитъ въ опредѣленныхъ физическихъ условіяхъ (теплота, электричество, свѣтъ и др.) и сопровождается явленіями тоже физическаго характера (теплота, движеніе и др.). Это въ особенности правильно для реакцій организованныхъ веществъ, по причинѣ особеннаго характера растворенія этихъ веществъ въ водѣ.

Если мы хотимъ изучить, напимѣрь, дѣйствіе соляной кислоты на азотнокислое серебро, мы приводимъ въ тѣсное соприкосновеніе однородные растворы этихъ двухъ веществъ; происходитъ полное смѣшеніе, такъ что въ любомъ мѣстѣ этой смѣси оба эти вещества какъ-бы находятся противопоставленными, и могутъ воздѣйствовать другъ на друга. Совершенно другія условія получаются съ организованными веществами.

Нельзя про нихъ сказать, чтобы они были растворимы въ водѣ, они принимаютъ въ растворителѣ видъ жидкостей вязкихъ (*visqueux*). Это явленіе формулируютъ такъ: всѣ существа, одаренныя жизнью, состояются изъ вязкаго вещества, называемаго протоплазмой.

Въ сущности протоплазмы такъ же разнообразны, какъ и живыя существа, но состояніе коллоидальной плазмы обще всемъ живымъ существамъ.

Эта плазма не однородна. Ея структура изучалась многими учеными подъ микроскопомъ, и въ послѣднее время Бюкли удалось воспроизвести эту плазму при помощи неорганизованнаго вещества. Несмотря на весь интересъ такихъ изслѣдованій, они даютъ намъ лишь представленіе о структурѣ, но не о природѣ дѣятельныхъ веществъ, которыя представляются намъ подъ именемъ протоплазмы.

Вязкость (*visquosité*) организованныхъ веществъ обуславливаетъ то, что онѣ принимаютъ въ водѣ опредѣленную форму, въ то время какъ вещества растворимыя, мало по малу, благодаря диффузіи, наполняютъ сосудъ, въ которомъ ихъ растворяютъ. Поэтому, при изученіи какого нибудь организованнаго вещества, намъ прежде всего бросается въ глаза его форма, его контуры, такъ какъ мы привыкли въ нашихъ сужденіяхъ руководиться прежде всего зрительными впечатлѣніями. Поэтому мы естественно и придадимъ главное значеніе этой формѣ и эту форму примемъ за основаніе классификаціи. Наблюдатель же изучающій вещества по ихъ вкусу и запаху, сталъ бы классифицировать ихъ по этимъ признакамъ, совершенно не обращая вниманія на форму. Съ такихъ двухъ точекъ зрѣнія можно разсматривать всѣ вещества, и, какъ мы увидимъ дальше, существуетъ весьма интересное соотношеніе между формой и химической природой организованнаго вещества. Станемъ разсматривать какое нибудь вязкое вещество въ спокойномъ состояніи въ водѣ. Оно имѣетъ опредѣленную форму, находясь въ равновѣсіи въ окружающей средѣ. Произведемъ волненіе въ водѣ, движеніе вихревое. Оно увлечетъ за собой и это вещество, и, если движеніе вихревое продлится очень продолжительное время, то вещество это тоже можетъ принять новую форму, приспособленную къ новымъ условіямъ. Такимъ образомъ, форма этого вещества зависитъ отъ механическихъ условій, создающихся вокругъ.

Кусочекъ живой протоплазмы, наблюдаемый нами въ каплѣ воды, кажется намъ находящимся въ состояніи покоя въ спокойной жидкости. Но это иллюзія зрѣнія, иллюзія, ведущая къ неправильной оцѣнкѣ фактовъ. Въ этой живой матеріи уже по тому одному, что она живетъ, все время происходятъ химическія реакціи, но мы ихъ не видимъ, а потому намъ кажется, что онѣ не существуютъ. Если какую нибудь массу вязкаго вещества помѣстить въ растворъ какого нибудь вещества, не дѣйствующаго на нее химически, то между этой массой и окружающей ее средой начнется осмотическій обмѣнъ, который будетъ имѣть *ограниченную длительность*. Изученіемъ природы и условій этого обмѣна занимается физическая химія. По истеченіи нѣкотораго времени установится какъ бы равновѣсіе, и всякій обмѣнъ прекратится. Грубый примѣръ такого явленія мы имѣемъ въ полученіи спиртовой наливки изъ вишенъ. Вишни погружаются въ смѣсь воды, спирта и сахару. Въ самихъ вишняхъ находятся тоже всякія растворимыя вещества и поэтому между внутреннимъ содержимымъ вишенъ и окружающей ихъ средой наступаетъ осмотическій обмѣнъ. Спустя нѣкоторое время наступаетъ равновѣсіе и обмѣнъ прекращается. Совершенно другую картину мы будемъ имѣть, если вмѣсто вишенъ возьмемъ кусочекъ живой протоплазмы. Между протоплазмой и окружающей средой устанавливается, какъ и въ случаѣ съ вишнями, осмотическій обмѣнъ. Одни вещества переходятъ изъ жидкости въ протоплазму, другія изъ протоплазмы въ жидкость, но равновѣсіе не устанавливается пока протоплазма живетъ, по причинѣ химическихъ реакцій все время происходящихъ внутри ея. Эти реакціи вызываются веществомъ, проникшимъ изъ жидкости въ протоплазму, а результатомъ этихъ реакцій являются новыя вещества, способныя диффундировать въ окружающую среду. Такимъ образомъ, это равновѣсіе, установить которое стремится осмосъ, нарушается химическими реакціями, имѣющими мѣсто внутри протоплазмы, которыя и поддерживаютъ постоянный обмѣнъ. Непосредственное наблюденіе не позволяетъ намъ замѣтить этотъ обмѣнъ: онъ невидимъ, мы замѣчаемъ лишь результатъ, который и кажется намъ необъяснимымъ, такъ какъ мы забываемъ очень часто о томъ скрытомъ движеніи, которое безпрестанно совершается внутри тѣлъ, находящихся въ видимомъ покоѣ. Разсмотримъ болѣе внимательно это двойное теченіе, устанавливающееся между живымъ тѣломъ и жидкой средой.

Какъ бы ни были малы количества протоплазмы, они все же будутъ болѣе объемисты, чѣмъ химическія молекулы. Поэтому этотъ двойной токъ (теченіе) приводитъ въ движеніе жидкія массы болѣе значительныя, чѣмъ молекулы, другими словами, большое количество молекулъ за разъ. Мы это движеніе будемъ поэтому называть *массовымъ* движеніемъ (*molaire*). Это массовое движеніе, исчезающее быстро подъ вліяніемъ осмотическаго обмѣна въ неорганизованныхъ веществахъ, продолжается, какъ мы видѣли въ случаѣ съ протоплазмой, значительное время, благодаря непрерывной химической дѣятельности, совершающейся внутри протоплазмы. Эта химическая дѣятельность—жизнь протоплазмы, заключается въ перегруппировкѣ молекулъ. Это тоже есть движеніе, которое мы будемъ называть движеніемъ *молекулярнымъ* или химическимъ въ противоположность установленному нами движенію массовому.

На основаніи этихъ опредѣленій, явленія, которыя мы выше наблюдали, можно выразить такъ: *молекулярное движеніе*, совершающееся безпрестанно внутри живой протоплазмы поддерживаетъ *массовое движеніе* обмѣна между протоплазмой и средой; съ другой стороны это массовое движеніе обмѣна поддерживаетъ молекулярное движеніе внутри плазмы, доставляя матеріаль для реакцій химическихъ, такъ какъ, очевидно, химическія реакціи не могутъ продолжаться безконечно, если не будетъ для этихъ реакцій извнѣ доставляться матеріаль.

Такимъ образомъ мы имѣемъ двоякаго рода движенія, *взаимно* совершенно различнаго характера, при чемъ каждое изъ этихъ движеній поддерживаетъ другое. Почти всѣ трудности біологическихъ проблемъ заключаются въ существованіи этихъ двухъ родовъ движенія, неразрывно связанныхъ, и поэтому, когда я опредѣлялъ жизнь, какъ явленіе химическое, я именно и указалъ на то, что невозможно получить явленіе химическое въ чистомъ видѣ, свободное отъ явленій побочныхъ физическаго порядка.

Въ неорганизованной природѣ есть масса примѣровъ превращенія дѣятельности молекулярной въ массовую. Такъ, напр., сгораніе пороха—движеніе молекулярное, вызываетъ перемѣщеніе ядра—движеніе массовое. Горѣніе натрія на водѣ—движеніе молекулярное—обусловливаетъ перемѣщеніе массовое. Такихъ примѣровъ можно привести еще очень много. Одно изъ такихъ явленій превращенія заслуживаетъ особаго вниманія по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, потому, что оно производитъ впечатлѣніе произвольнаго движенія въ неорганизованной матеріи, движенія, которое сравнивали съ движеніями живыхъ существъ, а затѣмъ, оно позволяетъ намъ обобщить понятіе иллюзіи покоя, иллюзіи, столь опасной при изученіи жизненныхъ явленій. Это движеніе называется—движеніемъ Броуна *).

При разсматриваніи какого нибудь тѣла—напр., жидкости, невооруженнымъ глазомъ, частицы ея представляются намъ въ абсолютномъ покоѣ. Но, разсматривая при сильномъ увеличеніи подъ микроскопомъ, мы увидимъ, что частицы жидкости находятся въ непрестанномъ колебаніи. Кинетическая теорія объясняетъ намъ это явленіе въ его существенныхъ частяхъ. Представимъ себѣ частицу плотнаго тѣла, находящуюся, не осаждаясь, въ водѣ,—и допустимъ, что она по размѣру подобна молекуламъ воды. Эта частица будетъ находиться въ соприкосновеніи съ небольшимъ числомъ молекулъ воды, движущихся со скоростью сотенъ метровъ въ секунду; непрерывно получая отъ послѣднихъ толчки, она, по необходимости, должна двигаться по всѣмъ направленіямъ неправильнымъ образомъ, въ зависимости отъ случайныхъ встрѣчъ съ окружающими молекулами; скорость ея движеній будетъ подобна скорости движенія молекулъ. Здѣсь мы имѣемъ броуновское движеніе, но въ идеальныхъ условіяхъ, въ которыхъ мы его разсматриваемъ (предполагая, что по своему размѣру частица подобна молекулѣ воды); скорость и интенсивность этого движенія несравненно болѣе значи-

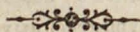
*) Броуновскія движенія, наблюдаемыя въ очень нѣжныхъ частицахъ органической матеріи, раньше ошибочно приписывались жизненной силѣ этихъ частичекъ; на самомъ же дѣлѣ эти движенія представляютъ собою явленіе химическаго порядка.

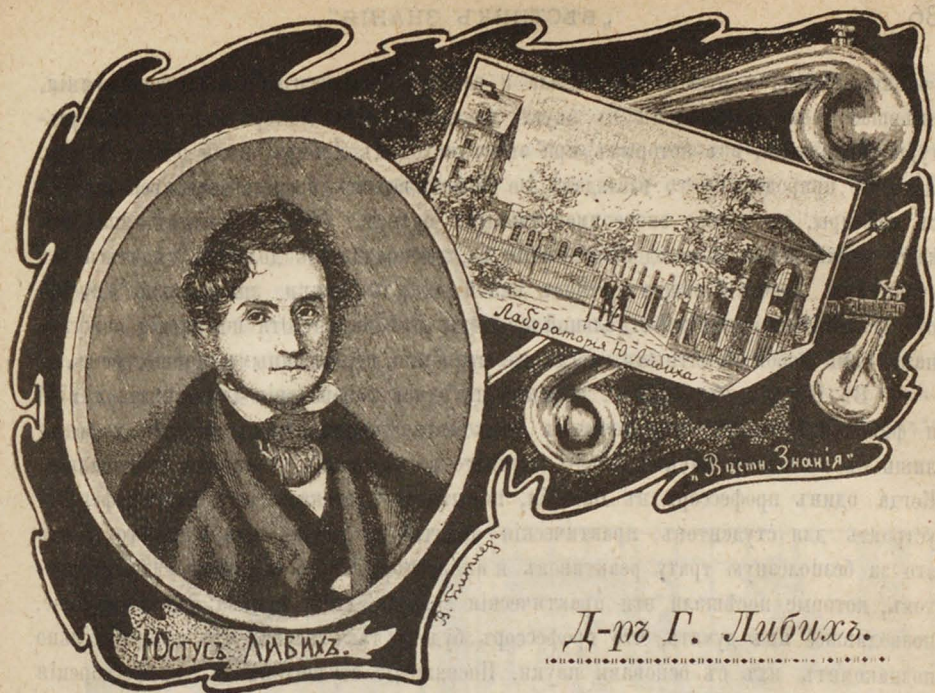
тельны, чѣмъ это бываетъ въ дѣйствительности. Если теперь частица весьма велика по сравненію съ молекулами, то она въ каждый данный моментъ будетъ соприкасаться съ значительнымъ количествомъ молекулъ; такъ какъ послѣднія дѣйствуютъ въ общемъ не въ одномъ направленіи, то ихъ толчки отчасти взаимно нейтрализуются. Сверхъ того, такъ какъ масса, которую должно привести въ движеніе, сравнительно весьма значительна, то движеніе по своему характеру окажется такимъ же, какъ и только что разсмотрѣнное, но гораздо слабѣе. Скорость, которую мы наблюдаемъ въ броуновскомъ движеніи, равняется нѣсколькимъ тысячнымъ миллиметра въ секунду.

Мы можемъ отсюда заключить, что мельчайшія частицы, доступныя нашему зрѣнію подъ микроскопомъ, все еще очень велики по сравненію съ размѣрами молекулъ.

Вотъ примѣръ того, какъ безъ участія даже какихъ-нибудь химическихъ реакцій молекулярное движеніе обуславливаетъ массовое (molaire), а именно движеніе частицы плотнаго вещества, погруженного въ жидкость въ состояніи видимаго покоя.

Въ живой протоплазмѣ массовое движеніе, являющееся результатомъ внутреннихъ молекулярныхъ реакцій и въ тоже время обуславливающее эти реакціи, есть движеніе осмотическаго объема съ окружающей средой: прохожденіе внутрь веществъ необходимыхъ для реакцій и диффузія въ жидкость растворимыхъ веществъ, получившихся послѣ реакцій. Это движеніе ускользаетъ отъ насъ при непосредственномъ наблюденіи, но слѣдствіемъ этого движенія являются два важныхъ, съ точки зрѣнія внѣшняго проявленія жизненныхъ явленій, факта: 1) благодаря этому движенію протоплазма принимаетъ опредѣленную форму и 2) это движеніе можетъ выразиться перемѣщеніемъ всей массы въ данной средѣ.

Д-ръ Г. Либихъ.

Юстусъ Либихъ.

(По поводу столѣтія со дня рожденія).

Во всякой наукѣ періоды сильнаго движенія смѣняются періодами затишья. Органическая химія, съ ея вѣтвями, въ настоящее время переживаетъ періодъ сравнительнаго затишья; имя же Либиха переноситъ насъ къ періоду наиболѣе сильнаго развитія этой науки. Въ то время какъ теперь Германія по праву считается страной, гдѣ химія поставлена высоко, во время молодости Либиха, эта наука влачила тамъ жалкое существованіе. Либихъ еще съ дѣтства чувствовалъ влеченіе къ химіи и рѣшилъ посвятить себя въ послѣдствіи этой наукѣ. Извѣстенъ слѣдующій фактъ. Одинъ изъ учителей гимназій, возмущенный разсѣянностью и невнимательностью въ классѣ 14-лѣтняго Либиха, обрушился на него съ филиппикой и въ заключеніе воскликнулъ: «Что будетъ изъ тебя, Либихъ, въ послѣдствіи?»—Изъ меня,—отвѣтилъ съ блестящими глазами Либихъ,—химикъ!

Но для изученія химіи Либихъ долженъ былъ отправиться во Францію, въ Парижъ, гдѣ химія была поставлена научно. Тамъ, онъ, благодаря помощи Гумбольдта былъ допущенъ въ лабораторію Гей-Люссака, куда доступъ вообще былъ очень затруднителенъ. Совмѣстныя работы съ Гей-Люссакомъ надъ взрывчатыми металлическими соединеніями, положившія начало цѣлой отрасли промышленности и давшія точку опоры для пониманія изоляціи тѣлъ; расположеніе къ нему Гумбольдта и довѣріе великаго герцога Людвигъ Гессенскаго доставили 21-лѣтнему студенту мѣсто экстраординарнаго профессора въ Гессенскомъ университетѣ. Для работы ему были предоставлены 4 голыя стѣны: лабораторія безъ приборовъ, но эта бѣдная лабораторія сыграла громадную роль въ исторіи культуры человѣчества. Три науки: органическая, сельскохозяйственная и физиологическая химія

родились здѣсь, и отсюда же вышла и реформа университетскаго преподаванія, имѣвшая такое же значеніе въ наукѣ, какъ и реформа Лютера въ исторіи культуры. Положенія, изъ которыхъ при этомъ исходилъ Либихъ, были очень просты. Изученіе природы, по его взглядамъ, не можетъ вестись посредствомъ преподаванія съ кафедры, но только экспериментальнымъ путемъ. Своимъ опытомъ, знаніями какъ науки, такъ и методовъ изученія ея, преподаватель долженъ дѣлиться съ учениками. Усвоеніе общихъ основъ какой нибудь науки значительно способствуетъ пониманію всякой отдѣльной проблемы этой науки. Эти положенія кажутся намъ сами собою понятными, тогда же это было неслыханнымъ новшествомъ.

Въ Пруссіи въ 1840 г. не было ни одной лабораторіи для занятія химіей и физикой; считали достаточнымъ знакомить учениковъ съ высоты кафедры лишь съ выводами науки; методы научнаго изслѣдованія учениковъ не касались. Когда одинъ профессоръ въ Баваріи, попытался—разсказываетъ Петенкоферъ—устроить для студентовъ, практическія занятія по химіи, товарищи его сочли это за бесполезную трату реактивовъ и аппаратовъ. Тѣхъ же немногихъ студентовъ, которые посѣщали эти практическія занятія, сожалѣли за ихъ легковѣріе, позволившее имъ думать, что профессоръ будетъ такъ глупъ, что дѣйствительно познакомить ихъ съ основами науки. Посвященіе студентовъ въ профессорскія занятія наукой считали профанаціей и вреднымъ для этой науки. Участниками работъ профессора были 1—2 выбранныхъ имъ самимъ ассистентовъ, нужныхъ ему въ его работѣ. Если наука страдала отъ такой постановки дѣла, то не менѣе отзывалось это на промышленности, благодаря отсутствію научнаго образованія у специалистовъ-техниковъ. Либихъ научилъ cadaго специалиста мыслить и работать научно, и этому обязана нѣмецкая промышленность своимъ первенствующимъ положеніемъ. Методъ преподаванія, введенный Либихомъ, распространился и на преподаваніе другихъ естественныхъ наукъ; тотъ же принципъ мы видимъ въ такъ называемыхъ „семинаріяхъ“ на юридическихъ и филологическихъ факультетахъ. Кольбъ такъ охарактеризовалъ профессорскую дѣятельность Либиха: «Либихъ не былъ преподавателемъ въ обычномъ смыслѣ этого слова. Въ высшей степени богатый мыслями, онъ дѣлился ими со своими учениками, побуждалъ ихъ провѣрять его мысли на опытѣ и такимъ образомъ, мало помалу, пробуждалъ ихъ самостоятельную мысль, указывая и методы, съ помощью которыхъ надо опытнымъ путемъ разрѣшать вопросы химіи.»

Хотя отдѣльныя работы Либиха по неорганической и аналитической химіи очень важны, но главное значеніе Либиха основано на его работахъ по органической химіи. Въ то время, какъ неорганическая химія, къ началу научной дѣятельности Либиха, была достаточно хорошо разработана, химія углеродистыхъ соединений—органическая химія—представляла еще совершенно дѣвственное поле. Были работы по отдѣльнымъ вопросамъ органической химіи, но объ органической химіи, какъ о наукѣ, не было еще и рѣчи.

Въ настоящее время трудно найти отдѣлъ органической химіи, гдѣ бы нельзя было встрѣтить какую-нибудь работу Либиха. Упомянемъ хотя бы о работахъ его надъ строеніемъ органическихъ кислотъ и надъ радикаломъ бензойныхъ кислотъ. Первые пролили свѣтъ на природу кислотъ, показали впервые существо-

ваніе многоосновныхъ органическихъ кислотъ и много способствовали точному опредѣленію понятій: атомъ, молекула и эквивалентность. Вторая же своей теоріей радикаловъ внесла порядокъ въ хаосъ органическихъ соединений, давъ изслѣдователю въ руки нить, съ помощью которой онъ могъ выбраться изъ лабиринта этихъ соединений.

Съ 1840 г. Либихъ все болѣе и болѣе сталъ уходить отъ занятій чистой химіей. Его влекло въ другую область.

Вѣками поля унаваживались, обрабатывались, заѣзжались, жатвы собирались, при чемъ вѣками сыновья рабски подражали во всѣхъ этихъ операціяхъ отцамъ. Цвѣтущія поля истощались и погибли, въ другихъ странахъ открывались дѣвственные и, казалось, неисчислимыя поля, а способ обработки ихъ оставался все тотъ же.

Лабораторія Либиха въ Гессенѣ въ 1840 г.

(Снимокъ лѣвой половины акварели В. Траутшольда).

Но вотъ выступилъ человѣкъ, никогда не державшій въ рукахъ плуга и не посѣявшій ни одного зерна, и задалъ себѣ вопросъ: чѣмъ питается растеніе? и отвѣтомъ своимъ далъ совершенно новыя основанія для сельскаго хозяйства. Этотъ человѣкъ былъ Либихъ. Изъ 50-ти положеній, высказанныхъ имъ и легшихъ въ основаніе реформы земледѣлія, упомянемъ только три, сопоставивъ ихъ съ прежними воззрѣніями. До Либиха сельское хозяйство велось, основываясь на слѣдующихъ взглядахъ.

1) Растеніе строитъ свое тѣло изъ органическихъ веществъ, получая азотъ и углеродъ изъ перегноя и питаясь, такимъ образомъ, перегноемъ, какъ люди хлѣбомъ и мясомъ. 2) Минеральныя вещества въ растеніяхъ не играютъ въ питаніи никакой роли, являясь случайными, скорѣе вредными составными частями, и 3) Плодородіе почвы зависитъ поэтому отъ богатства ея органическими веще-

ствами, доставляющими растенію необходимый ему углеродъ. Либихъ же сталъ учить что: 1) растеніе получаетъ свои составныя части исключительно изъ неорганической природы: углеродъ изъ углекислоты, поглощаемой зелеными частями растеній, азотъ же имъ доставляетъ амміакъ и другія азотсодержащія минеральныя вещества, 2) минеральныя вещества въ растеніяхъ представляютъ необходимыя и существенныя составныя части растенія и играютъ въ питаніи растеній очень важную роль и 3) плодородіе почвы зависитъ исключительно отъ содержанія въ ней неорганическихъ веществъ; перегной и навозъ имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они своимъ разложениемъ образуютъ неорганическія питательныя вещества. Выводъ изъ этихъ трехъ положеній былъ слѣдующій: сельское хозяйство, которое велось въ теченіе тысячелѣтій, есть хищническое хозяйство: у почвы отнимается каждый разъ больше неорганическихъ веществъ, чѣмъ ей доставляется въ видѣ навоза. Благодаря этому земля истощается, и такія нѣкогда плодородныя страны, какъ Сицилія и Малая Азія, превратились въ пустыню. Прибавленіе минеральныхъ удобреній можетъ предотвратить истощеніе почвы. Громадное значеніе этого ученія Либиха для человѣчества ясно. Оно сдѣлало человѣка изъ раба земли его господиномъ, сдѣлало возможнымъ вѣчное плодородіе почвы, насколько оно не зависитъ отъ климатическихъ условій.

Вопросъ о питаніи растеній повлекъ за собой и вопросъ о питаніи животныхъ. О состояніи фізіологической науки того времени можно судить по нѣкоторымъ воззрѣніямъ Вильбранда, бывшаго въ одно время съ Либихомъ профессоромъ зоологіи, ботаники, анатоміи и фізіологіи. Этотъ ученый смотрѣлъ на химическіе процессы въ человѣческомъ организмѣ, какъ на инородныя, вредныя для организма явленія. Дыханіе является слѣдствіемъ функцій солнца, дѣйствующаго черезъ посредство воздуха и воды. Кислороду не придавалось большого значенія для дыханія, а главнымъ дѣйствующимъ началомъ, по его взглядамъ, является содержаніе въ воздухѣ свѣта. Реформы Либиха и въ этой области могутъ быть выражены въ нѣсколькихъ положеніяхъ: 1) Единственною причиною жизнедѣятельности какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствѣ являются химическіе процессы—*обмѣнъ веществъ*. 2) Животное получаетъ матеріалъ для постройки своего организма готовымъ отъ растеній. 3) Животному необходимы для этого троякаго рода вещества: а) вещества, необходимыя непосредственно для постройки тѣла и для возмѣщенія убыли—это такъ называемыя пластическія вещества—бѣлокъ и др.; этотъ бѣлокъ получается изъ бѣлка растеній; б) вещества необходимыя для развитія тепла—жиры и углеводороды, получающіеся изъ жировъ и углеводородовъ растеній, и в) соли, служащія частью вспомогательными веществами при химическихъ процессахъ, частью идущія непосредственно на постройку тѣла.

Эти положенія Либиха пролили свѣтъ на вопросъ еще болѣе старый, чѣмъ вопросъ о земледѣліи. Вопросъ о рациональномъ питаніи сдѣлался теперь доступнымъ для научнаго рѣшенія. Медицинѣ открылась новая область діететики, людямъ дана возможность сдѣлать свое потомство сильнымъ и здоровымъ.

Выводы Либиха по этому вопросу менѣе распространялись въ публикѣ, чѣмъ они того заслуживали, хотя благотворные результаты питанія арміи по указаніямъ Либиха у всѣхъ на глазахъ.

Множество отдѣльныхъ работъ Либиха по неорганической, органической и физиологической химіи даже не поддаются подсчету, но даже если бы удалось ихъ подсчитать, то и это не дало бы намъ точнаго представленія о заслугахъ Либиха, такъ какъ масса работъ, подписанныхъ однимъ только именемъ его учениковъ, возникли и велись при непосредственномъ участіи Либиха. Цѣнность этихъ работъ лежитъ не въ тѣхъ или другихъ единичныхъ выводахъ, а въ совершенно другомъ обстоятельствѣ. Либихъ показалъ ими, какимъ образомъ надо подходить къ явленіямъ органической природы, какъ ставить вопросы и какимъ методомъ пользоваться для полученія отвѣта на поставленные вопросы. Онъ такимъ образомъ проложилъ и расчистилъ путь, по которому теперь увѣренно идутъ впередъ многочисленные изслѣдователи.

Либихъ не ограничился преподавательскою дѣятельностью въ ограниченной сравнительно массѣ студентовъ, онъ сдѣлалъ первый шагъ къ приобщенію и народа къ знанію. Помимо его лекцій для народа интересны въ этомъ отношеніи написанныя имъ въ 1844 г. „Письма о химіи,“ которыми онъ показалъ, что химію можно популяризовать, оставаясь въ то же время строго научнымъ. Основныя идеи, которыми Либихъ обогатилъ философское пониманіе природы, представляются въ слѣдующемъ видѣ. До Либиха считали, что органическая природа управляется другими законами, чѣмъ неорганическая, и что методы изслѣдованія, которыми пользуются при изученіи послѣдней, не примѣнимы для первой.

Представленіе о «жизненной силѣ» окружило органическую природу какъ бы стѣной, на которую взирали съ благоговѣйнымъ трепетомъ. Работы Либиха по органической химіи разрушили эту стѣну, а его физиологическія изслѣдованія сдѣлали доступнымъ изслѣдованію и всѣ явленія въ живыхъ тѣлахъ. Этимъ было достигнуто имѣющее громадное значеніе признаніе того, что *въ органической природѣ, какъ въ неорганической дѣйствуютъ одни и тѣ же законы.*

Второй важною заслугою Либиха было признаніе круговорота веществъ въ природѣ. Растенія, поглощая углекислоту, амміакъ, воду и другія простыя соединенія, строятъ органическія составныя части своего тѣла при помощи солнечной энергіи, воспринимаемой зелеными частями растений. Животное поѣдаетъ растенія, превращаетъ его составныя части въ кровь, мясо и, послѣ ряда превращеній, выдѣляетъ ихъ опять въ видѣ углекислоты, аміака воды и т. п. которыя опять воспринимаются растеніями.

Но внутри этого большого круга имѣетъ мѣсто малый круговоротъ кислорода. Выдыхаемая животными углекислота, получившаяся благодаря окисленію тканей, поглощается растеніями и идетъ на образованіе углеродистыхъ соединеній, при чемъ выдѣляется кислородъ, который снова поглощается животными и идетъ снова на разложеніе углеродистыхъ соединеній и образованіе углекислоты, выдыхаемой животными.

Какъ въ животномъ, такъ и въ растительномъ царствѣ единственной причинной жизнедѣятельности являются химическіе процессы, источникъ же энергіи необходимой для этого—солнце. Такимъ образомъ Либиху же мы обязаны установленіемъ впервые закона сохраненія силы и матеріи въ органическомъ мірѣ.

Жизнь Либиха отличается отъ жизни другихъ гениальныхъ людей Германіи во-первыхъ, тѣмъ, что онъ пользовался поддержкой двухъ коронованныхъ особъ, давшихъ ему возможность съ юности предаться любимымъ занятіямъ, а во-вторыхъ, тѣмъ, что онъ дожилъ, что рѣдко случается, до побѣды своихъ возрѣній. Въ остальномъ же ему пришлось бороться съ тѣми же препятствіями, что и другимъ. Родился Либихъ въ 1803 г. въ Дармштадтѣ, гдѣ отецъ его торговалъ красками и москательными товарами. Помогая въ дѣтствѣ отцу при приготовленіи имъ красокъ и химическихъ продуктовъ, Юстусъ Либихъ получилъ влеченіе къ занятію экспериментальной химіей. Въ школѣ онъ учился плохо, вмѣсто уроковъ занимаясь чтеніемъ книгъ изъ дармштадской бібліотеки. Въ 15 лѣтъ онъ оставилъ гимназію, не вынеся оттуда ничего и, побуждаемый желаніемъ заниматься химіей, поступилъ въ ученіе въ аптеку. Но работа въ аптекѣ не удовлетворила его и спустя 10 мѣсяцевъ онъ возвратился къ отцу. Черезъ нѣкоторое время, благодаря денежной поддержкѣ великаго герцога Людвигъ Гессенскаго, онъ получилъ возможность посѣщать университетъ, сначала въ Боннѣ и Эрлангенѣ, а затѣмъ и въ Парижѣ.

Либихъ впоследствии очень жалѣлъ о томъ, что не прошелъ систематическаго курса средней школы. Этотъ пробѣлъ вѣроятно является причиной нѣкоторой неясности, а иногда и скачковъ въ изложеніи мыслей въ работахъ Либиха. Онъ горько сожалѣлъ о потерянныхъ двухъ годахъ студенческой жизни въ Эрлангенѣ, гдѣ онъ слушалъ лекціи по философіи Шеллинга. „Я самъ провелъ два года въ университетѣ, гдѣ величайшій философъ и мыслитель вѣка увлекалъ своими лекціями слушателей. И я былъ увлеченъ ими и пережилъ этотъ періодъ, толь богатый словами и идеями, но столь бѣдный дѣйствительными знаніями. Я считаю эти два года совершенно вычеркнутыми изъ жизни!“ пишетъ Либихъ. Въ высшей степени странно звучитъ такое заявленіе въ устахъ человѣка, вся научная дѣятельность котораго часто носитъ совершенно спекулятивный характеръ! Нѣкоторыя его, чисто спекулятивные, возрѣнія лишь позднѣе нашли экспериментальное подтвержденіе. Онъ даже ушелъ отъ занятія чистой химіей главнымъ образомъ потому, что считалъ, что химики часто экспериментируютъ безъ руководящей идеи, попросту „показываютъ фокусы“, какъ онъ говорилъ. Поэтому въ высшей степени непоследовательнымъ является Либихъ, когда ставитъ высоко, какъ ученаго, такого чистаго экспериментатора, какимъ былъ Велеръ.

Въ 1822 г. въ Эрлангенѣ Либихъ получилъ докторскую степень, а въ 1824 г. сдѣлался экстраординарнымъ, а затѣмъ ординарнымъ профессоромъ въ Гессенѣ. Здѣсь онъ встрѣтилъ враждебную ему профессорскую коллегію, смотрѣвшую на него, какъ на выскочку. Эта враждебность послужила причиной того, что Либихъ за 27 лѣтъ пребыванія въ Гессенѣ ни разу не былъ избранъ въ ректоры. Профессорскаго жалованья ему не хватало на жизнь и содержаніе лабораторіи, на что онъ неоднократно жалуется въ своихъ письмахъ. Благодаря ходатайству Петенкофера, его ученика, онъ былъ въ 1853 году переведенъ профессоромъ химіи въ Мюнхенъ. Но и здѣсь патріотическая партія отнеслась къ нему враждебно, стараясь выжить его, какъ не баварскаго ученаго, и только заступничество короля обезпечило ему его положеніе.

Справедливость изреченія о пророкахъ въ своемъ отечествѣ оправдалась и на Либихѣ.

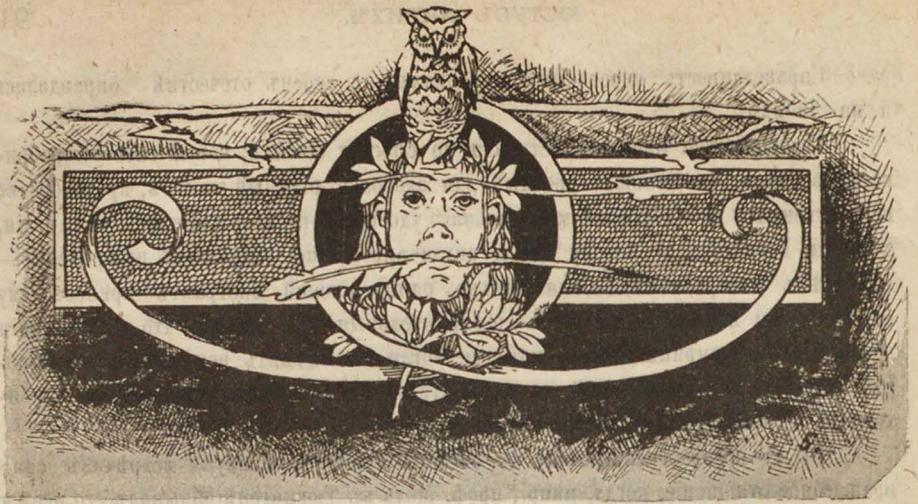
Производство мясного экстракта по способу Либиха; новый способъ фабрикаціи зеркалъ, замѣнившій вредный для здоровья ртутный способъ; производство искусственного либиховскаго минеральнаго удобрения распространились въ Англіи, а не въ Германіи, не потому чтобы англичане лучше оцѣнивали изобрѣтенія—изъ всѣхъ изобрѣтеній Либиха только одинъ мясной экстрактъ принесъ ему матеріальныя выгоды и то очень незначительныя—но потому, что въ Германіи не нашлось предпринимателей, которые могли бы оцѣнить всю пользу его изобрѣтеній. Еще и теперь нигдѣ не фабрикуется въ большихъ количествахъ либиховскій дѣтскій супъ и искусственное молоко.

Въ то время какъ Либихъ со стороны германской науки встрѣчалъ самое враждебное отношеніе, когда, напр., проф. Моль въ Тюрингенѣ обзывалъ его невѣждой, въ Англіи устраивались въ его честь банкеты, все его путешествіе походило на триумфальную поѣздку. Глазговъ и Единбургъ выбрали его своимъ почетнымъ гражданиномъ. Когда во время засѣданія парламента узнали о присутствіи на засѣданіи Либиха, премьеръ министръ Пиль поднялся со своего мѣста и представилъ его парламенту, приветствовавшему его: честь, которой до того никто не удостоивался.

Позднѣе и Германія признала его заслуги, хотя все же оказалось возможнымъ появленіе въ 1864 г. брошюры проф. Шульца-Шульценштейна въ Берлинѣ, направленной противъ либиховской сельско-хозяйственной химіи. Въ этой брошюрѣ авторъ, высказавъ сожалѣніе, что эта „мюнхенская гипотеза“ о минеральномъ удобреніи нашла одобреніе въ Кенигсбергѣ и даже Берлинѣ, этомъ центрѣ науки пытается доказать, что растенія получаютъ углеродъ изъ перегноя, и называетъ всю его теорію односторонней и грубымъ заблужденіемъ, обусловленнымъ бѣдностью его познаній въ физиологіи растеній.

Даже и послѣ смерти онъ не нашелъ должной оцѣнки своей дѣятельности. Хотя, съ одной стороны, среди рѣчей произнесенныхъ въ годовину смерти можно отмѣтить слѣдующія слова Шреттера въ Вѣнѣ: „Мы обязаны Либиху половиной своей культуры и можно сказать лучшей половиной!“ съ другой стороны, еще въ 1900 году химикъ Ватъ-Гоффъ, на конгрессѣ естествоиспытателей въ Ахенѣ, дѣлая обзоръ успѣховъ химіи за истекшій вѣкъ, даже не упомянулъ имени Либиха.

Н. Окнерузамъ.

Золотой телецъ и культуртрегеры.

(Соціально-психологическій этюдъ).

Деньги, золото, богатство... Много ли найдется людей, для которых это не всемогущая сила, которая все ломитъ, предъ которой все преклоняется?..

Предъ этимъ божествомъ и въ пыли, и въ грязи, и по роскошнѣйшему паркету, и въ лачугѣ, и во дворцѣ рабски преклоняются, ползаютъ; у ногъ этого божества то поютъ и пляшутъ, то рыдаютъ и корчатся. Ради него унижаются, продаютъ другъ друга, забываютъ дружбу, любовь, отца, мать и дѣтей...

Конечно, бывають рѣдкія исключенія, встрѣчаются избранныя натуры, для которыхъ богатство никогда не станетъ божествомъ, которыя ни за какія деньги не измѣнятъ своимъ убѣжденіямъ, не измѣнятъ дружбѣ и любви. Но такія натуры въ общей массѣ—капля въ морѣ. Тѣмъ не менѣе, большее или меньшее количество ихъ, разбѣянное въ извѣстной средѣ, обществѣ, способно наложить на послѣднее тотъ симпатичный отлечатокъ благородства, гуманности и, вообще, всего того, чѣмъ гордится современная культура и что противорѣчитъ общему матеріалистическому теченію нашей цивилизаціи.

Въ какой же изъ европейскихъ національностей болѣе всего получили преобладаніе интересы кошелька, гдѣ болѣе всего замѣтно преклоненіе предъ богатствомъ? Среди ли англичанъ, начавшихъ войну съ бурами изъ-за алмазныхъ и золотыхъ копей; у кропотливыхъ ли нѣмцевъ, упорно идущихъ къ намѣчен-нымъ ими широкимъ цѣлямъ всемірнаго торговаго господства; у „жадныхъ“ ли къ золоту испанцевъ, когда-то обогатившихъ себя цѣною крови ацтековъ и инковъ, а теперь совершенно оскудѣвшихъ; должны ли мы искать этого преобладанія матеріальныхъ интересовъ среди въ конецъ обобранныхъ своими воротилами и за-

правилами полугодныхъ итальянцевъ, у русскихъ ли, грековъ, армянъ, шведовъ и другихъ націй, не играющихъ значительной роли въ европейской сутолоцѣ?

Пожалуй, найдутся такіе, которые скажутъ, что золотой телецъ служить преимущественно божествомъ для еврея, всегда гонимаго и презираемаго.

Но нѣтъ, не еврей выступаетъ въ этомъ отношеніи впереди всѣхъ; онъ стоитъ на заднемъ планѣ; ему принадлежитъ даже не второе мѣсто, такъ какъ не надо забывать объ англичанахъ, голландцахъ, бельгійцахъ. Во всякомъ случаѣ, не ему, въ поклоненіи золотому тельцу, слѣдуетъ отдать пальму первенства.

Я смѣло утверждаю, что самыми яркими поклонниками золотого тельца сдѣлались въ настоящее время друзья наши—французы.

И эта общечеловѣческая страсть къ золоту, какъ средству улучшенія нашего матеріальнаго положенія, стала особенно замѣтно усиливаться со времени великой французской революціи, корни которой, какъ извѣстно, покоились на экономической почвѣ.

Значеніе литературной дѣятельности Руссо, Вольтера и энциклопедистовъ, съ точки зрѣнія вліянія на массу, на толпу, безъ которой немислимо что-либо сдѣлать, не подлежитъ сомнѣнію, но только потому, что она была подготовлена, подогрѣта и доведена до бѣлаго каленія безправіемъ, произволомъ, постояннымъ недоѣданіемъ и частой голодовкой; ей надобно издали смотрѣть, какъ объѣдаются и упиваются дворяне и духовенство, и прислуживать имъ съ голоднымъ желудкомъ. Понятно, они въ восторгѣ были отогнать прежнихъ властителей отъ стола пиршествъ и усесться самимъ на ихъ мѣсто.

Но это былъ одинъ лишь самообманъ. Революція ничего не дала народу, она только выдвинула впередъ буржуазію, этотъ классъ, который болѣе всего преклоняется передъ богатствомъ, составляющимъ единственную его силу. Растворяющее вліяніе буржуазіи, замѣтное во Франціи болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, объясняетъ, надо полагать, и то уже отмѣченное нами поклоненіе золотому тельцу, которое такъ рѣзко бросается въ глаза наблюдателю общественно-политической жизни Франціи.

Эта страсть къ обогащенію красною нитью проходитъ черезъ всю историческую дѣятельность французовъ и замѣчается уже со времени наполеоновскихъ войнъ.

Послѣ первыхъ дней опьяненія, вызваннаго революціей, республиканское правительство, опасаясь приучить народъ къ вѣчной кровавой расправѣ и желая поддержать свой престижъ, затѣяло войну съ Италіей. Въ это время выступаетъ на сцену гениальный генераль Бонапартъ, блестящимъ, шумнымъ метеоромъ пронесшійся по всей Европѣ до самой Москвы и только оттуда начавшій быстро, стремительно опускаться, исчезнувъ и потухнувъ на островѣ Св. Елены.

Не держался бы онъ такъ прочно, не шелъ бы такъ быстро, не возбуждалъ бы всеобщаго энтузіазма въ простомъ народѣ, преимущественно въ солдатахъ, сельскомъ жителѣ и ремесленникѣ, если бы не обладалъ изумительнымъ искусствомъ давать обогащаться народу. Разореніе страны, или, справедливѣе сказать, прекращеніе притока богатствъ началось съ похода въ Россію, а до того обогащеніе шло все *crescendo* и замѣчательно быстро.

Подрядчики, поставщики, торговцы, спекулянты всякого рода слѣдовали толпою за побѣдоносною арміею Наполеона и всегда пользовались громадною поживою. Золото лилось рѣкою. На грабежи Наполеонъ смотрѣлъ сквозь пальцы; дѣлалъ видъ, будто не знаетъ и не замѣчаетъ; не поощрялъ и не запрещалъ; но солдатъ, руководясь присущимъ ему инстинктомъ, тащилъ все, что только возможно. «*A la guerre, comme á la guerre*», кажется фраза эта въ первый разъ была сказана самимъ Наполеономъ.

Контрибуціи улачивались не такъ, какъ теперь, послѣ окончанія войны и послѣ продолжительныхъ дипломатическихъ переговоровъ. Тогда все дѣлалось просто, кратко и выразительно. Овладевъ городомъ, или селомъ, солдаты забирали все, что попадалось имъ на глаза; по окончаніи этой операціи солдаты отдыхали и требовали угощенія отъ обывателей, конечно, съ обильнымъ возліаніемъ, а начальникъ отряда призывалъ къ себѣ муниципалитетъ и самъ опредѣлялъ сумму денежной контрибуціи, назначая срокъ не болѣе 24 часовъ на ея представленіе, грозя въ противномъ случаѣ полнымъ разореніемъ. Конечно, послѣ весьма непродолжительнаго торга, контрибуція вносилась немедленно. Это нисколько не возстановляло побѣжденныхъ, и большей частью они разставались друзьями съ побѣдителями, чувствуя ихъ и торжественно провожая при уходѣ.

Французскіе воины, отъ солдата до маршала, посылали награбленное золото, или при случаѣ отвозили его домой въ родные города и села, обогащая такимъ образомъ населеніе.

А аммуниція, оружіе, орудіе, снаряды, фуражъ?—какую работу и какую прибыль доставляли они фабрикамъ, ремесленникамъ и поселянамъ.... Понятно, народъ ликовалъ, радъ былъ войнѣ и восторгался Наполеономъ, пока золото лилось рѣкою и торжествовались побѣды.

Сажая своихъ генераловъ на престолы нѣмецкихъ герцоговъ и князей, Наполеонъ понятно не тратилъ золото, а загребалъ его кучами изъ древнихъ кладовыхъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ принцевъ и одѣлялъ свою армію. Все, что было лучшаго и цѣннаго въ комнатахъ дворцовъ и кладовыхъ, съ любезной улыбкой и вѣжливыми извиненіями отбиралось у владѣльцевъ и отсылалось во Францію.

Но не одно только золото и произведенія искусствъ отбирались въ покоренныхъ государствахъ. Наполеоновскіе генералы въ родѣ Мюрата, а также братья и родственники Наполеона, занимая престолы, наводняли страну привезенными съ собою чиновниками, артистами, ремесленниками, подрядчиками, которые, высасывая всѣми способами въ чужой странѣ деньги, отсылали ихъ на родину, во Францію. Ради золота не было пощады, всѣ средства были хороши, лишь бы больше золота и золота....

Ставъ императоромъ, Наполеонъ любилъ окружать себя роскошью; онъ меценатствовалъ, задумалъ даже привлекать къ себѣ старую аристократію, выдавая ихъ дочерей замужъ за своихъ генераловъ и маршаловъ. На все это, конечно, требовалась масса золота, и его ловко и много черпали отовсюду.

А походъ Наполеона въ Египетъ? Этотъ явный замыселъ пробраться оттуда въ Индію и отнять ее у англичанъ. Развѣ онъ не возбудилъ громаднаго

энтузіазма во Франціі? Въ восторгъ пришли города и села, потому что пахло золотомъ, обѣщалось золото, груды золота изъ баснословно богатой Индіи.

Но всѣмъ этимъ золотымъ грѣзамъ не пришлось осуществиться, и индійское золото не полилось въ французскіе сундуки и карманы, къ великому прискорбію жадно ожидавшихъ его поклонниковъ золотого тельца.

Не умри императоръ Павелъ, двинься въ Индію посланный имъ съ 22,000 казаковъ Орловъ, покореніе Индіи оказалось бы дѣломъ весьма возможнымъ. У Наполеона почти все было готово, все обдуманно и разсчитано. Въ этомъ отношеніи убѣждаетъ его знаменитое письмо къ Типо-Сайбу. Наконецъ, о подготовкѣ свидѣлствуетъ еще то, что на островѣ Иль-де-Франсъ (нынѣ переименованномъ англичанами въ островъ Св. Маврікія) находился сильный французскій гарнизонъ подъ командою генерала, одного изъ наполеоновскихъ любимцевъ, который за мѣсяць до смерти императора Павла занялъ Пондишери, и англичане не умѣли его оттуда вытѣснить.³³ Не получая дальнѣйшихъ распоряженій, генералъ самъ возвратился изъ Пондишери обратно на островъ Иль-де-Франсъ.

Такимъ образомъ знаменитый походъ въ Египеть, обѣщавшій такъ много золота, окончился только перевозомъ во Францію Луксорскаго обелиска, нѣсколькихъ арабскихъ лошадей и Мамелюка Рустана.

Походъ къ Россіи положилъ конецъ притоку золота во Францію. Еще въ царствѣ Польскомъ кое какъ дѣло держалось, такъ какъ Наполеонъ выпустилъ громадное количество фальшивыхъ русскихъ ассигнацій и отчеканилъ массу фальшивой монеты, да и кромѣ того получилъ значительныя суммы въ Царствѣ Польскомъ; кое-что перепало также и изъ Австріи и Пруссіи. Съ движеніемъ чрезъ Смоленскую губернію золото начало изсякать; во Францію ничего не посылали, а пришлось уже тянуть золото изъ Франціи.

Наконецъ, бѣдственное отступленіе послѣ московскихъ пожаровъ и дальнѣйшія неудачи оканчательно уничтожили престижъ Наполеона. Народъ къ нему совсѣмъ охладѣлъ съ той минуты, когда золото перестало попадать въ руки народа, а напротивъ, его стали отнимать у народа.

Словомъ и геніальный Наполеонъ былъ кумиромъ для французскаго народа только до тѣхъ поръ, пока этотъ кумиръ, гремя пушками и бряцаая оружіемъ, лилъ на народъ золотой дождь. Недаромъ самъ Наполеонъ говорилъ: «Люди—свиньи,—я бросаю имъ золото и веду, куда хочу»... Пересталъ кумиръ сыпать золото, отвернулись отъ него, развѣнчали, разлюбили его французы и даже дерзко оскорбляли на пути его на островъ Эльбу.

Кумиръ былъ кумиромъ, пока сыпалъ золото: нѣтъ золота, не стало для французовъ кумира и остался только *le petit caporal*, на котораго даже сыпались дерзкія насмѣшки. Словомъ, старая сказка о томъ, какъ ослы любятъ лягать умирающаго льва.

Было бы неблагодарной задачей пытаться прослѣдить по всей новѣйшей французской исторіи проявленіе этой страсти къ наживѣ. Не всегда, конечно, возможно доказать вліяніе даннаго фактора съ достаточною убѣдительностью, такъ какъ современныя соціально-политическія отношенія отличаются большою слож-

ностью. Тѣмъ не менѣе, всякій, кто возьметъ на себя трудъ проанализировать эти отношенія, найти основную побудительную причину и цѣль большей части предпріятій не въ одной, конечно, Франціи, а вообще во всѣхъ государствахъ съ буржуазнымъ строемъ,—неизбѣжно прійдетъ къ заключенію, что вездѣ и всюду *выгода* стоитъ, если и не всегда на первомъ планѣ — такъ какъ часто приходится соблюдать извѣстный декорумъ, въ особенности, въ вопросахъ колоніальной политики, „цивилизаціи“ и т. п.,—то, по крайней мѣрѣ, является истинною цѣлью всѣхъ „благородныхъ“ стремленій....

Нижеприводимые факты, пожалуй, на первый взглядъ покажутся не относящимися къ дѣлу, не служащими доказательствомъ страсти къ наживѣ, къ золоту, но при внимательномъ обсужденіи читатель легко убѣдится въ противномъ.

Я имѣю въ виду прежде всего звѣрское, ужасное обращеніе французовъ съ кореннымъ населеніемъ французскихъ колоній въ Суданѣ и на Мадагаскарѣ.

Свѣдѣнія эти, точность которыхъ никто ни осмѣлился опровергать во французской палатѣ, заимствованы изъ рѣчи депутата Д-ра Поля Винье, извѣстнаго въ литературѣ подъ именемъ Винье д' Октона. Этотъ честный, правдивый человекъ основательно и во всѣхъ подробностяхъ изучилъ способы дѣйствій и пріемъ французской колоніальной администраціи. Десять лѣтъ онъ былъ врачомъ въ колоніяхъ, слѣдовательно хорошо зналъ, что тамъ дѣлается, но, и возвратясь оттуда во Францію, онъ постоянно переписывался съ прежними друзьями и знакомыми и вполнѣ былъ au courant всего того, что творится въ колоніяхъ; воспоминанія эти очевидно преслѣдовали его тяжелымъ кошмаромъ.

Г. Винье былъ настолько энергиченъ и терпѣливъ, что не ограничился ссылкой на все, что слышалъ и видѣлъ самъ и узналъ отъ друзей. Онъ собралъ массу документовъ и свидѣтельскихъ показаній, засвидѣтельствованныхъ подписями лицъ обязавшихся подтвердить присягою все имъ извѣстное.

Всѣ эти свѣдѣнія были опубликованы въ октябрѣ 1900 г. въ книгѣ Винье „Gloire du Sabre“.

Не будемъ говорить о злодѣйствахъ Вулэ и Шануана, служившихъ орудіями и жертвами колоніальнаго правительства, такъ какъ факты эти давно извѣстны.

Оказывается, что въ Суданѣ всѣ офицеры, нижніе чины и всякія должностныя лица отъ правительства постоянно и открыто ведутъ торговлю рабами и рабынями. Изъ одного военного поста къ другому, а также къ торговымъ центрамъ переносятся товары, снаряды, аммуниція, провіантъ на спинахъ рабовъ; никакихъ животныхъ для этой цѣли никогда не употребляютъ. Цѣна этому выючному скоту весьма дешевая: за лошадь нужно дать отъ 4—5 рабовъ. Но болѣе распространена мѣновая торговля. За порохъ, ружья и тому подобное платятъ всегда невольниками; деньги—это размынная монета; онѣ употребляются только для мелочныхъ покупокъ; крупная монета, банковые билеты—это человеческое тѣло!..

При выступленіи въ походъ офицеры поднимаютъ духъ своихъ солдатъ обѣщаніемъ раздать имъ при успѣхѣ много рабовъ, въ особенности женщинъ.

Послѣ всякой побѣдоносной стычки происходитъ безошадный грабежъ. Такъ, послѣ взятія Сикассо, о чемъ кричали и чѣмъ восторгались въ Парижѣ, какъ

необычайно блестящимъ военнымъ дѣйствіемъ французскихъ войскъ, въ Суданѣ произошла слѣдующая сцена:

Плѣнниковъ, въ числѣ 4.000 человекъ, собираютъ въ одно мѣсто и самъ полковникъ-тріумфаторъ начинаетъ ихъ дѣлить между солдатами. Сперва онъ аккуратно записываетъ въ своей записной книжкѣ, кому и сколько дается. Но вскорѣ онъ устаетъ, очевидно, ему надоѣдаетъ, а, пожалуй, смутно проснулось въ немъ чувство стыда и гадливости; полковникъ отходитъ прочь со словами: «Подѣлитесь сами». Снова начинается раздѣлъ, но съ большими спорами и крупной дракой. Затѣмъ двигаются побѣдители въ обратный путь.

Переходы дѣлаются въ 40 километровъ, т. е. въ 35 верстъ; дѣти и всѣ тѣ, кто присѣдаетъ отъ усталости, тутъ же и убиваются прикладами и штыками; трупы бросаются на краю дороги. Одна беременная женщина присѣла. Ее стали толкать прикладами. Собравъ послѣднія силы, женщина встала, пошла и родила на ходу... отрѣзала на ходу пуповину и пошла дальше, оставивъ на дорогѣ ребенка и не смѣя даже повернуться, чтобы взглянуть на него...

Французское правительство подъ давленіемъ прессы нѣсколько лѣтъ тому назадъ обѣщало уничтожить торговлю невольниками во французскомъ Суданѣ. Министръ колоній посылаетъ приказъ высшему начальнику французскаго Судана съ строгимъ требованіемъ исполненіи законовъ республики и уничтоженія рабства во французскихъ владѣніяхъ.

Съ своей стороны высшій начальникъ посылаетъ всѣмъ своимъ подчиненнымъ офицерамъ, командующимъ постами и администраторамъ, циркуляръ, въ которомъ торжественно и фразисто объявляется, что отнынѣ нѣтъ болѣе рабовъ на территоріи французскаго Судана, а есть: *«несвободные люди»*!!!

Шутники, право, гг. французы; все это точно изъ какой-либо оперетки.

И съ тѣхъ поръ лейтенанты и капитаны постовъ, приобретаая рабовъ и отправляя на нихъ грузы, въ препроводительныхъ документахъ (тѣ же фактуры, накладныя на товаръ) самодовольно и съ полнымъ достоинствомъ прописываютъ: *«несвободные люди»*!..

Дѣйствительно, по распоряженію высшей администраціи во французскомъ Суданѣ созданы такъ называемыя «свободныя селенія» но... *туда отправляются только тѣ рабы и рабыни, которыхъ офицеры и солдаты не пожелаютъ держать у себя.*

Теперь перейдемъ къ тому, какъ французскіе офицеры поддерживаютъ порядокъ и дисциплину и наказываютъ ослушниковъ. Артиллерійскій капитанъ В., командовавшій постомъ въ Сигари, забитыхъ имъ палками и веревками всегда приказывалъ выбрасывать на сѣденіе гіенамъ, и трупы эти лежали въ нѣсколькихъ сотняхъ метровъ отъ поста, въ ожиданіи, пока ихъ скушаютъ гіены. Такія наказанія производились за всякую пустую кражу чего либо сѣстного, за всякую оплошность, лѣность и подавно за неокананіе должнаго почтенія офицеру. Это считалось самымъ ужаснымъ преступленіемъ, за которое страшнѣйшее наказаніе признавалось недостаточнымъ, но, конечно, только по отношенію къ туземцамъ.

Вотъ образчикъ тѣхъ провинностей, за которыя предавали истязаніямъ, всегда оканчивавшимся смертью.

Эскадронъ суданскихъ спаговъ стоялъ въ Деамбели, близъ Ніоро. Капитанъ, сравнительно порядочный человѣкъ и не звѣрь, уѣхалъ закупать лошадей, передавъ командованіе постомъ лейтенанту. Послѣдній отправилъ нѣсколькихъ негровъ-стрѣлковъ подъ начальствомъ одного изъ спаговъ, рубить дрова. Проходитъ день, проходитъ ночь, а посланныхъ все нѣтъ. Они возвратились къ вечеру на слѣдующій день.

Спаги доносятъ лейтенанту, что по причинѣ торнадо (урагана) негры не хотѣли идти, и провели ночь въ лѣсу. Лейтенантъ вызываетъ трехъ «главныхъ зачинщиковъ» и приказываетъ ихъ бить канатомъ.

Съ бутылкой тафинъ въ рукахъ, прихлебывая изъ нея послѣ каждого удара и раздавая монеты въ пятьдесятъ сантимовъ палачамъ за каждый удачный ударъ, лейтенантъ съ наслажденіемъ похаживаетъ вокругъ палачей и истязаемыхъ. По окончаніи истязанія, наказуемымъ сдавливали ноги желѣзными колодками. Часъ спустя они перестали жить.

Вернувшійся капитанъ произвелъ слѣдствіе и отправилъ рапортъ кому слѣдуетъ. *Лейтенанта перевели на другой постъ, а когда послѣдній возвратился во Францію, то получилъ орденъ Почетнаго Леона и повышение въ чинъ*

И все эти ужасы допускаются, не прекращаются колоніальнымъ правительствомъ не потому, что французы кровожадны, свирѣпы, жестоки, — нѣтъ, далеко нѣтъ; большинство изъ нихъ съ ужасомъ, съ состраданіемъ читаетъ и слышитъ о звѣрствахъ въ Суданѣ и на Мадагаскарѣ, а когда начнутъ ихъ упрекать въ этомъ и возмущаться тѣмъ, что не принимаются мѣры къ прекращенію, уничтоженію такого порядка, они добродушно отвѣчаютъ: *«Mais que voulez-vous, pas moyen d'agir autrement, il faut bien gagner de l'argent»*.

Словомъ, имъ деньги, имъ золото нужно, а съ этой цѣлью необходимо поддерживать дисциплину и безъ рабовъ обойтись невозможно. Поклоняясь золотому тельцу, они забываютъ о пролитой крови въ концѣ XVIII-го вѣка, забываютъ объ уничтоженіи рабства и провозглашеніи общаго равенства и свободы.

А на Мадагаскарѣ развѣ лучше ведутъ себя капитаны и лейтенанты постовъ? Чтобы вынудить признаніе у обвиняемыхъ, они постоянно прибѣгаютъ къ жестокимъ пыткамъ, которыя прекращаются большей частью только со смертью обвиняемыхъ, или, вѣрнѣе, неправильно заподозрѣнныхъ. Случается, что прибѣгаютъ и къ слѣдующему способу: заворачиваютъ туземца въ тряпки, намоченныя керосиномъ, и зажигаютъ эти тряпки.

Опять-таки и эти жестокости производятся ради того, чтобы поддержать дисциплину и заставить неуклонно работать и добывать деньги, выжимать золото изъ колоній. Не для того, говорятъ французы, тратимъ мы громадныя деньги и проливали кровь, чтобы благодѣтельствовать туземцамъ, а чтобы наживать деньги, нужныя намъ на школы, армію, флотъ. Не метрополія для колоній, а колонія для метрополіи.

Какимъ образомъ расширяютъ свои колоніи французы и какъ одерживали блестящія побѣды на Мадагаскарѣ, много интереснаго найдется въ книгѣ Винье.

Такъ, майоръ Жераръ захватилъ Менабъ и Амбику, воспользовавшись доверчивостью и добродушіемъ Самата, брата короля Туэра. Послѣдніе, официально извѣщенные о приближеніи отряда Жерара, хотѣли устроить торжественную встрѣчу, и все населеніе было настроено самымъ миролюбивымъ образомъ, вовсе не подозревая нападенія. Между тѣмъ Жераръ ночью подкрался къ городу, арестовавъ предварительно выѣхавшихъ ему на встрѣчу Самата и французскаго лейтенанта Бло съ военнаго судна «Surprise». Солдаты окружили городъ со всѣхъ сторонъ, ворвались въ него и перерѣзали всѣхъ безоружныхъ и не думавшихъ о защитѣ жителей. Даже женщины и дѣти, и тѣ были убиты всѣ безъ исключенія. Когда наступилъ день, отъ жителей осталась только масса окровавленныхъ труповъ, среди которыхъ блуждали люди, истомленные этой ужасной бойней.

Хотя мичманъ Бло представилъ объ этомъ гнусномъ звѣрствѣ правдивый и подробный докладъ капитану «Surprise», а послѣдній передалъ его начальнику морской дивизіи, тѣмъ не менѣе майоръ Жераръ былъ въ скорости назначенъ подполковникомъ.

И на это вамъ отвѣтитъ колоніальное правительство: *«печально, грустно, сердце обливается кровью, но что же дѣлать, мы приобрѣли богатую провинцію и доходами съ нея въ короткое время съ избыткомъ покроемъ все наши расходы. Опять-таки и честь, и совѣсть, и стыдъ,—все, забывается ради золотого тельца!..»*

Въ интересахъ справедливости надо, однако, замѣтить, что такіе ужасные приемы колоніальной политики присущи не однимъ французамъ. Всѣ, безъ исключенія, европейскія націи продѣлываютъ въ своихъ владѣніяхъ то же самое. И это является естественнымъ послѣдствіемъ установившагося у европейцевъ взгляда на покоренныя націи: не, какъ на дикарей, которыхъ слѣдовало бы приобщить къ культурѣ, а какъ на предметъ эксплуатаціи для метрополіи.

Вспомнимъ пресловутаго пруссакъ Петерса, жестокости котораго въ германскихъ африканскихъ колоніяхъ въ свое время вызывали бури негодованія въ газетахъ, а теперь, однако, возбуждено ходатайство о прощеніи этого изверга. Кому не извѣстны безчинства американцевъ на Филиппинахъ; жестокости ихъ превосходятъ даже пресловутую испанскую инквизицію. А обращеніе тѣхъ же американцевъ съ краснокожими, которымъ когда-то продавались завѣдомо зараженные одѣяла, вносящіе смерть въ среду этихъ несчастныхъ дикарей... Но самые свѣжіе факты изъ этой скорбной лѣтописи отношеній «культуртрегеровъ» къ несчастнымъ народамъ, очутившимся на пути побѣдоноснаго шествія европейской цивилизаціи,—сообщаютъ Беррусъ и Кэнизиусъ, авторы книги «Язва центральной Африки», изданной извѣстнымъ англійскимъ издателемъ Эвереттомъ. Почти одновременно съ этимъ сочиненіемъ вышли двѣ другія книги: Morel—«Affairs in West-Africa» и Fox-Bourne—«Civilisation in Congo-Land»; наконецъ, порядкамъ царствующимъ въ томъ же «свободномъ» государствѣ Конго, посвятилъ рядъ статей въ «Review of reviews» знаменитый Стэдъ.

Я могу разказать вамъ,—сказалъ Беррусъ на обѣдѣ, данномъ Эвереттомъ въ честь его и Кэнизиуса,—о событіяхъ, которымъ вы, пожалуй, не повѣрите, и я не буду обвинять васъ за это, ибо въ Конго совершаются такіе дѣянія, которыя

невпроятны. Невпроятно, чтобы люди бѣлой расы способны были на такія звѣрскія жестокости. Я видѣлъ, какъ бельгійцы закопали негра въ землю до шеи. Черезъ нѣсколько часовъ несчастный, мучимый жаждой, началъ умолять этихъ звѣрей, чтобы они дали ему воды. Въ отвѣтъ на его просьбу его *напоили мочой*. Капитанъ Борроусъ видѣлъ, какъ бельгійскій офицеръ изуродовалъ двухъ негритянокъ, которыя отказались указать ему дорогу въ негритянскую деревню, боясь, что онъ сожжетъ деревню.

Кэнизіусъ, подтверждая слова своего товарища, выразилъ, между прочимъ, удивленіе въ полномъ равнодушіи *миссіонеровъ*. «Я знаю, сказалъ онъ, что германскіе, британскіе и американскіе консулы регулярно доносили своимъ правительствамъ о происходившихъ въ Конго звѣрствахъ. Но правительства указанныхъ странъ не сочли возможнымъ вмѣшаться въ это дѣло, и роль обличитель выпала на нашу долю».

Цивилизаторы изобрѣли даже особый родъ кнута, называемаго *шикоттъ*, который, говорятъ, имѣетъ очень большое вліяніе на ускореніе пріобщенія негровъ къ европейской цивилизаціи.

«Шикоттъ,—говоритъ Фоксъ-Вернсъ,—дѣлается изъ сырой кожи гиппопотама съ узломъ на концѣ. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ уже показывается кровь. Послѣ 20—30 ударовъ наказываемый обыкновенно лишается чувствъ. Не должно забывать, что подобнымъ истязаніямъ подвергаются не только мужчины, но также и женщины, *даже дѣти*».

А вотъ какъ собирается гуттаперча, одинъ изъ важныхъ продуктовъ, добываемыхъ въ Конго и приносящихъ колоссальные барыши.

«Когда туземцы, рассказываетъ Фоксъ-Вернсъ,—*усмирены*, т. е. доведены путемъ разоренія деревень и многочисленными казнями до состоянія безмолвнаго трепета, они выгоняются подъ эскортомъ солдатъ (изъ обученныхъ братоубійству туземцевъ) въ лѣсъ. Если въ концѣ недѣли партія туземцевъ не собрала узаконеннаго количества гуттаперчи, бельгійцы, завѣдывающіе сборомъ, подвергаютъ туземцевъ наказанію гиппопотамовыми кнутами (*chicotte*), *убиваютъ* для острастки болѣе лѣнливыхъ, при чемъ у убитыхъ *отрѣзываютъ* правую руку, которая и посылается вмѣстѣ съ гуттаперчей въ депо торговой компаніи, какъ оправдательный документъ».

«Я входилъ въ составъ партіи 30 челоѣкъ подѣ командой Ванъ-Эйкена,—рассказываетъ Морей, агентъ торговой фирмы «Société Anversoise». Мы были посланы въ негритянскую деревню съ цѣлью удостовѣриться, собираютъ ли негры гуттаперчу, какъ имъ было приказано; если же окажется, что они лѣнтяничаютъ, намъ было велѣно перебить ихъ всѣхъ, не взирая на полъ и возрастъ. На нашъ вопросъ: чѣмъ они заняты?—туземцы не нашли отвѣта, и мы убили ихъ всѣхъ, согласно распоряженію. Часъ спустя пріѣхалъ начальникъ отряда Ванъ-Эйкенъ, и мы доложили ему о случившемся.

«Прекрасно,—отвѣтилъ онъ,—но это еще *не все*».

Вслѣдъ затѣмъ онъ приказалъ намъ отрѣзать головы убитыхъ мужчинъ и повѣсить ихъ на оградѣ деревни, а тѣла женщинъ и дѣтей, послѣ надругательства надъ ними, повѣсить распятыми на палисадахъ».

«Въ 1895 году,—говоритъ шведскій путешественникъ Сенбольтъ—возлѣ озера Матумба туземцы отказались итти въ глубь страны за гуттаперчей. Ихъ нагнала «экспедиція». Я былъ тамъ по слѣдамъ экспедиціи два или три дня спустя. Мы нашли убитую туземку, у которой была отрѣзана правая рука. Съ одной стороны ея лежалъ убитый ребенокъ, правая рука котораго также была отрѣзана. Съ другой стороны также лежалъ ребенокъ, *еще живой*, прижавшійся къ мертвой матери; правая рука у него была *тоже отрѣзана*».

«Разъ я насчиталъ—разсказываетъ тотъ же путешественникъ,—въ корзинѣ 18 отрѣзанныхъ рукъ, и, судя по ихъ размѣрамъ, нѣкоторыя принадлежали женщинамъ и дѣтямъ. Въ другой разъ было прислано... 160 рукъ!.. Иногда руки отрѣзываются у живыхъ еще людей».

Для усмиренія «непокорныхъ», бельгійцы употребляютъ туземныя войска, набранныя изъ *каннибальскихъ племенъ*, и наградой послѣ усмиренія являются такого рода пиршества, описываемыя однимъ путешественникомъ:

«Послѣ сожженія города (въ 1893 г.) каждый изъ каннибаловъ занялся приготовленіемъ пищи. Тѣла убитыхъ были зажарены и вслѣдъ затѣмъ закопчены; эта провизія изъ человѣческаго мяса служила пищей колоннѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль».

«Раса негровъ,—говоритъ путешественникъ,—пережившая три столѣтія торговли неграми, стала таять, какъ воскъ, когда въ дѣло пустили приемы европейской филантропіи. Въ теченіе десяти-пятнадцати лѣтъ бельгійцы извели больше негровъ, чѣмъ португальцы въ теченіе столѣтій. Португальцевъ именovali «гнусными работоторговцами», бельгійцевъ же зовутъ «цивилизаторами восточной Африки», имъ поютъ гимны въ европейской печати... Поля Конго покрыты скелетами жертвъ европейской цивилизаціи».

Всѣ эти ужасныя свѣдѣнія, противъ которыхъ брюссельскія власти пытались протестовать, угрожая Эверетту судомъ, были подтверждены многочисленными фотографическими снимками, показаніями путешественниковъ и пр.

Морель, заключая свою упомянутую выше книгу, говоритъ:

«Если допустить даже, что Европа вступится за несчастныхъ негровъ и положить конецъ пресловутому Конгскому государству, какое поле дѣйствій открывается для дѣйствительныхъ, а не ложныхъ цивилизаторовъ? Что оставитъ Конго послѣ себя? Громадную пустыню, населенную свирѣпыми каннибальскими племенами, въ груди которыхъ горитъ неугасимая ненависть къ бѣлой расѣ; не забудьте, что бельгійцы обучили этихъ каннибаловъ владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ; не мудрено, что эти ученики бельгійцевъ воспользуются первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы примѣнить свои познанія противъ ненавистныхъ бѣлыхъ угнетателей».

Таковы результаты „дѣятельности“ бельгійцевъ. Но развѣ лучше поступаютъ голландцы въ своихъ колоніяхъ. Страданія яванцевъ нашли своего выразителя въ геніальномъ Мультатули, но развѣ послѣ этого много измѣнилось къ лучшему?

А то, что мы видимъ въ Китаѣ еще въ недавнее время, не есть ли это доказательство отсутствія при извѣстныхъ условіяхъ какого либо преимущества одной націи надъ другой?

Въ Китаѣ офицеры, солдаты всѣхъ націй все забываютъ ради денегъ. Грабятъ

всюду, тащить все, что только можно. Срываютъ съ женщинъ серьги и браслеты, убиваютъ ради какой-нибудь золотой бездѣлушки. Все, что только представляетъ собою какую-либо цѣнность, все это отбирается у китайцевъ и, если не даютъ добровольно, берутъ силою. Перечислять всѣ эти факты излишне; газеты давно уже ими переполнены.

И это дѣлаютъ люди, называющіе себя европейцами! Совершаютъ они все это какъ бы въ чадѣ, охваченные страстью къ наживѣ, къ золоту. Возвратиться изъ Китая богатымъ—это была затаенная мечта каждаго солдата, и едва представлялась возможность завладѣть чѣмъ-нибудь цѣннымъ, какъ все забывалось; имъ всецѣло овладѣвала страсть къ наживѣ, а тогда убить ради кусочка золота—дѣло самое обыкновенное, самое пустое!...

Но довольно крови, пытокъ, ужасныхъ истязаній!.. Тяжела такая картина.

Взглянемъ теперь на избранное элегантное общество Парижа въ раззолоченныхъ салонахъ, среди музыки, роскоши и блеска — того Парижа, который, являясь „столицей міра“, центромъ европейской плутократіи, наиболее ярко представляетъ нашимъ глазамъ картину страшнаго растлѣнія буржуазнаго общества. Приводимый примѣръ нехудо иллюстрируетъ угодничество передъ сильными міра сего и всепокорность денежному кумиру, такъ наз. „лучшихъ представителей“ современнаго общества. Примѣръ этотъ тѣмъ болѣе характеренъ, что среди господъ, о которыхъ будетъ идти рѣчь, находились несомнѣнно лица не только всѣхъ „высшихъ“ классовъ, но и всѣхъ національностей.

Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, самымъ блестящимъ салономъ въ Парижѣ былъ салонъ барона Гирша, обладателя нѣсколькихъ сотъ милліоновъ. Онъ жилъ на Елисейскихъ поляхъ въ бывшемъ дворцѣ императрицы Евгеніи, приобретенномъ имъ за баснословную сумму. Дворецъ этотъ былъ чудомъ роскоши и блеска; о балахъ барона говорилъ весь Парижъ и все, что было самага фешенебельнаго, собиралось въ салонахъ великолѣпнаго дворца. Даже королева Изабелла удостоила барона своимъ посѣщеніемъ; принцы крови, герцоги, князья, государственные сановники посѣщали вечера богача. Одна только семья Ротшильда не бывала у барона, и послѣдній, ненавидя Ротшильда, воспретилъ строжайше провозносить въ своемъ дворцѣ ненавистное ему имя.

Однажды баронъ устраивалъ блестящій баснословный вечеръ, намѣреваясь затмить все бывшее въ Парижѣ. Лучшимъ украшеніемъ вечера должна была служить знаменитая дива Аделина Патти, достигшая въ то время апогея своей славы. Послѣ продолжительныхъ упрасиваній, она рѣшилась, въ первый разъ во все продолженіе своей артистической карьеры, пѣть у частнаго лица. За исполненіе только двухъ арій ей было предложено 22,000 франковъ. За семь дней до вечера, всѣ газеты толковали о приготовленіяхъ. Все лучшее общество Парижа переполнило салоны дворца, убранные съ баснословной роскошью.

Концертъ начался. Все замерло. Дива спѣла арію Розины изъ «Севильскаго цирюльника». Всѣ были очарованы. Вторымъ номеромъ, еще съ большимъ успѣхомъ, исполнила она арію изъ «Травіаты». Аплодисменты не смолкали. Всѣмъ овладѣлъ какой-то экстазъ. Самъ баронъ и всѣ гости умоляли диву исполнить

еще одинъ нумеръ сверхъ программы. Гордая пѣвица долго не соглашалась, наконецъ уступила.

Она запѣла и спѣла дивно хорошо. Но о чудо: когда она окончила, глубокое молчаніе царило въ залѣ; ни аплодисмента, ни звука; слушатели избѣгали смотрѣть другъ на друга; нѣкоторые даже поблѣднѣли и сконфуженно вперили свои взоры въ полъ. Баронъ сталъ неузнаваемъ.

Пораженная пѣвица обратилась какъ бы въ статую; лицо ея поблѣднѣло; глаза метали молніи гнѣва. Затѣмъ на нихъ показались слезы обиды, слезы отчаянія. Въ первомъ порывѣ дива изорвала въ мелкіе клочки изящный носовой платокъ съ балансами и оскорбленная, негодующая быстро сошла съ эстрады и удалилась изъ залы.

Въ этотъ же вечеръ Аделина Патти узнала причину такого фіаско, перваго и послѣдняго въ ея жизни. Дѣло въ томъ, что она пропѣла модный въ то время въ Парижѣ романсъ: „Si vous n'avez rien à me dire“, принадлежавшій перу баронессы Ротшильдъ.

Проанализируемъ тщательно это явленіе, оно крайне важно и характерно. Собралось громадное общество казалось бы свободныхъ, независимыхъ людей, при томъ развитыхъ, высоко образованныхъ. Однако, ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился выразить свой восторгъ аплодисментомъ, или хотя бы малѣйшимъ знакомъ одобренія. Всѣ точно онѣмѣли, какъ будто окаменѣли. Всѣ, какъ жалкіе рабы, страшились не понравиться, разсердить барона Гирша. Многіе смутились, поблѣднѣли.

Что же могутъ сказать эти жалкіе людишки, связанные чужой, посторонней волей, въ свое оправданіе? Чѣмъ извинять, чѣмъ объяснять они свое поведеніе?.. Сказать, что имъ не понравилось пѣніе, они не могутъ, такъ какъ за десять минутъ до того приходили въ восторгъ и неистово его выражали.

Они вынуждены сознаться, что восторгъ ощущали, но не смѣли его выразить изъ страха разсердить хозяина.

Пожалуй, они скажутъ: *«намъ, какъ гостямъ, не подобало обидѣть пригласившаго насъ хозяина. Явившись гостями мы обязаны были уважить, подчиниться даже странностямъ, даже прихотямъ хозяина»*. Какое жалкое какое пошлое оправданіе!..

А оскорбить женщину, оскорбить талантливую, геніальную артистку, обидѣть ее совершенно незаслуженно, безтолково, безпричинно—неужели же это можно и даже должно?.. Неужели же это простительно образованнымъ, развитымъ людямъ? Оно простительно было бы только лакеямъ, служащимъ на жалованіи у барона Гирша и не желающимъ лишить свою семью куска хлѣба, но не герцогамъ, ученымъ и литераторамъ.

Чувствовать восторгъ и, подавивъ его, глубокимъ рабскимъ, стаднымъ молчаніемъ выразить порицаніе и неодобреніе, вѣдь, во всякомъ случаѣ, это значить нагло солгать предъ всѣми и своей совѣстью. Неужели это извинительно, неужели это не ложится позорнымъ пятномъ на блестящее избранное общество всего Парижа?

Если всѣ признаютъ себя обязанными быть галантными и утонченно-вѣжливыми какъ гости, къ пригласившему ихъ хозяину, такъ тѣмъ болѣе они обязаны быть галан-

тными и вѣжливыми по отношенію къ женщинѣ, не говоря уже о геніальной артисткѣ. Да, наконецъ, являясь къ барону Гиршу на балъ, развѣ могъ и долженъ былъ знать каждый, кого любить и кого ненавидѣть пригласившій ихъ богатъ? Почему всякій приглашенный могъ быть посвященъ въ эти закулисныя тайны? Развѣ гости всѣ поголовно слѣдили за выраженіемъ лица барона, за каждымъ его движеніемъ и считали себя въ правѣ апплодировать только въ томъ случаѣ, если баронъ подастъ сигналъ.

Какъ въ этой громадной, блестящей толпѣ не нашлось двухъ, трехъ человекъ, которые забыли бы слѣдить за барономъ и невольнo хоть однимъ апплодисментомъ выразили свой восторгъ!

Всѣ они, вся эта блестящая толпа, эти избранные представители Парижа прекрасно сознавали, что поступаютъ гнусно; но они—жалкіе рабы золотого тельца; они страшатся, у нихъ духа не хватаетъ поспорить съ богачемъ; его богатства имъ могутъ быть полезны не сегодня-завтра. Они загипнотизированы золотымъ тельцомъ; они не въ силахъ оторвать отъ него жадныхъ взоровъ; они не въ силахъ удержаться, чтобы не пасть къ ногамъ этого божка. Онъ влечетъ ихъ къ себѣ невидимой силой, парализуя ихъ волю.

Вотъ единственная причина описаннаго лакейства, въ силу котораго ни одинъ изъ этого блестящаго стада не осмѣлился отдать должную дань великой артисткѣ и оградить женщину отъ незаслуженнаго оскорбленія!..

Такъ поступаютъ люди, которые вѣжливость и чувство рыцарства считаютъ чуть ли не своей монополіей!..

Въ послѣднее время французы, бельгійцы, а частью англичане и американцы цѣпко ухватились и прочно присосались къ нашимъ минеральнымъ богатствамъ и разнымъ заводамъ. Съ цѣлью изученія отношеній ихъ къ русскимъ рабочимъ и русскимъ "служащимъ", я перебивалъ въ качествѣ переводчика на нѣсколькихъ заводахъ, и мнѣ приходилось слышать, какъ французы удивлялись тому, что русскіе недостаточно угодливы и почтительны къ своимъ патронамъ и рѣдко въ нихъ заискиваютъ. „Мы, говорили они, совсѣмъ иначе относимся; для насъ патронъ—великое дѣло, важнѣе, чѣмъ самъ президентъ республики, надъ которымъ мы часто смѣемся, а надъ патрономъ никогда, такъ какъ онъ насъ хлѣбомъ кормитъ“. А другой французъ, тутъ же стоявшій, добавилъ: *Pour nous un patron, c'est comme un empereur!*“.

Развѣ не ясно, что такіе люди преклоняются только предъ тѣмъ, отъ кого зависитъ дать или не дать имъ деньги. Даже къ славію, къ знанію они стремятся главнымъ образомъ въ виду надежды нажить побольше денегъ!..

А эти знаменитыя всемірныя выставки, привлекающія къ себѣ представителей всѣхъ цивилизованныхъ народовъ земного шара, развѣ въ концѣ концовъ цѣль ихъ не нажива денегъ?.. Пожалуй, деньги эти, въ случаѣ (избави Богъ) новаго нашествія на Францію тевтоновъ, дадутъ возможность заплатить контрибуцію.

Спора нѣтъ, такая нажива благородна, красива, эстетична, изощряетъ умъ, вкусы, изобрѣтательность, поощряетъ и даетъ сильный толчекъ наукѣ, искусству, промышленности, торговлѣ и служитъ прекрасной ареной для борьбы народовъ,

притомъ борьбы не англійскими разрывными пулями и ужасными взрывчатыми веществами, а научными изобрѣтеніями, великими произведеніями искусства и мирнымъ примѣненіемъ всѣхъ силъ человѣческаго разума и опыта.

Заслоненный этой грандіозной декораціей соревнованія народовъ, французскій представитель наукъ и искусства въ тиши своего кабинета сидитъ, бережливый, находчивый и очень любезный, когда нужно, ловко подсчитывая, что принесетъ ему въ результатъ этотъ великій праздникъ генія и человѣколюбія всѣхъ народовъ Европы... Принесетъ онъ, конечно, груды золота; сердце кабинетнаго труженика радостно бьется, предвкушая эту заманчивую перспективу, и глаза его разгораются точно эти груды уже лежатъ предъ нимъ...

Пожалуй скажутъ, что выставка приноситъ иногда убытки. Это заблужденіе, потому что не слѣдуетъ забывать о томъ, что даже и въ такихъ случаяхъ барышъ есть, только дѣло въ томъ, что этотъ барышъ не попадаетъ въ руки учредителей и распорядителей, а въ карманъ домовладѣльцевъ, содержателей гостинницъ, ресторановъ и всякаго рода торговцевъ. Развѣ это не все равно?..

Говоря все это, мы, русскіе, ничуть не завидуемъ и искренно желаемъ имъ побольше золота, увѣренные, что они не послѣдуютъ примѣру англичанъ, употреблявшихъ золото, добытое въ Трансваалѣ же, на поголовное истребленіе беззавѣтно храбраго, честнаго и трудолюбиваго его населенія.

Насъ упрекнутъ, пожалуй, въ томъ, что указывая спицу въ глазу брата, мы забываемъ о бревнѣ въ своемъ. Нѣтъ, мы прекрасно знаемъ, что въ нашихъ глазахъ не только много спицъ, но даже не мало и бревенъ; мы никогда не сердились и не негодуемъ, когда намъ на нихъ указываютъ. Напротивъ самобичеваніе — наша общензвѣстная черта, и мы высоко цѣнимъ тѣхъ, кто мастерски, справедливо и безпристрастно порицаетъ насъ, умѣло подмѣчая наши недостатки и слабости.

Во Франціи давно уже не появлялись такіе энергичные и обладавшіе громаднымъ вліяніемъ на современниковъ сатирики, какъ Гоголь и Щедринъ, или такіе поэты-обличители, какъ Некрасовъ. Не далеко еще то время, когда мы впали въ крайность, когда у насъ развелась манія искать бревна и спицы у себя въ глазахъ... мы увлекались этимъ до самозабвенія. Эта оздоровляющая, полезная манія очищаетъ воздухъ и, во всякомъ случаѣ, вреда не приноситъ.

А. К. Смоликовъ.

Собираніе бабочекъ, какъ доходная статья.

Очень и очень часто приходится слышать отъ интеллигентныхъ людей, живущихъ въ провинціи и даже въ столицахъ, о скудѣ, о незнаніи какъ наполнить время съ пользою для себя, для людей, для науки, и какъ имѣть заработокъ, который бы могъ служить подспорьемъ при другомъ дѣлѣ. Много и такихъ, которые, имѣя необходимыя матеріальныя средства и не зная какъ убить время, проводятъ его за зеленымъ сукномъ или за бутылками.

Наука первая можетъ сдѣлать запросъ и имѣть большую нужду въ такихъ людяхъ, въ особенности живущихъ въ отдаленныхъ и мало культурныхъ мѣстахъ нашей обширной родины. Немногое нужно для того, чтобы сдѣлать полезное для науки, и это немногое—лишь желаніе придти ей на помощь, а результаты всякаго рациональнаго труда всегда плодотворны и вознаградимы. Такъ, я знаю одного гимназиста, собравшаго гербарій (коллекція засушенныхъ растений) Виленской губерніи и продававшего его за пятьсотъ рублей. Это въ губерніи, близкой къ столицамъ и болѣе изслѣдованной.

Ботаника, энтомологія, метеорологія и вообще естественныя науки нуждаются болѣе всего въ свѣдѣніяхъ и изслѣдованіяхъ отдаленныхъ мѣстъ Россійской имперіи. Сибирь же совершенно въ этомъ отношеніи почти совсѣмъ не изслѣдована.

Настоящей статьей я хочу обратить вниманіе лицъ, въ особенности живущихъ въ разныхъ захолустьяхъ, на то обстоятельство, что собираніе естественно-историческихъ коллекцій, не говоря уже о научномъ интересѣ, можетъ служить для любителей даже *источникомъ дохода*, часто довольно значительнаго, если дѣло поставлено умѣло и систематично.

Состоя, помимо своей профессіи—художника, членомъ Русскаго Энтомологическаго Общества и имѣя ясныя свѣдѣнія о нуждахъ энтомологів, я позволю себѣ коснуться именно этого отдѣла естественныхъ наукъ.

Энтомологія—наука, занимающаяся изслѣдованіемъ жизни наѣвкомыхъ. Самая (?) интересная часть этой науки—бабочки и жуки.

Собираніемъ и изслѣдованіемъ ихъ занимаются много любителей и присяжныхъ зоологовъ. Заграницею существуетъ много кружковъ и ученыхъ обществъ, а у насъ въ Россіи одно лишь Русское Энтомологическое Общество въ С.-Петербургѣ.

Въ Дрезденѣ уже давно, помимо другихъ иностранныхъ фирмъ, существуетъ извѣстное торгово-научное учрежденіе доктора Стаудингера. Докторъ

Стаудингеръ ежегодно выпускаетъ каталоги своихъ коллекцій, съ обозначеніемъ цѣнъ каждой бабочки и каждого жука; по этимъ цѣнамъ любители мѣняются экземплярами или покупаютъ другъ у друга—но болѣе всего выписываютъ и платятъ большія деньги разнымъ фирмамъ, торгующимъ бабочками и жуками.

Есть много бабочекъ, за одинъ экземпляръ которыхъ платятся сотни и тысячи рублей; а цѣна въ нѣсколько десятковъ рублей за экземпляръ очень и очень не рѣдка. Я ловилъ въ Олонецкой губерніи бабочекъ *Smerinthus tremulae* и продавалъ ихъ по пятнадцати рублей за экземпляръ, и сейчасъ они въ той же цѣнѣ. Въ Олонецкой губерніи ихъ много, а вообще это рѣдкость. Съ такими видами, живущими только въ данной мѣстности можетъ встрѣтиться каждый.

Кромѣ того, можетъ попасться новый видъ, еще не извѣстный, въ особенности въ мѣстахъ мало изслѣдованныхъ, и тогда нашедшій можетъ сразу нажить солидные деньги. Я знаю въ Петербургѣ энтомологовъ, которые тратятъ тысячи рублей, ежегодно выписывая отъ Стаудингера сибирскіе виды мотыльковъ и жуковъ, тогда какъ можно было бы ихъ имѣть изъ первыхъ рукъ. Видоизмѣненія или аберации тоже очень цѣнны—такъ, напр., на что проста бабочка—дневная многоцвѣтница (*Vanessa urticae*), а, между тѣмъ, ея видоизмѣненіе (*Vanessa testudo*), попадающееся среди обыкновеннаго вида, стоитъ 150 рублей, и то не всегда можно его купить. Даже самыя обыкновенныя бабочки имѣютъ разницу въ рисункѣ и окраскѣ, смотря по тому, гдѣ пойманы, въ зависимости отъ чего мѣняется и цѣна этихъ разновидностей.

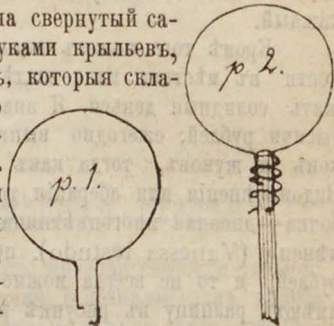
Покончивъ съ доводами о практической пользѣ собирателя, я опишу чѣмъ и какъ ловить бабочекъ, какъ ихъ собирать, препарировать и пересылать.

Прежде всего нужно сдѣлать сачекъ для ловли. Онъ дѣлается такъ: берутъ желѣзную проволоку толщиною немного тоньше карандаша и длиною 19 вершковъ, концы проволоки загибаютъ, какъ показано на рисункѣ 1., затѣмъ на концѣ палки, длиною немного болѣе аршина и толщиною въ два пальца, дѣлаются два отверстія съ противоположныхъ сторонъ, одно ближе къ концу, другое немного дальше. Отъ отверстій нужно продолбить къ концу палки неглубокіе желобки вполовину толщины проволоки, затѣмъ вставить крючки проволоки въ отверстія, чтобы средніе загибы легли въ желобки (рисунокъ 2.) и обмотать спирально тонкой проволокой или бичевочкой. Обшивъ кольцо проволоки колечкомъ въ полвершка шириною, къ нему пришиваютъ мягкій кисейный мѣшокъ длиною 12 вершковъ, который долженъ быть болѣе цилиндрической, нежели конической формы. Затѣмъ, идя на экскурсію, нужно имѣть пять-шесть банокъ съ широкимъ горломъ, лучше всего аптекарскихъ, въ которыхъ продаютъ мази, съ пробкой и деревянной наклейкой. Къ пробкамъ такихъ банокъ должны быть прикрѣплены куски ваты, завернутые въ тряпочку. Эти куски смачиваются отъ времени до времени эфиромъ или бензиномъ, который слѣдуетъ имѣть постоянно при себѣ, въ отдѣльномъ флаконѣ, при чемъ необходимо заботиться, чтобы стѣнки банокъ были всегда сухія. Въ каждую банку, смотря по величинѣ бабочекъ, можно класть не болѣе трехъ штукъ. Когда взмахомъ сачка бабочка поймана, сачекъ поворачиваютъ такъ, чтобы входъ въ мѣшокъ сачка закрылся. Взявъ сачекъ въ лѣвую руку, а въ правую открытую банку, ее опускаютъ въ сачекъ и накрываютъ банкой насѣкомое. Чтобы во время открытія сачка бабочка не вылетѣла, нужно на нее сверху дуть, и этимъ дуновеніемъ отталкивать ее внизъ сачка. Затѣмъ, накрывъ банку крышкою со смоченной бензиномъ ватой, банку кладутъ въ карманъ и ловятъ слѣдующихъ. Когда банки всѣ наполнены, тогда, сядя за кустомъ или деревомъ противъ вѣтра, накалываютъ бабочекъ, вытряхивая ихъ поочередно изъ банокъ, начиная съ первой поймки—для чего выгодно имѣть на крышкахъ банокъ номера. При-

колотыхъ бабочекъ помѣщаютъ въ имѣющійся при себѣ на перевязи жестяной ящикъ 7 вершковъ длины 4-хъ ширины и 1 вершка высоты, дно котораго выложено пробкой (можно наклеить столярнымъ клеемъ куски пробки). Ящикъ этотъ долженъ наглухо закрываться, и въ немъ должны быть тоже куски ваты, обильно смоченные бензиномъ. Въ этомъ ящикѣ бабочки окончательно умираютъ, такъ какъ для совершеннаго умерщвленія насекомыхъ необходимо продержатъ ихъ подъ дѣйствіемъ эфира или бензина не менѣе 2—3-хъ часовъ, а то они оживаютъ.

Булавокъ для прикалыванія нужно имѣть 3-хъ номеровъ, смотря по толщинѣ туловища бабочки

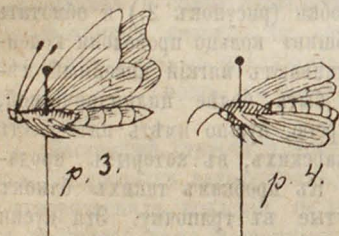
Вытряхнувъ ее изъ банки на шапку или на свернутый сачекъ, слѣдуетъ прикалывать, отнюдь не трогая руками крыльевъ, а держа бабочку за туловище. Дневныхъ бабочекъ, которыя складываютъ крылья правильно, т. е. вверхъ, нужно прикалывать въ бокъ (рисунокъ 3), и можно приколотъ на одну булавку до трехъ штукъ одна къ другой. Тѣхъ же дневныхъ бабочекъ, которыя при замiranіи судорожно сжимаютъ крылья внизъ, нужно прикалывать въ бокъ спины, избѣгая крыльевъ, и прикалывать только по одной, а если по двѣ, то слѣдуетъ между ними оставить разстояніе, чтобы крылья не соприкасались. Ночныхъ бабочекъ, имѣющихъ толстое брюшко и не складывающихъ вверхъ крылья, нужно прикалывать по одной на булавку, вкалывая булавку въ середину туловища между крыльями, стараясь воткнуть прямо (рисунокъ 4) и оставлять отъ головки булавки до туловища разстояніе въ одну треть длины всей булавки.

Устройство сачка.

Мелкихъ бабочекъ, продержавъ ихъ въ банкѣ часа два, можно пересылать въ особыхъ коробкахъ, перекладывая бабочекъ слоями ваты.

Дневныхъ бабочекъ нужно ловить на цвѣтахъ днемъ, а вечернихъ въ лѣсахъ вечеромъ. Для ловли же ночныхъ, существуютъ три лучшихъ способа.

Накалываніе бабочекъ.

Первый—ловля съ ручнымъ фонарикомъ на полевыхъ цвѣтахъ въ сумерки. *Второй*—самый удачный—на приманку. Для этого приготавливаютъ растворъ липоваго или краснаго пчелинаго меду въ пивѣ или берутъ одинъ медъ. Въ этомъ растворѣ намачиваютъ яблочные сушеные ломтики и, нанизавъ ихъ на шнурки по 10—15 штукъ, развѣшиваютъ при закатѣ солнца между деревьями, на полянкахъ, на вѣтеркѣ, имѣя такихъ шнуровъ штукъ 5 и болѣе. Когда начнетъ темнѣть—эти шнурки обходятъ и открытой банкой подхватываютъ сидящихъ и охмелѣвшихъ бабочекъ. Садятся бабочки сначала пугливо и не надолго—затѣмъ усаживаются плотнѣе и, охмѣлѣвъ, отъ сотрясенія падаютъ на землю, для чего можно подъ шнурками разстилать что-либо бѣлое. Накрывать бабочекъ банкой нужно очень осторожно, поднося банку снизу вверхъ—отчего охмелѣвшая бабочка падаетъ въ банку. Когда станетъ совсѣмъ темно—нужно обходить чрезъ каждые $\frac{1}{2}$ часа съ ручнымъ фонарикомъ, осторожно освѣщая сидящихъ мотыльковъ. Намачивать ломтики нужно чрезъ 3, 4 дня. Вмѣсто яблочныхъ ломтиковъ можно употреблять куски марли, намазанные медомъ съ пивомъ или мазать медомъ каждый вечеръ заборы и стволы деревьевъ съ западной стороны и обходить, какъ сказано выше, имѣя, конечно, сачекъ наготовѣ для болѣе пугливыхъ бабочекъ. *Третій* способъ—ловля на свѣтъ. Берутъ фонарь

съ сильнымъ рефлекторомъ и ходить съ нимъ по лѣснымъ дорогамъ, ловя бабочекъ, привлеченныхъ свѣтомъ, сачкомъ можно ихъ ловить также, поставивъ яркую лампу на балконѣ или на открытое окно съ подвѣтренной стороны, а въ глубинѣ комнаты другую лампу на столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью.

Пересылка бабочекъ производится такимъ образомъ. Дѣлаютъ изъ толстаго картона много коробокъ длиною 6 вершковъ и шириною въ 3 вер., а высотой 1 вершокъ. Дно оклеиваютъ пробкой, которую сверху прикрываютъ тонкимъ слоемъ ваты, прикрѣпивъ ее булавочками.

Въ такія коробки, выгадывая мѣсто, вкалываютъ бабочекъ, стараясь глубже воткнуть булавки въ пробку, но такъ, чтобы бабочки не соприкасались, а слегка касались нижней стороной ваты. При вкалываніи болѣе всего *нужно беречь усики*, безъ которыхъ бабочки никуда не годятся. Подъ каждой булавкой подъ мотылькомъ, не касаясь его, должна быть наколота маленькая бумажка съ надписью мѣсяца ловли и мѣстности гдѣ поймана:—безъ этихъ данныхъ бабочки *тоже не годятся*. Если цѣлая коробка наполнена бабочками изъ одной и той же мѣстности, то ярлычекъ съ названіемъ мѣстности можно наклеить сверху коробки, а на булавкахъ только мѣсяць поймки.

Коробки съ собранными такимъ образомъ мотыльками заклеиваются со всѣхъ сторонъ полосками бумаги и складываются въ общій деревянный ящикъ такъ, чтобы коробки находились внутри ящика, окруженные плотно со всѣхъ сторонъ древесными стружками, комканой соломой, сѣномъ или мятой бумагой. Затѣмъ ящикъ заколачивается и сдается на почту. Все это производится для пересылки.

Что же касается расправленія крыльевъ для своей коллекціи, опредѣленія, систематики, устройства и храненія, то я объ этомъ не пишу здѣсь, но желающіе могутъ получить свѣдѣнія черезъ редакцію *).

Булавки могу выслать съ первой почтой и на всякій запросъ немедленно отвѣчу; точно также могу указать спеціальныя руководства и адреса фирмъ и обществъ, съ кѣмъ можно имѣть дѣло. Лица, пожелавшія заниматься собираніемъ жуковъ, могутъ отъ меня же получить руководство къ собиранію и адреса энтомологовъ для обмѣна и продажи.

На всѣ запросы лицъ, желающихъ заняться энтомологіей, мною будутъ съ готовностью даваться обстоятельныя отвѣты черезъ редакцію „Вѣстника Знанія“.

А. Смоликовъ.

*) См. также «Энциклопедическая Библіотека для самообразования» — „Руководство къ собиранію естественно-историческихъ коллекцій, и наблюденію природы“—приложеніе къ № 3 «Вѣстника Знанія».

Ю. А. Веселовскій.

Литературные отголоски.

„На новомъ мѣстѣ“ Н. Хотымскаго.—„Баба“ историческая драма г-жи И. Гриневской.—Памяти Раффи, армянскаго борца за свободу.

Неужели все это возможно? Неужели есть такіе благословенные уголки, гдѣ такъ просто, хорошо, человѣчно разрѣшаются тѣ самые вопросы, которые у насъ, въ большихъ центрахъ, все еще вызываютъ толки, споры, ожесточенную полемику?.. Или, быть можетъ, это только — привлекательный миражъ, заманчивая идиллія, не соответствующая безотрадной, неприкрашенной дѣйствительности?..

Такія мысли невольно приходили мнѣ въ голову, когда я читалъ напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» очеркъ Н. Хотымскаго «На новомъ мѣстѣ», изображающій весьма оригинальную обстановку и отнюдь не шаблонныхъ людей. Сибирскіе крестьяне—евреи, съ давнихъ поръ жившіе среди русскихъ и въ самомъ тѣсномъ общеніи съ ними, — вотъ типъ, о которомъ мы до сихъ поръ не имѣли понятія! Что всего любопытнѣе, это—отношеніе къ нимъ мѣстнаго деревенскаго люда, который, въ изображеніи автора, совершенно лишенъ нетерпимости, антисемитическихъ замашекъ, расовой вражды и ненависти. Крестьяне видятъ въ односельчанахъ—евреяхъ своихъ же братьевъ, только исповѣдующихъ другую вѣру! Когда еврея Кормана, судившагося по обвиненію въ поджогѣ и сосланнаго на поселеніе, приводятъ вмѣстѣ съ женою и дѣтьми въ село Тюменцево, крестьяне рѣшаютъ, что всего лучше помѣстить этихъ робкихъ, запуганныхъ людей у „дяди Левонтія“, такъ какъ у него просторная изба, и онъ охотно пріютитъ поселенцевъ. И, вотъ, мы не безъ удивленія узнаемъ, что этотъ „дѣдъ Левонтій“ называется, собственно говоря, Леонтіемъ Григорьевичемъ Винеромъ и по вѣроисповѣданію—еврей! Бѣдный Корманъ, съ ужасомъ думавшій о своемъ пребываніи въ Сибири,

чуть не сходить съ ума отъ радости, узнавъ, что у него есть въ этой глуши соплеменникъ и единовѣрецъ! Правда, между Корманомъ, который по вѣншнему облику является типичнымъ „польскимъ евреемъ“ и плохо говорить по-русски, и дядей Левонтиемъ, который ходитъ „въ синей поддевкѣ, поверхъ красной рубахи на выпускъ“ и въ большой бобровой шапкѣ, лучше знаетъ русскій языкъ, чѣмъ еврейскій, и никогда не выѣзжалъ изъ Сибири, съ перваго взгляда можно найти очень мало общаго... Братья Винеры чувствуютъ себя чистокровными сибиряками и пользуются большимъ уваженіемъ мѣстнаго крестьянства.

„Национальность братьевъ никакой роли въ деревнѣ не играла. *Вѣрнѣе, о томъ, что Винеры—евреи, никто и не думалъ.* Одинъ былъ справный мужикъ Василь Григорычъ, другой, мужикъ единственный, дядя Левонтій. Не только Левонтія, не имѣвшаго недоброжелателей за свое добродушіе, мирный нравъ и адское трудолюбіе, но даже Василія, у котораго были враги, особенно среди богатѣевъ, никогда не попрекали и не указывали ему на его еврейство. Если случалось Василю совершить какую нибудь ловкую, не безъ доли лукавства или прижимки операцію съ хлѣбомъ, выгодно купить или продать, то это ему въ упрекъ не ставилось, наоборотъ, проникались еще большимъ уваженіемъ къ „сурьезности“, т. е. къ уму „Василь Григорыча“. По наружности также ничто не говорило о національности братьевъ. Одѣвались они, какъ всѣ, рѣчь была чисто русская, вѣрнѣе—сибирская. Такъ же одинаковы были распорядки ихъ домовъ, весь укладъ ихъ жизни“.

Въ одномъ только отношеніи Винеры не похожи на своихъ односельчанъ: они свято соблюдаютъ предписанія своей религіи, праздники, посты, обряды. Дядя Левонтій не начнетъ полевой работы, не произнесетъ установленной молитвы. Въ пятницу вечеромъ его домъ превращается во что то въ родѣ синагоги, гдѣ совершается домашнее богослуженіе. Если въ село попадаютъ, въ силу тѣхъ или другихъ превратностей судьбы, „російскіе“ евреи, они тоже присутствуютъ на этомъ богослуженіи, хотя молятся не совсѣмъ такъ, какъ ихъ сибирскіе единовѣрцы, живущіе въ сторонѣ отъ остального еврейства. Наиболее важные еврейскіе праздники справляются особенно торжественно; но, какъ только они проходятъ, обычные работы возобновляются съ еще большимъ рвеніемъ, и „дядя Левонтій“, „тетка Настасья“ и ихъ родные опять становятся обыкновенными сибирскими крестьянами, тѣсно связанными съ землею и любящими ее...

Какъ же относятся русскіе крестьяне къ религіознымъ вѣрованіямъ такихъ лицъ, какъ Винеры? Ихъ отношеніе настолько характерно и трогательно, что изъ-за него одного стоило начать бесѣду о разсказѣ господина Хотымскаго. Если вѣрить автору, сибирскіе евреи-поселяне видятъ со стороны мѣстнаго русскаго крестьянства полную терпимость, глубокое уваженіе къ тому, что имъ близко и дорого, отсутствіе какого либо предубѣжденія противъ еврейской вѣры. Только посторонніе люди, пріѣзжающіе по дѣламъ, высказываютъ нѣкоторое удивленіе по поводу того, что у дяди Левонтія въ избѣ нѣтъ образа. „А гдѣ у васъ Богъ-отъ? Что-то не найду“... Но и то, стоитъ хозяевамъ лаконически объяснить: „Мы евреи“, и пріѣзжій, произнеся: „А-а! То-то“, крестится безъ образа и затѣмъ уже здороваются съ ними. Мѣстные крестьяне, хорошо знающіе братьевъ, выказываютъ живой интересъ къ ихъ вѣрѣ, хотя она совершенно чужда имъ. Видя, какъ дядя Левонтій сидитъ въ пятницу вечеромъ передъ своимъ домомъ на дереянномъ обрубѣ, проходящіе мимо мужики каждый разъ спрашиваютъ его: „Шабашуешь, дядя Левонтій“;

присоединяя къ этому комплиментъ по адресу его жены: „А тетка Настасья нынче рано управилась, до звѣзды; молодецъ она у тебя!“ Всѣ они обязательно являются „проздравлять“ Винеровъ съ еврейской Пасхой...

Всѣ ритуальные особенности еврейства принимаются жителями села Тюменцева безъ возраженій, или, по крайней мѣрѣ, въ очень рѣдкихъ случаяхъ обсуждаются и комментируются, безъ всякой злобы или издѣвательства. Баба-сосѣдка соглашается въ субботу подоить коровъ тетки Настасьи, зная, что послѣдняя считаетъ грѣхомъ работу въ подобный день. Очень деликатно относятся крестьяне и къ вопросу о пищѣ, дозволенной для правовѣрнаго еврея.

„Когда Леонтій приходилъ въ гости къ мужикамъ, его мясомъ не потчивали.

— Ужъ мы тебѣ, Григорьичъ, мяса-то не тово... знаемъ, что нельзя. Развѣ курятины вотъ, поди, можно?

— Покорнѣйше благодарю,—никакъ невозможно!

— Ну, такъ рыбки пожалуйста, а то шанежку съ черемушкой. А отчего это, скажи на милость, Григорьичъ, нельзя? Примѣрно, вотъ курица, или, скажемъ, цыпленокъ, какъ ты его ни зарѣжь, все единственно цыпленкомъ будетъ,—резонерствовалъ радушный хозяинъ.

— А это, вишь ты, надо безпремѣнно, чтобы такой человѣкъ рѣзалъ, который, значить, тово... шойхетъ... по книгамъ знаетъ,—объяснилъ Леонтій.

— А-а! Ученый, значить,—догадывался резонеръ.

— Ну, а кроме того, старики наши такъ дѣлывали, а намъ чего же? Сказано: нельзя,—ну и нельзя!—добавлялъ Леонтій, чувствуя, что первое объясненіе мало убѣдительно“.

Я долго бы не кончилъ, если бы захотѣлъ привести всѣ примѣры терпимости и гуманнаго отношенія простыхъ крестьянъ къ иновѣрцамъ, которые попадаютъ въ очеркъ „На новомъ мѣстѣ“. Развѣ не характерно, напримѣръ, то почтеніе, которое вызываетъ у деревенскаго люда субботняя служба въ „импровизированной синагогѣ“, устроенной братьями Винерами?

„Цѣлый день въ синагогу заходятъ группами мужики. Они на цыпочкахъ пробираются черезъ „бабью половину“ и, остановившись въ дверяхъ, внимательно и серьезно наблюдаютъ, а выходя — дѣлятся впечатлѣніями.

— Хорошо молятся,—одобрительно отзывается одинъ.

— Что-жъ, такъ и слѣдуетъ; *каждый, значить, по своему.*

— А бабы-то, бабы какъ плачутъ, страсть! — говоритъ третій и, придя домой, обращается къ своей женѣ:

— Подь-ка Митревна, посмотри, какъ у Василь Григорьича молятся. Бабы плачутъ, страсть! Настасья Абрамовна такъ и разливается.

— Ну-у! — съ живѣйшимъ любопытствомъ отзывается Митревна и, накинувъ на голову платокъ, бѣжитъ смотрѣть. Она также входитъ на цыпочкахъ, но только въ женскую половину, останавливается у косяка, и, глядя, какъ горько и искренно „разливаются бабы“, у Митревы самой слезы навертываются на глаза“...

Читаешь подобныя строки, и „вѣрится съ трудомъ“. Не странно ли, что первобытные, близкіе къ природѣ, обитатели сибирскаго села, оказываются, болѣе проникнуты идеями гуманности и терпимости, чѣмъ многіе изъ насъ?.. Въ то время, какъ намъ приходится такъ часто сталкиваться съ проявленіями племенной вражды и въ частности — самаго дикаго и пошлаго антисемитизма, проникающаго на столбцы газетъ и развращающа-

шимъ образомъ дѣйствующаго на публику, въ захолустномъ Тюменцевѣ какой-то дядя Егоръ, Митревна, тетка Агафья живутъ въ мирѣ и согласіи съ евреями, не касаясь ихъ вѣрованій и обычаевъ, придерживаясь того взгляда, что „каждый, значить, по своему“!.. Между тѣмъ, всѣ эти ожесточенныя нападки на евреевъ такъ охотно мотивируются заботою объ этомъ же самомъ деревенскомъ людѣ, который будто бы надо охранять отъ еврейской эксплуатаціи, защитить отъ его исконныхъ враговъ...

Быть можетъ, въ этомъ своеобразномъ разсказѣ есть извѣстная доля преувеличенія, идеализаціи, оптимизма? Это, конечно, вполне допустимо! Что-то ужъ слишкомъ хороша и привлекательна та картина, которую набрасываетъ авторъ. Мы не избалованы столь отрадными впечатлѣніями! Но, признаюсь, мнѣ отъ души хотѣлось бы, чтобы все, написанное тамъ, было чистою правдою... Послѣ всѣхъ грубыхъ проявленій челоѣконенавистничества, которыя мы видимъ вокругъ себя, невольно отдыхаешь душою, слыша о подобныхъ оазисахъ, гдѣ въ каждомъ челоѣкѣ видятъ, прежде всего, челоѣка, гдѣ еще не додумались до ожесточенной травли и низкихъ инсинуацій. Люди, отстаивающіе въ нашей средѣ идеалы терпимости и безпристрастія, нерѣдко выносящіе за это нападки и издѣвательство, съ особымъ удовольствіемъ узнаютъ, что у нихъ оказались неожиданные сотрудники и единомышленники, въ лицѣ захолустныхъ сибирскихъ крестьянъ... Вѣра въ то, что такіе уголки, какъ село Тюменцево, все же существуютъ въ предѣлахъ нашего обширнаго отечества, можетъ дать намъ новую силу для энергичной дѣятельности и отстаиванія гуманныхъ идеаловъ...

Изъ сибирскаго захолустья, гдѣ живутъ и работаютъ дядя Левонтіи и Василь Григорьичъ, перенесемся теперь въ другой уголокъ Азіи,—въ залитую палящимъ солнцемъ Персію, гдѣ происходитъ дѣйствіе исторической драмы г-жи И. Гриневской, «Баба». Переходъ будетъ въ данномъ случаѣ далеко не такъ рѣзокъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда! Тотъ гуманный духъ, который мы только что отмѣтили въ очеркѣ г-на Хотымскаго, не такъ ужъ далекъ отъ идейнаго содержанія той проповѣди, съ которою въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка обратился къ народу персидскій мечтатель и реформаторъ Баба. Это былъ безусловно выдающійся челоѣкъ, который былъ вѣщою головою выше своихъ современниковъ, исповѣдывалъ такіе идеалы, до которыхъ еще не доросла его эпоха, призывалъ къ обновленію,—и долженъ былъ поплатиться за это жизнью. Сынъ такой страны, гдѣ полновластно держится чиновначіе и угнетеніе слабого сильнымъ, онъ говорилъ о равенствѣ и братствѣ всѣхъ людей. Воспитанный въ духѣ Ислама, онъ выступилъ съ такимъ идеальнымъ, очищеннымъ спиритуалистическимъ толкованіемъ этого ученія, что его, естественно, должны были счесть еретикомъ и «мечтателемъ опаснымъ»... Фанатизмъ, исключительность, нетерпимость, властолюбіе были совершенно чужды ему. Онъ не хотѣлъ изображать изъ себя какого-то свежестественнаго существа, каждое слово котораго являлся незыблемою истиною. Онъ дошелъ своимъ умомъ, съ помощью уединенныхъ размышленій, экстазовъ, тяжелой внутренней борьбы до тѣхъ истинъ, которыя онъ хотѣлъ повѣдать народу... Но, когда его почитатели и послѣдователи хотѣли видѣть въ немъ посланника Небесъ, онъ отклонялъ отъ себя неподобающую честь, напоминая о томъ, что онъ такой же челоѣкъ какъ и всѣ!

Если пьеса г-жи Гриневской будетъ поставлена на сценѣ, наша публика услышитъ много благородныхъ, идеальныхъ рѣчей. Вся роль Баба представляетъ въ этомъ случаѣ выдающійся интересъ, и тѣ сцены, въ которыхъ онъ появляется, производятъ сильное захватывающее впечат-

лѣніе. Наше вниманіе невольно привлекаетъ и красивая, даровитая, восторженная дѣвушка, которая горячо любитъ молодого проповѣдника и любима имъ,—хотя его любовь носить вполне идеальный характеръ, совершенно свободна отъ примѣси чувствительности. Въ любимой дѣвушкѣ Бабъ хочетъ, прежде всего, найти помощницу, подругу, единомышленницу, способную вмѣстѣ съ нимъ работать на пользу массы. Недаромъ онъ обращается къ ней съ этими характерными словами:

Ты будешь матерью покинутыхъ судьбою,
Ты будешь матерью усталыхъ бѣдняковъ,
Ты будешь матерью поверженныхъ бѣдою,
Ты будешь матерью болящихъ средѣ оковъ,
Ты будешь матерью всей Персіи несчастной!

Мы узнаемъ, что и раньше эта оригинальная дѣвушка проявляла стремленіе къ независимости и развитію; она старалась больше читать, думать о прочитанномъ, томилась въ тискахъ этикета и устарѣвшихъ житейскихъ правилъ, мечтала о какой-то новой, благородной и осмысленной жизни, вызывая удивленіе и негодованіе окружающей среды. Стоило любимому ея человѣку сдѣлаться проповѣдникомъ новаго ученія, борцомъ съ рутинною и несправедливостію,—и она тотчасъ же становится его послѣдовательницею, не боится ни гнѣва отца, ни вѣшняго давленія, открыто заявляетъ о своемъ сочувствіи Бабу и распространяетъ его идеи среди своихъ подругъ. Когда Бабъ въ энергичныхъ выраженіяхъ протестуетъ противъ гаремнаго затворничества, требуетъ, чтобы женщины предоставлено было право свободно развиваться и выражаетъ пожеланіе, чтобы «постылая чадра» не скрывала болѣе ея лица, такъ какъ она должна «цвѣсти и зрѣть, какъ роза, подъ синею небесъ»,—дѣвушка смѣло сбрасываетъ съ себя покрывало въ присутствіи громадной толпы, еще не успѣвшей свыкнуться съ подобнаго рода новшествами, восклицая:

Я здѣсь передъ тобой, я здѣсь безъ покрывала
Предъ дверью истины послушная стою...
Чадру, что до сихъ поръ черты мои скрывала,
Бросаю навсегда ее, чадру мою!!

Охваченная энтузіазмомъ, освободившись отъ послѣднихъ отголосковъ робости и страха, она рѣшаетъ—не ограничиваться своимъ единичнымъ протестомъ, но увлечь за собою другихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, возвѣстивъ имъ этотъ призывъ къ возрожденію и эмансипаціи:

Изъ дома въ домъ пойду, и рѣчь, что отзвучала,
Я сестрамъ расскажу... имъ силы въ грудь волю!
Томящимся въ стѣнахъ, покинутымъ, забытымъ
Слова покажутся росой въ знойный день,
Путемъ ихъ поведу, надеждою увитымъ,
Подъ сѣнь святой любви и вѣры вѣчной сѣнь...
О Бабъ! на подвигъ мой маѣ дай благословеніе!

Одна сторона проповѣди персидскаго моралиста и мечтателя такимъ образомъ уже выяснилась для насъ. Онъ отстаиваетъ права женщины, хочетъ, чтобы въ ней видѣли подругу, помощницу, украшеніе жизни, а не безгласную рабыню. Въ одномъ случаѣ онъ отваживается возстать противъ многоженства, весьма искусно доказывая, что оно было допущено только, какъ неизбежное зло, но что по точному смыслу ученія самого Магомета, если кто можетъ довольствоваться одной женою, это не только разрѣшается, но даже признается желательнымъ. На чей то вопросъ, какъ нужно обращаться съ согрѣшившею женою, онъ отвѣчаетъ призывомъ къ милосердію, великодушію, гуманности; суровыя мѣры, угрозы, наказанія

тутъ не помогутъ; только любовь и прощеніе совершаютъ чудеса. Самъ Бабъ, не требуя того же отъ другихъ, считаетъ для себя обязательнымъ строгое цѣломудріе; въ отвѣтъ на страстные, безсвязныя, порывистыя рѣчи любимой дѣвушки, которая сейчасъ же готова стать его супругой или послушной рабой, онъ говоритъ о духовномъ союзѣ, о свиданіи въ лучшемъ мірѣ. Возстаетъ онъ и противъ всего, «чѣмъ люди одурманиваются», призывая народъ—не злоупотреблять кофе и табакомъ, соблюдать воздержаніе и трезвость... Странное дѣло,—эта часть его проповѣди вызываетъ необыкновенное негодованіе въ кругу проверженцевъ старины и дѣдовскихъ обычаевъ: они возмущены тѣмъ, что молодой энтузіастъ отрицаетъ привычки и складъ жизни, унаслѣдованные отъ предковъ, и рискуетъ разорить Персію, которая такъ богата табачными плантаціями!

Да и вообще—можетъ ли окружающая среда вполне понять и оцѣнить Баба?... У него находится много сторонниковъ и почитателей только въ народной средѣ, смутно разгадавшей гуманный, демократическій и независимый характеръ его ученія, хотя и толкующей подчасъ его мысли совершенно произвольно. Но болѣе состоятельные классы и представители власти, за немногими исключеніями, относятся къ нему съ недовѣріемъ и враждою. Бабъ говоритъ, что передъ Богомъ всѣ равны, что въ этомъ случаѣ не имѣютъ никакого значенія богатства, титулы, важныя мѣста, древнее происхожденіе; это кажется необыкновенно вреднымъ, губительнымъ заблужденіемъ; его спрашиваютъ, неужели онъ серьезно думаетъ что «міра средоточіе—шахъ и жалкій гебръ, всѣ равны безъ изытій?» Та смѣлость, съ которою онъ проповѣдуетъ свои идеи, также кажется его врагамъ предосудительною и неслышанною. Боятся они и той популярности, которою все болѣе пользуется проповѣдникъ въ средѣ простыхъ, непритязательныхъ, скромныхъ людей, считающихъ его своимъ другомъ и защитникомъ. Его обвиняютъ въ томъ, что онъ самъ назвалъ себя *Бабомъ*, т. е. «дверью истины», тогда какъ въ дѣйствительности онъ всегда старался, наоборотъ, убѣдить своихъ послѣдователей въ томъ, что онъ только — «Господень смиренный, жалкій рабъ».

Мы чувствуемъ, что молодому проповѣднику грозитъ серьезная опасность. Еще болѣе вредитъ ему нѣкоторые его сторонники, по своему понявшіе смыслъ его ученія. Его слова о равенствѣ всѣхъ людей они толкуютъ въ смыслѣ необходимости социальной революціи, которая уравнивала бы между собою всѣ сословія, отняла бы у богатыхъ людей неправильно нажитыя ими состоянія, пришла бы на помощь бѣднякамъ и пасынкамъ судьбы. Одна изъ самыхъ эффектныхъ сценъ въ драмѣ — тайное собраніе «бабидовъ», во время котораго произносятся громовыя рѣчи, съ угрозами и проклятіями, при чемъ нѣкоторые вожди движенія призываютъ народъ вернуть себѣ свои права съ помощью насилія и грабежа, вступить въ борьбу съ богатымъ классомъ и вообще — со всѣми, кто его угнетаетъ, «водрузить знамя Баба надъ цѣлымъ міромъ». Когда является стража, чтобы разогнать собравшихся, происходитъ кровопролитная стычка; бабидовъ гораздо больше числѣмъ, поэтому они одерживаютъ верхъ надъ противниками и покрываютъ землю ихъ трупами. Бабъ не присутствуетъ на этомъ ночномъ совѣщаніи, весь отдавшись уединеннымъ мечтамъ о благѣ людей. Онъ приходитъ къ самому концу, никѣмъ не замѣченный, слышитъ воинственные, дышащіе ненавистью рѣчи послѣднихъ ораторовъ, затѣмъ становится свидѣтелемъ кровопролитія. Слезы льются изъ его глазъ, когда онъ видитъ эти трупы и убѣждается въ томъ, какую окраску получило его ученіе, проповѣдовавшее только миръ, любовь, братство, смягченіе

нравовъ, — въ устахъ голодныхъ озлобленныхъ и обездоленныхъ людей, утратившихъ послѣднюю надежду..

Браги Баба, конечно, считаютъ его вполне солидарнымъ съ устроителями этой демонстраціи, которая навела страхъ на болѣе состоятельные классы и встревожила правовѣрныхъ мусульманъ. Его требуютъ къ отвѣту, допрашиваютъ, стараются сбить коварными и запутанными вопросами, взводятъ на него различныя обвиненія. Судьба его рѣшена заранее, — хотя онъ отвѣчаетъ съ достоинствомъ и сознаниемъ своей правоты, подтверждая то, что онъ, дѣйствительно, говорилъ и рѣшительно опровергая клеветы и злостныя толкованія. Ему грозитъ смертная казнь. Онъ можетъ спасти свою жизнь только цѣною отреченія отъ всего, чему онъ самъ училъ. Но, конечно, онъ не подпишетъ той бумаги, которая уже приготовлена на этотъ случай и содержитъ въ себѣ проклятіе тому, чему онъ всегда поклонялся!.. Народъ пытается его освободить, грозитъ его мучителямъ, хочетъ силою отбить у нихъ самого Бабу и его ближайшихъ учениковъ. Но старанія толпы оказываются безплодными, не потому, чтобы ей не хватало силъ и воодушевленія, но потому, что Баба, въ значительной степени сторонникъ «непротивленія злу», рѣшительно возстаетъ противъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій своихъ друзей, покоряется своей судьбѣ, здраво и трезво относится къ смерти, говоритъ о лучшей жизни и будущемъ царствѣ правды и любви на землѣ.. Въ послѣднемъ актѣ мы узнаемъ, что наемные солдаты только-что разстрѣляли молодого энтузіаста. Такъ погибаетъ человекъ, искренно желавшій внести свѣтъ, разумъ и гуманность въ темный, замкнутый магометанскій міръ, — безкорыстный и полный любви къ людямъ мечтатель, дѣятельность котораго мы такъ мало знаемъ, хотя въ ней есть поучительныя, всѣмъ понятныя и симпатичныя стороны, проповѣдникъ обновленія, промелькнувшій на тускломъ небосклонѣ родной жизни какъ «волшебная звѣзда», которой суждено рано угаснуть..

За пять лѣтъ до того момента, когда начинается пьеса г-жи Гриневской, въ той же Персіи, точнѣе: въ Персидской Арменіи, въ окрестностяхъ Урійскаго озера, родился одинъ замѣчательный дѣятель, — принадлежавшій, правда, къ другому народу, вѣроисповѣданію, общественному классу, — со дня смерти котораго эту весною исполнилось пятнадцать лѣтъ. Съ особымъ волненіемъ берусь я за перо, чтобы обрисовать, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, творчество этого человека, вся дѣятельность котораго была сплошнымъ призывомъ къ обновленію, протестомъ противъ мрака и сна. Мнѣ вспоминается ранняя юность, когда впервые мною прочитаны были въ подлинникѣ или переводѣ, эти боевыя полныя энтузіазма, въ истинномъ смыслѣ слова — идейныя произведенія. Посвященные чужому народу, язвамъ и недугамъ мало знакомой жизни, они все же невольно привлекали вниманіе, наводили на много думъ, вызывали какое-то особенно бодрое, приподнятое, дышавшее вѣрою въ жизнь настроеніе.. Отъ нихъ вѣяло непоколебимое убѣжденностью, честными и независимыми взглядами, любовью къ своему народу и сочувствіемъ европейской культурѣ.. И такъ хотѣлось тогда вѣрить вмѣстѣ съ ихъ авторомъ, замѣтите, — написавшемъ свои лучшія вещи не на зарѣ молодости, а въ то время, когда ему шель уже пятый десятокъ, — вѣрить въ то, что, рано или поздно, добро и правда восторжествуютъ, и возмутительная жестокость отойдетъ въ область преданія.. Прошли годы, время взяло свое, болѣе трезвое и спокойное отношеніе вступило въ свои права, многія иллюзіи

разбиты,—но прежнее очарованіе все еще держится, прочтенныя когда-то страницы и теперь не могут быть перечитаны вполнѣ равнодушно.

Имя этого писателя... но я боюсь, что оно ничего не скажетъ вамъ,—такъ мало мы слѣдимъ за литературою и умственною жизнью народовъ, живущихъ въ тѣсномъ общеніи съ нами, развивающихся отчасти подъ вліяніемъ нашей культуры, иногда нуждающихся въ поддержкѣ и ободреніи со стороны нашего интеллигентнаго класса. . Только очень немногимъ знакомо у насъ имя Раффи (псевдонимъ Мелисъ-Акопяна), талантливаго и убѣжденнаго армянскаго писателя, который увлекъ и воодушевилъ когда то своими произведеніями наиболѣе отзывчивую и чуткую часть народа, формулировалъ то, что у всѣхъ наболѣло на душѣ, былъ вдохновителемъ молодого поколѣнія. Между тѣмъ, онъ уже не является, въ сущности, новичкомъ для русской публики; 10—15 вещей, цѣликомъ или въ отрывкахъ, были въ разное время переведены по русски—эти переводы были напечатаны въ «Русской Мысли», «Мирѣ Божіемъ», «Кавказскомъ Вѣстникѣ», «Новомъ Обзорѣніи», «Волжскомъ Вѣстникѣ», «Приазовскомъ Краѣ», нѣкоторыхъ сборникахъ. Первая русская статья о Раффи (г-жи Е. Некрасовой) была напечатана еще въ 1892 году. Сочиненія армянскаго писателя переводились также по французски и по нѣмечки. И все же, если я скажу, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ безусловно выдающимся, что пятнадцатилѣтіе со дня его смерти заслуживало быть отмѣченнымъ и въ русской печати, подобное утвержденіе можетъ показаться слишкомъ смѣлымъ и парадоксальнымъ...

Тѣмъ не менѣе, я не отказываюсь отъ своихъ словъ. Мнѣ думается, что болѣе близкое знакомство съ такими «иностранцами» писателями, какъ Раффи, заставило бы нашу интеллигенцію проникнуться уваженіемъ къ энергіи, выдержкѣ и благимъ намѣреніямъ людей, стремившихся, прежде всего, сдѣлать своихъ соплеменниковъ культурными европейцами, развить у нихъ чувство собственнаго достоинства, оказать поддержку и принести осязательную пользу наиболѣе симпатичнымъ и полнымъ жизненныхъ силъ слоямъ народа. Не легка была та задача, которую брали на себя, въ частности, армянскіе прогрессисты!.. Имъ приходилось работать для общества, которое еще очень недавно, сравнительно, стало пробуждаться отъ многовѣкового сна и мечтало о лучшемъ будущемъ. Старая партія, сторонники всего неизбѣжнаго и традиціоннаго, конечно, относились несочувственно ко всей ихъ дѣятельности, склонны были имъ вредить, тормазя всѣ ихъ начинанія. Матеріальное положеніе большинства писателей и публицистовъ всегда было по-истинѣ ужасно; имъ не только нельзя было никогда жить своимъ перомъ, но многіе изъ нихъ выносили форменную нищету, должны были брать за самыя неподходящія, прозаическія занятія, чтобы не умереть съ голоду, или пользоваться, скрѣпя сердце, общественною благотворительностью. Прибавьте къ этому независимыя обстоятельства, а также то обидное, вызванное національными предразсудками отношеніе, которое даже самые передовые, культурные дѣятели встрѣчали иногда со стороны нашей большой публики, видѣвшей въ нихъ вопреки всему, только «армяшекъ» съ извѣстнымъ лоскомъ,—и мученичество армянскаго литератора будетъ, кажется, исчерпанъ. Согласитесь, что идти на все это можетъ только глубоко убѣжденный человѣкъ, съ задатками борца, проповѣдника и просвѣтителя!

Однимъ изъ такихъ людей былъ Раффи. Онъ узналъ на личномъ опытѣ всѣ неприглядныя, трагическія стороны участи армянскаго писателя. Ему не удалось кончить гимназическій курсъ въ Тифлисѣ, потому что его отецъ потребовалъ, чтобы юноша помогалъ ему въ торговыхъ дѣлахъ;

только съ помощью самообразованія, усерднаго и разносторонняго чтенія ему удалось, съ теченіемъ времени, расширить свой умственный кругозоръ, восполнить главные пробѣлы... Когда впослѣдствіи Раффи захотѣлъ вѣдѣло отдаться литературной работѣ, это рѣшеніе встрѣтило весьма существенныя препятствія, показалось чѣмъ-то страннымъ, небывалымъ. Довольно долго ему приходилось прибѣгать къ добавочнымъ заработкамъ, безъ которыхъ невозможно было прожить, но которые не могли, конечно, доставить ему настоящаго удовлетворенія. Онъ давалъ уроки за ничтожную плату, служилъ одно время приказчикомъ, подобно тому какъ другіе армянскіе писатели поневолѣ бывали бухгалтерами, телеграфистами, открывали даже колоніальныя лавки... которыя, конечно, шли очень плохо. Только ближе къ концу своей жизни, Раффи, поселившійся въ Закавказьѣ, получилъ возможность сдѣлаться армянскимъ литераторомъ *по профессіи*... Къ этому времени его слава окончательно упрочилась, его мѣсто среди дѣятелей новѣйшей армянской словесности выяснилось для наиболѣе отзывчивой и интеллигентной части публики.

Мнѣ вспомнились сейчасъ рассказы очевидцевъ о той внушительной знаменательной картинѣ, какую представляли собою похороны Раффи, происходившія въ апрѣлѣ 1888 года. Все армянское населеніе Тифлиса принимало участіе въ торжественныхъ проходахъ въ мѣсто вѣчнаго упокоенія праха любимаго писателя. Каждый выражалъ свое горе, какъ умѣлъ. Передъ многими домами горѣли на столахъ свѣчи. Розовыя ленты были перекинута съ одной стороны улицы на другую. Кое-гдѣ на особыхъ щитахъ написаны были названія лучшихъ вѣшей Раффи. Его свѣжая могила въ короткое время покрылась цѣлою горою вѣнковъ. Но еще важнѣе и интереснѣе былъ чисто народный характеръ этихъ похоронъ. Не одна интеллигенція, не замкнутыя группы почитателей участвовали въ этой скорбной и сочувственной манифестаціи, которая въ настоящее время, быть можетъ, не могла бы имѣть мѣста. За гробомъ Раффи можно было видѣть простыхъ, скромныхъ тружениковъ, бѣдно одѣтыхъ тифлисскихъ «кинто», мастеровыхъ, рабочихъ, которые оцѣнили дарованіе и благородныя убѣжденія романиста и желали принять участіе въ общенациональномъ горѣ... Такимъ образомъ, на долю Раффи выпала завидная участь, о которой напрасно мечтаютъ многіе изъ нашихъ литераторовъ: приобрести любовь массы, найти «читателя-друга» въ самыхъ широкихъ и разнообразныхъ слояхъ общества.

Чѣмъ же вызвана была эта рѣдкая популярность, этотъ единодушный трауръ? Несомнѣнно, прежде всего, тѣми романами и повѣстями, въ которыхъ Раффи затрагивалъ тяжелую участь турецкихъ армянъ. Этими произведеніями не исчерпывается, конечно, все его творчество. Изъ-подъ его пера выходили иногда рассказы и очерки этнографическаго и бытового характера, воспроизводившіе, большей частью—по личнымъ воспоминаніямъ автора народную жизнь, въ частности—персидскую, со всѣми ея характерными особенностями, обычаями, нравами, повѣрьями. Въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ онъ протестуетъ противъ старыхъ предрассудковъ и отжившихъ свой вѣкъ воззрѣній, которыя уцѣлѣли въ родной жизни, или обрисовываетъ темныя стороны купческаго класса, служившія иногда отъявленнымъ «армянофобамъ» желаннымъ матеріаломъ для пренебрежительныхъ или враждебныхъ отзывовъ обо всемъ народѣ, хотя, въ частности, армянская интеллигенція съ гораздо большею мѣткостью и знаніемъ дѣла оцѣнивала этотъ общественный слой по достоинству.

Но, когда Раффи начинаетъ изображать положеніе турецкихъ армянъ, мы чувствуемъ, что онъ болѣе, чѣмъ когда либо, находится въ своей

стихи... Онъ пишетъ горячо, съ увлеченіемъ, точно спѣшить подѣлиться съ читателями своимъ негодованіемъ, горемъ, смутными надеждами на будущее, такъ какъ его сердце переполнилось, и онъ можетъ задохнуться, не высказавъ всего, что его волнуетъ. Онъ рассказываетъ о печальной, обездоленной странѣ, которая по своимъ природнымъ даннымъ могла бы быть счастлива, а между тѣмъ постоянно оглашается стонами. Въ повѣстяхъ «Джалаледдинъ», «Хентъ», въ двухтомномъ идейномъ романѣ «Искры» Раффи переноситъ насъ въ атмосферу грабежей, поборовъ, вооруженныхъ нападеній, насилія надъ женщинами, издѣвательства надъ религіей, жестокихъ пытокъ. Мы видимъ, какъ мирный, трудящійся народъ становится жертвою эксплуатаціи со стороны турецкихъ чиновниковъ, жертвою дикихъ набѣговъ курдскихъ шаекъ... Мы видимъ, какъ армяне, эти «европейцы въ Азіи», принуждены ежедневно дрожать за свою жизнь, ожидая все новыхъ поборовъ и насильственныхъ мѣръ. Съ особымъ сочувствіемъ говоритъ Раффи о народномъ классѣ, которому, естественно, живется всего хуже, который не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что послѣ жатвы у него не отнимутъ всего хлѣба, имъ собраннаго, и принужденъ иногда одѣвать дѣвочекъ и молодыхъ дѣвушекъ въ мужское платье, чтобы только избавить ихъ отъ участи—быть похищенными для какого нибудь гарема! Всѣ эти грустныя, трагическія темы, отразившіяся въ армянской народной поэзіи, положившія свой отпечатокъ и на армянскую беллетристику, съ момента ея зарожденія, рѣдко были разработаны съ такимъ реализмомъ и благороднымъ негодованіемъ, какъ мы это видимъ у Раффи. Вспомнимъ, что его лучшія вещи созданы подъ вліяніемъ войны 1877—1878 гг., пробудившей въ извѣстной части армянской интеллигенціи бодрое настроеніе и радужныя надежды. Предпринятая Россіей война за освобожденіе балканскихъ христіанъ позволяла надѣяться на то, что и положеніе турецкихъ армянъ, выносившихъ такія же преслѣдованія и мученія, какъ и болгары, будетъ измѣнено къ лучшему. Подъ вліяніемъ этихъ надеждъ и новыхъ вліяній въ общественной жизни написалъ свои лучшія стихотворенія, дышавшія энтузіазмомъ, гуманностью и полемическимъ задоромъ, одинъ изъ главныхъ армянскихъ поэтовъ, Рафаэль Патканьянъ, многія вещи котораго переведены были порусски, а также на нѣкоторые западно-европейскіе языки. Общее увлеченіе захватило и Раффи, который и раньше, еще въ пору своихъ дѣловыхъ скитаній вмѣстѣ съ отцомъ по Турецкой и Персидской Арменіи, имѣлъ случай основательно изучить положеніе народа. Радужныя надежды и оптимистическія ожиданія вскорѣ увяли, не успѣвъ вполнѣ расцвѣсть, но романтистъ до конца своихъ дней остался вѣренъ своимъ взглядамъ, проводя ихъ даже въ своихъ историческихъ романахъ («Давидъ-бекъ», «Самуэлъ»), гдѣ очень часто можно найти отголоски современной дѣйствительности, перенесенные авторомъ въ Арменію и Персію четвертаго или восемнадцатаго вѣка.

Обрисовывая все то, что его соплеменники выносятъ подъ магометанскимъ владычествомъ, Раффи не хочетъ, однако, ихъ идеализировать; подчасъ онъ говоритъ имъ горькія истины. Онъ возмущается ихъ пассивностью, безсильными слезами и отсутствіемъ мужества и энергіи, неумѣніемъ отстаивать свои права. Ему хотѣлось бы, чтобы въ ихъ сердцахъ проснулось чувство собственнаго достоинства, стремленіе къ новой, болѣе разумной, культурной и обезпеченной жизни, вѣра въ свои силы и въ свое призваніе, жажда борьбы... Устами своихъ положительныхъ героевъ онъ постоянно высказываетъ тотъ взглядъ, что «счастливъ народъ, который умѣетъ ненавидѣть». Это восхваленіе *ненависти*, производящее, съ перваго взгляда, нѣсколько странное впечатлѣніе, объясняется желаніемъ

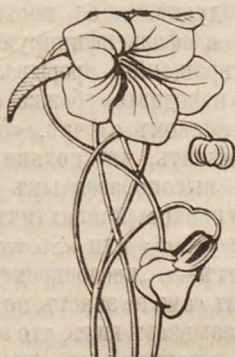
вступить въ борьбу со сномъ, застоємъ, апатіей, робкимъ страхомъ. Раффи и его герои становятся иногда даже безпощадными по отношенію къ своему народу,—потому что слишкомъ дорожатъ его счастьемъ, и «любить, ненавидя»... Совершенно такъ же они громятъ армянскую школу, литературу и науку прежняго времени за то, что онѣ «наполнили наши головы фантастическими мечтаніями, а съ требованіями дѣйствительной жизни не познакомили насъ», «сдѣлали изъ насъ существа, въ которыхъ убито всякое живое и возвышенное чувство». Раффи обращается нерѣдко съ довольно суровыми упреками и къ представителямъ армянской церкви, обвиняя ихъ въ томъ, что они не умѣли пользоваться своимъ вліяніемъ на народную массу, не провели въ нее здравыхъ, разумныхъ понятій, не поддерживали въ ней бодрости, энергіи, стойкости. Гораздо болѣе рѣзкій характеръ носятъ, конечно, нападки на ренегатовъ, карьеристовъ и беззастѣнчивыхъ обманщиковъ изъ армянъ, которыхъ разсыяны по романамъ Раффи. Его негодованіе и презрѣніе не знаютъ границъ, когда онъ говоритъ о тѣхъ армянахъ, которые измѣняютъ своему народу, чтобы добиться тѣхъ или другихъ житейскихъ благъ отъ турокъ... Весьма типичными фигурами являются въ его творчествѣ эти безпринципные люди, которые хотятъ служить и нашимъ, и вашимъ, въ армянской средѣ выдаютъ себя чуть не за патриотовъ, а, находясь среди турокъ, готовы совершать магометанскіе обряды, чтобы только доказать свою благонамѣренность!.. Въ современной армянской словесности неоднократно обличался этотъ возмутительный типъ, являющийся однимъ изъ результатовъ многовѣкового гнета и летаргическаго сна.

Рядомъ съ этими ренегатами выступаютъ «новые люди», глашатаи мыслей и завѣтныхъ идеаловъ самого Раффи. Пусть ихъ образы кажутся менѣе реальными и правдивыми, а ихъ благородныя и красивыя по формѣ рѣчи нѣсколько неожиданными въ устахъ людей, далеко не всегда достаточно образованныхъ и подготовленныхъ; пусть все это производитъ впечатлѣніе блестящихъ передовыхъ статей, искусственно введенныхъ въ составъ романа, безъ этихъ новыхъ людей произведенія Раффи утратили бы значительную долю интереса. Послѣ всѣхъ этихъ трагическихъ или отталкивающихъ сценъ, которыхъ такъ много найдется въ романахъ армянскаго писателя, мы какъ бы отдыхаемъ душою, слушая убѣжденныхъ рѣчи тѣхъ, кто вѣритъ въ будущее, хочетъ работать для другихъ и бороться съ врагомъ своей родины, возмущается всѣми проявленіями челоувѣческой жестокости и низости. Самъ Раффи, вопреки всему, продолжалъ вѣрить въ конечное торжество справедливости и гуманности. Онъ старался показать своимъ соплеменникамъ тотъ путь, по которому они должны идти, чтобы жить по новому. Онъ настаивалъ на томъ, что долгъ каждаго армянина—узнать народныя нужды, хорошо изучить свою страну, посвятить ей всѣ свои силы.. Въ послѣдней главѣ повѣсти «Хентъ» мы находимъ описаніе интереснаго, увлекательнаго сна, который будто бы приснился главному герою, видѣвшему вокругъ себя только нужду, угнетеніе и горе. Этотъ фантастическій сонъ, въ которомъ не разъ слышались отголоски русской или западно-европейской словесности, заключаетъ въ себѣ заманчивую картину будущаго, благородную утопію, предвѣщающую торжество миролюбія, культуры, терпимости, правосудія..

«Да будутъ благословенны тѣ писатели, которые вдохнутъ въ насъ новый духъ, которые помогутъ намъ вернуть наши прежнія силы, которые познакомятъ насъ съ требованіями дѣйствительной жизни». Эти слова одного изъ героевъ повѣсти «Джалалѣдинъ» вполне примѣнимы къ самому Раффи. Въ его лицѣ сошелъ со сцены писатель, выше всего ставившій

блага народа и общества, призывавший своих соплеменников вспомнить о тѣхъ, кто страдаетъ, отрѣшиться отъ индифферентизма и сна, жить мыслями не въ прошломъ, а въ будущемъ. Пусть онъ обращался со своей проповѣдью къ одному только армянскому народу и посвятилъ все свои силы отстаиванію его специальныхъ интересовъ: многія изъ тѣхъ явленій, которыя онъ громилъ и обличалъ, имѣютъ общечеловѣческій характеръ, могутъ встрѣтиться всюду.. И я надѣюсь, что, рано или поздно, русскіе литераторы и представители интеллигенціи воздадутъ должное энергіи и убѣжденности своего армянскаго собрата по перу, безкорыстно трудившагося на пользу обездоленного народа и вѣрившаго въ лучшіе дни.

Юрій Веселовскій.

Изъ литературы и жизни.

I.

Сенкевичъ и Золя.

Давно уже молодежь смотрѣла съ чувствомъ извѣстной гадливости на великаго писателя, воскуривающаго энимиамы аристократамъ, играющаго на патріотической дудкѣ, т. е. восхваляющаго все свое, польское, осуждающаго чужое и фальсифицирующаго для этого исторію; давно уже это чувство отвращеніе прорывалось наружу, но... долгое время выступать противъ «народнаго» божка считалось непатріотичнымъ, чуть не кощунствомъ и, во всякомъ случаѣ, «безтактнымъ».

Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что поляки считаютъ себя большими дипломатами, обладающими высокоразвитымъ чувствомъ такта. Смѣшно видѣть, какъ какой-нибудь засценковый шляхтичъ, получающій свѣдѣнія о мировыхъ событіяхъ изъ газеты «Kraj» или «Stowo» *), съ таинственнымъ видомъ и понижая голосъ говорить—о „несвоевременности“, безтактности и пр., но чего, въ чемъ этого часто онъ самъ не знаетъ, но собесѣдникъ слушаетъ его не менѣе глубокомысленно и показываетъ видъ, что все прекрасно понимаетъ: «О, мнѣ не надо много толковать, я понимаю съ одного намека...»—говоритъ его лицо...

Такъ было во времена юбилея Сенкевича, которому «народъ» преподнесъ прекрасное имѣніе. «Молодые», конечно, косились, поджимали губы, ехидно улыбались, но молчали: тактъ не позволялъ говорить въ это время что-либо противъ Сенкевича, да, впрочемъ, ничего, кромѣ взрыва «народнаго» негодованія, это бы и не вызвало... Но недовольство все росло и росло, пока, наконецъ, не прорвалось наружу, найдя мѣсто въ «Глосѣ». Завязалась полемика, къ которой примкнулъ и знаменитый Пшибышевскій. Послѣдній былъ до сихъ поръ вождемъ польскихъ декадентовъ, которыхъ только по недоразумѣнію можно было бы называть «молодыми». Никакой заботы о «народномъ благѣ» у этихъ господъ до сихъ поръ не замѣчалось; напротивъ, они всегда писали не для презираемой ими толпы, а для «избранныхъ», которые одни только и могли понимать ихъ произведенія. Но... почувствовавъ порывъ вѣтра снизу, отъ толпы, проникнутой демократическими идеалами, и предвидя возможность поколебать положеніе стараго идола и,

*) «Kraj» еженедѣльная газета, издающаяся въ Петербургѣ; это единственный органъ, дающій свѣдѣнія, полезныя полякамъ, живущимъ въ сѣверо- и юго-западномъ краѣ. «Stowo»—ежедневная консервативная газета, имѣющая претензіи быть выразительницею аристократическихъ традицій; газета—плохо редактируемая и клонящаяся къ полному упадку.

чего добраго, пожалуй, занять его мѣсто, вождь декадентовъ тоже заговорилъ о благѣ общества, о развитіи народнаго искусства...

Много-ли здѣсь дѣйствительной заботы о благѣ общества, въ этомъ позволительно сильно сомнѣваться, но отъ присоединенія представителей «новаго искусства», т. е. декадентовъ, символистовъ и проч. къ «молодымъ» послѣдніе, конечно, выиграли въ силѣ: они были уже не одни, такъ какъ съ ними шли и «аристократы духа». Въ настоящее время идетъ сильный споръ, въ которомъ старики съ пѣною у рта защищаютъ кумира, а молодежь не менѣе яростно нападаетъ на Сенкевича и безжалостно его развѣнчиваетъ.

Въ этомъ спорѣ много, конечно, увлеченій, мѣшающихъ справедливой оцѣнкѣ писателя, который приобрѣлъ всемірную извѣстность.

Въ Россіи Сенкевичъ извѣстенъ и читается не менѣе многихъ даже любимыхъ писателей, а потому, пользуясь наступившимъ благопріятнымъ моментомъ для оцѣнки литературной дѣятельности польскаго писателя, мы намѣрены въ самомъ непродолжительномъ времени дать по этому вопросу вполне объективную статью, пока же приведемъ здѣсь довольно интересный образецъ статей, помѣщаемыхъ «молодыми» о Сенкевичѣ.

Вацлавъ Налковскій, авторъ статьи въ «Głosie» «Сенкевичъ и Золя», проводя интересную параллель между обоими писателями, быть можетъ, нѣсколько сгустилъ краски, но въ общемъ далъ все-таки очень удачную характеристику почтеннаго польскаго писателя.

Души, подобныя Золя, чувствительныя къ людскимъ страданіямъ, стремящіяся къ справедливости и правдѣ, срывающія маски со всякой фальши и лицемерія, являются истиннымъ несчастьемъ для писателей въ родѣ г. Сенкевича: они имъ портятъ тончайшую «идеальную» постройку, являются грознымъ кошмаромъ въ ихъ «эстетическихъ» снахъ, мѣшаютъ спокойному «артистическому» перевариванію...

Не удивительно поэтому, что въ своихъ «Письмахъ о Золя» г. Сенкевичъ, ставъ на ходули воображаемаго умственнаго превосходства идеальныхъ чувствъ и духовнаго аристократизма, пытался представить своего естественнаго противника, какъ узкаго, грубаго человѣка, лишеннаго идеаловъ, стремящагося къ извѣстности (и кто это, говоритъ!), хотя бы цѣною логики.

Г. Сенкевичъ естественно, сожалеетъ, что писателей, которые, подобно Золя, пишутъ «гнилыя безнравственныя произведенія» (что значитъ: писателей не скрывающихъ безнравственности), «не привлекаютъ къ суду». Изъ этого однако, видно, что нѣкоторые вопросы нравственности способны вывести и эстетиковъ изъ равновѣсія, сдѣлать ихъ радикалами; несмотря на существованіе всякихъ предохранительныхъ учрежденій и гг. Креховецкихъ, г. Сенкевичъ этимъ не удовлетворяется и требуетъ суда, инквизиціи!

Г. Сенкевичъ возмущается, что Золя рисуетъ нищету или преступленіе, когда блаженный взглядъ г. Сенкевича видитъ «цвѣты, лазурь, свѣтъ»; г. Сенкевичъ «идеаленъ», а потому чужое страданіе не мѣшаетъ его эстетическому спокойствію; онъ не выноситъ «пессимизма», и, погружаясь въ лирическое возмущеніе, онъ восклицаетъ, обращаясь къ Золя: «какое отсутствіе состраданія представлять жизнь въ такомъ свѣтѣ людямъ, которые, однако, должны жить», — «не для того ли, чтобы отравить имъ всякую дѣятельность?» Конечно, конечно, это «безжалостно!»

Необыкновенно точный умъ г. Сенкевича не можетъ придти въ себя отъ изумленія передъ «нелогичностью» Золя: Клотильду (въ «Докторѣ Паскалѣ») поносить кумушки за то, что она не замужемъ и кромѣ того, —

говорить «логически» мыслящій г. Сенкевичъ,—что имъ въ ихъ горѣ не пришла въ голову одна мысль—«принять законъ». Этотъ совѣтъ очень характеренъ для г. Сенкевича и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень легаленъ и простъ.

Или, вотъ, другой образчикъ нелогичности Золя, который разсмѣшилъ г. Сенкевича: «какъ»,—восклицаетъ г. Сенкевичъ,—«Золя описываетъ нищету, гниль, а кончаетъ гимномъ въ честь жизни?» Эта столь непонятная вещь въ сущности очень проста: тѣмъ болѣе кто любитъ жизнь и людей, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ онъ ихъ нищету; притомъ, кто указываетъ на существованіе болѣзни, тотъ отчасти даетъ уже и средство для борьбы съ нею.

Сорвать струпъ, раздражающій тѣло и отравляющій кровь—вотъ, къ чему стремится «нелогичность» Золя.

Взгляды г. Сенкевича на Золя, какъ и на все, достаточно хорошо извѣстны, шаблонны: такъ думаетъ вся эта толпа дающая главныхъ покупателей беллетристическихъ произведеній. Авторы, которые удобно и гладко выражаютъ такія мысли, цѣнятся не менѣе кучеровъ, умѣющихъ ровно, гладко, безъ сотрясеній возить этихъ господъ туда, куда послѣдніе желаютъ ѣздить.

Г. Сенкевичъ считаетъ Золя человѣкомъ безчувственнымъ, умомъ ограниченнымъ, типомъ грубымъ, неэстетичнымъ. Однако, «ограниченный» Золя сумѣлъ понять всю сложность современныхъ общественныхъ отношеній, всю іезуитскую низость Рима и показалъ пути для дальнѣйшаго развитія; для г. Сенкевича единственною мудростью и убѣжищемъ является его бабушка.

Безчувственный Золя не побоялся рискнуть своимъ имуществомъ и даже жизнью, защищая обиженныхъ. Г. Сенкевичъ побоялся даже выставить свое имя въ пользу буровъ, опасаясь вызвать неудовольствіе англичанъ, ставящихъ его произведенія на сценѣ.

Грубый Золя создалъ священника Петра Фромана, идеальный и тонкій г. Сенкевичъ создалъ одного изъ противнѣйшихъ эгоистовъ, Поланецкаго. Перваго ставитъ примѣромъ для подражанія «грубый» Золя, второго—выставляетъ «идеальный» г. Сенкевичъ.

II.

Священная пещера—«Олисай-донъ».

Въ ущельѣ рѣки Уруха имѣется мало извѣстная пещера, «Олисай-донъ», которая у осетинъ и горцевъ считается священной. Посѣтивъ это замѣчательное во многихъ отношеніяхъ мѣсто, г. Як. Рискинъ сообщаетъ въ «Р. Вѣд.» о своихъ впечатлѣніяхъ. «Пришелъ, — говоритъ авторъ, — нашъ проводникъ въ сопровожденіи хранителя ключа отъ пещеры и еще одного старика-осетина. Они принесли съ собой багани (осетинское пиво) и араку (осетинскую водку). По словамъ пришедшихъ, въ пещеру нельзя входить съ «пустыми руками». Открывши дверь, хранитель пещеры, снявъ шапку и перекрестившись, произнесъ молитву «святому» пещеры. Я спросилъ, о чемъ онъ молится. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что установленныхъ какихъ-либо молитвъ нѣтъ у нихъ, а входящіе просятъ у святого покровительства и молятъ о благомъ исходѣ всѣхъ добрыхъ начинаній.

Послѣ молитвы мы приступили къ осмотру пещеры. Переднее отдѣленіе ея свѣтлое, высокое, къ выходу оно выше, къ задѣ же значительно

понижается. Длина его отъ входа до задней стѣнки около 33-хъ футовъ, наибольшая ширина его около 23-хъ футовъ, высота около 22-хъ футовъ. У входа, у правой стѣнки пещеры, на длинномъ шестѣ виситъ черепъ быка. На границѣ между этимъ отдѣленіемъ и слѣдующимъ, болѣе низкимъ и узкимъ, находится сложенный изъ большихъ камней очагъ, на которомъ во время общественныхъ богослуженій жарятъ и варятъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву. Около стѣны пещеры разставлено нѣсколько простыхъ деревянныхъ скамеекъ и разложено нѣсколько служащихъ для сидѣнія толстыхъ брусевъ.

Провожатые наши рассказывали, что въ старину съ потолка спускалась желѣзная цѣпь надъ очагомъ (какъ извѣстно, очаговая цѣпь составляетъ домашнюю святыню каждаго, не порвавшего еще окончательно со старыми преданіями, осетина). Въ случаѣ, если жертва была угодно святому, цѣпь спускалась ниже, если же почему-либо святой былъ недоволенъ жертвователями, то цѣпь сама поднималась вверхъ, къ потолку. Цѣпь эта, само собою разумѣется, считалась очень священной, и снять ее безнаказанно было нельзя. Однажды кабардинцы, съ которыми осетины всегда находились во враждебныхъ отношеніяхъ, вздумали украсть эту цѣпь, надѣясь съ помощью ея окончательно покорить осетинъ. Громадную толпой они забрались въ пещеру, сняли очаговую цѣпь и вмѣстѣ съ нею вышли изъ пещеры. Но святой не далъ безнаказанно пройти святотатственному дѣлу. Не успѣли кабардинцы спуститься съ цѣпью съ первыхъ выступовъ скалы, какъ святой навалилъ на нихъ гору и задавилъ ихъ вмѣстѣ съ цѣпью. Гору эту жители Задалеска показываютъ и теперь.

Съ правой стороны отъ очага стоитъ большой деревянный ящикъ, въ которомъ лежатъ громадные деревянные ложки (одна—больше аршина въ длину, другая—немного меньше), служащія для размѣшиванія мясного супа, приготовляемаго во время жертвоприношеній. Тутъ же громадная вилка для вытаскиванія кусковъ мяса изъ котла, деревянная чашка для соли, мѣдные котлы, разныхъ величинъ и формъ, выточенные деревянные чашки, ковши, а также масса роговъ зубра, служащихъ для питья пива.

Надъ ящикомъ прикрѣплена жестяная, запертая на ключъ, небольшая копилка съ вырѣзкою на верхней стѣнкѣ, черезъ которую посѣтители пещеры опускаютъ монеты. Деньги эти тратятся на общественное пищество во время общественныхъ жертвоприношеній.

За очагомъ на доскѣ повѣшена новая икона православнаго святого, а къ задней стѣнкѣ пещеры прислонено нѣсколько длинныхъ (болѣе сажени въ длину) цилиндрическихъ древокъ отъ копьевъ. Около нихъ висятъ какія-то лохмотья отъ шапокъ. Провожатые рассказывали, что эти шапки и конья были взяты осетинами во время нападенія на нихъ войска «шаха».

На стѣнкахъ на шестахъ висятъ желѣзные наконечники стрѣлъ и копьевъ и нанизанные на веревки вырѣзанные въ видѣ неправильныхъ многогранниковъ разнообразной величины и формы куски дерева. Такой кусокъ дерева привѣшивается на шею назначенному въ жертву быку; съ этою деревяшкой онъ нѣкоторое время пасется. При закалываніи быка для жертвоприношенія (ежегодно въ жертву приносится одинъ быкъ) деревяшка снимается съ него и нанизывается на веревку, привѣшенную въ пещерѣ. Такимъ образомъ по числу этихъ деревяшекъ можно судить о числѣ лѣтъ, въ теченіе которыхъ совершалось жертвоприношеніе. Всѣ осмотрѣнные нами деревяшки указываютъ на ихъ сравнительно недавнее происхожденіе. Или ихъ раньше, 100—200 лѣтъ тому назадъ, не привѣшивали, или старыя сгнили и затерялись въ кучѣ всякихъ предметовъ, наваленныхъ въ пещерѣ.

Около 20 іюля совершаются въ пещерѣ общественныя жертвоприно-

шенія, на которыя сходятся не только жители Задалеска, но и окрестныхъ селеній. Но жителей приходоу Стуръ-дигорскаго или Допифарскаго, расположеннаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ пещеры, не бываетъ. Хотя стурдигорцы и допифарсцы также отзываются объ этой пещерѣ съ большимъ уваженіемъ и считаютъ ее священной, но въ общественныхъ жертвоприношеніяхъ участія не принимаютъ.

По разсказамъ, еще задолго до времени наступленія жертвоприношенія, жители Задалеска мечутъ между собою жребій, кто долженъ доставить быка для общественной жертвы. Послѣ того, какъ жребій вынутъ, на быка надѣваютъ упомянутое выше кольцо съ кускомъ дерева, и быкъ отправляется на пастбу; за этимъ быкомъ всѣ считаютъ свою обязанностью ухаживать. Если кто отправляется на пастбу отнести соли своей скотинѣ, то ужъ непременно покормить солью и жертвеннаго быка и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручается кому-нибудь, славящемуся искусствомъ въ этомъ дѣлѣ, сварить достаточное количество пива; необходимые для этого продукты доставляются всѣмъ селеніемъ по раскладѣ. Съ собой въ пещеру приносятъ также крутыя лепешки изъ муки, начиненныя сыромъ. За каждаго же родившагося въ прошедшемъ году мальчика приносятся еще три лепешки, но другой формы, въ видѣ полумѣсяца. Почетный старикъ, держась рукой за лѣвый рогъ жертвеннаго животнаго, произноситъ молитву святому. Въ этой молитвѣ онъ проситъ о ниспосланіи хорошаго урожая, хорошей погоды, чтобы можно было убрать хлѣбъ, счастья всѣмъ новорожденнымъ мальчикамъ и всѣмъ жителямъ селенія.

Послѣ молитвы старикъ опалаетъ быку часть шерсти за правымъ ухомъ и на мордѣ. Затѣмъ связаннаго быка кладутъ горломъ къ востоку, и юноша перерѣзаетъ ему горло. Когда быкъ истекъ кровью, ему отрѣзаютъ голову, старикъ бросаетъ ее въ котелъ, опаливши предварительно на ней шерсть. Эту голову, хорошо разваренную, ѣдятъ потомъ только старики: это—почетный кусокъ. За обѣдомъ прислуживаетъ молодежь. Когда всѣ разѣлись по старшинству, кладутъ на столикъ у почетнаго старика три лепешки такъ, что одна покрываетъ часть другой, голову жертвеннаго животнаго, нѣкоторыя части его мяса (лопатку, часть шеи) и стаканъ съ аракой. Остальное мясо разноситъ по столикамъ присутствующихъ. Затѣмъ старикъ беретъ въ одну руку «ахсарфамбалъ»—сжаренные на вертелѣ куски легкихъ, обернутые въ части сальника, — и опять произноситъ длинную молитву, часть ахсарфамбал'а бросаетъ въ огонь, кусокъ беретъ себѣ, а остальные куски молодежь разноситъ старшимъ изъ присутствующихъ, т. е. наиболѣе почетнымъ. То же продѣлывается и съ лепешками. Сидящій рядомъ съ почетнымъ старикомъ беретъ чашку араки и послѣ краткой молитвы плескаетъ часть араки въ огонь, а остальное выпиваетъ самъ. Этимъ заканчивается обрядъ освященія пищи и питья, а затѣмъ начинается общественный обѣдъ».

III.

У лотосовыхъ озеръ.

Китай, который до сихъ поръ такъ ревниво оберегалъ себя отъ взоровъ европейскихъ «варваровъ», который являлся для насъ, по мнѣнію однихъ, загадочнымъ сфинксомъ, на вѣки заснувшимъ, ничему не способнымъ насъ научить и упорно отказывающимся отъ всякаго столкновенія съ жизнью, съ цивилизаціею, по мнѣнію другихъ — страшнымъ дракономъ, ежечастно готовымъ ринуться на испытывавшихъ его терпѣніе и пократь

все встрѣчающееся на его пути, стереть съ лица земли всю эту ненавистную ему «новую» бездушную цивилизацію...—этотъ грозный, гордый и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушный до наивности Китай понемногу начинаетъ открывать доступъ «варварамъ» въ до сихъ поръ запретныя мѣста; мы начинаемъ знакомиться съ его общественною жизнью, съ его обычаями, часто очень странными, но не лишенными глубокаго смысла, освященнаго тысячелѣтними традиціями. Вмѣстѣ съ тѣмъ и сами китайцы, присматриваясь къ европейцамъ, ненавидя ихъ и критикуя чуждые имъ обычаи пришельцевъ, презирая европейскую грубость, склонность къ насиліямъ и преклоненіе передъ кулакомъ и золотымъ тельцомъ, не могли не сознать нѣкоторыхъ преимуществъ, которые даютъ возможность малочисленнымъ врагамъ предписывать условія колоссу-Китаю. Понемногу въ высшія сферы китайскаго общества проникло сознаніе необходимости кое-чему поучиться у западныхъ варваровъ, чтобы потомъ сказать имъ: «довольно! дальше ни съ мѣста».

Не осталось также безъ вліянія на китайскую жизнь насильственное открытіе варварамъ доступа во дворецъ «сына неба»...

Вотъ какъ описываетъ («Рус. Вѣд.») г. Корсаковъ свое посѣщеніе императорскаго дворца и знаменитыхъ лotosовыхъ озеръ въ Пекинѣ.

«Войдя во дворъ и миновавъ еще ворота, мы подошли къ озеру, не широкому, но очень длинному: у берега были приготовлены обычныя плоскодонныя китайскія лодки съ помѣстительными каютами на верхней палубѣ. Въ стѣнкахъ каютъ вставлены были открывавшіяся рамы оконъ съ опущенными шелковыми голубыми занавѣсками. Озеро не глубоко, и рабочіе-китайцы на шестахъ, упираясь на дно озера, переправляли насъ на другую сторону. Здѣсь мы вошли въ сказочную область чудесъ такъ еще недавно бывшаго невѣдомымъ для европейцевъ запретнаго богдыханскаго Пекина, которая теперь предстала передъ нами оживленными, говорящими, осязаемыми. Здѣсь встрѣтили нашихъ дамъ китайскія принцессы со своими приближенными дѣвушками, окруженныя евнухами, ревниво старавшимися отстранить насъ, мужчинъ, отъ близкаго соотѣдства съ ввѣренными ихъ попеченію.

За восемь лѣтъ моего пребыванія въ Пекинѣ я въ первый разъ близко увидалъ китайку-женщину и дѣвушку высшаго круга.

Первое, что поражало въ китайкахъ, это—достоинство и простота, съ которыми онѣ держали себя какъ въ отношеніи другъ друга, такъ и въ отношеніи нашихъ дамъ. Младшія изъ нихъ, видимо, очень стѣснялись присутствія мужчинъ и сами жались другъ къ другу, держась за руки и потупляя глаза, если приходилось проходить вблизи нихъ.

Второе, что поражало, это—простота туалетовъ. Всѣ онѣ одѣты были въ одинаковыя китайскіе голубого цвѣта шелковые длинные кафтаны-курмы съ вышивкой цвѣточныхъ гирляндъ вдоль воротника и на рукавахъ; у всѣхъ была одинаковая, очень простая, но изящная прическа особаго придворнаго образца. Всѣ дѣвушки были нарумянены, но вдовы, какъ не желающія выходить замужъ, оставляютъ свое лицо свободнымъ отъ румянъ. Нѣкоторыя изъ китайокъ были очень миленькія, худенькія, изящныя и граціозныя созданія, которыя безшумно въ своихъ башмакахъ на мягкой подошвѣ скользили, будучи проводниками нашихъ дамъ. Вдовыя княгини и принцессы имѣли около себя евнуховъ, которые поддерживали ихъ при переходахъ черезъ пороги, помогали при подъемахъ на горки.

Что касается до впечатлѣнія, которое производили евнухи, то оно было не въ ихъ пользу. Помимо общаго непріятнаго для глаза впечатлѣнія,

который лежалъ на всей ихъ фигурѣ, помимо ихъ пискливаго голоса и дряблыхъ лицъ, большинство изъ нихъ смотрѣли нахально, неприязненно.

Отъ палатъ императрицы вѣяло большой стариной, въ которой проскальзывало что-то знакомое. Палаты были въ полтора свѣта, но верхняя постройка, уходящая вглубь, казалась какъ бы слегка сумрачной. Вся отдѣлка была деревянная и съ обиліемъ рѣзбы по дереву, сквозь которую изнутри просвѣчивалъ голубой свѣтъ внутренней обивки помѣщеній. Нижній этажъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій: самая большая—зала императрицы, пріемная ея, и двѣ боковыя, небольшія, служащія для отдохновенія. Всѣ эти комнаты полны роскошными вещами изъ нефрита, клуазоне, лака. Повсюду вазы съ цвѣтами изъ драгоценныхъ камней, накрытыя стеклянными колпачками. Это помѣщеніе самое прохладное во время лѣта, и императрица проводить въ немъ жаркое время дня.

Дворецъ, въ которомъ былъ заключенъ императоръ, находится на отдѣльномъ островѣ посреди озера и сообщается съ материкомъ подъемнымъ мостомъ. Дворецъ стоитъ на возвышеніи, внутри очень уютно расположенъ, хотя и невеликъ. Убранство внутреннее очень простое.

Осмотрѣвъ помѣщеніе императора, мы сошли обратно на берегъ, у котораго уже ожидали насъ опять лодки. Теперь мы отправились по озеру лотосовъ по направленію Мраморнаго моста, бѣлѣвшаго вдаль. Озеро лотосовъ тоже неглубоко, такъ какъ иначе лотосы не могли бы расти, и мы все время шли на шестахъ. Въ это время вся поверхность озера свободна, и только кое-гдѣ надъ водой возвышаются молодые стебли поднимающихся изъ воды лотосовъ, но въ іюнѣ мѣсяцѣ, когда лотосы цвѣтутъ, все озеро представляетъ собой сплошную поверхность овальныхъ темно-зеленныхъ листьевъ съ возвышающимися надъ ними на высокихъ стебляхъ чудными цвѣтами лотоса.

Наше общество, несмотря на ревнивое обереганіе евнуховъ, все-таки смѣшивалось во время осмотра, но, тѣмъ не менѣе, ни одна изъ китаянокъ за все время пути ни разу не отвѣтила ни на одинъ вопросъ, съ которымъ нѣкоторые къ нимъ обращались,—настолько строго соблюдался ими этикетъ китайскаго отношенія къ женщинамъ, съ которой мужчина не долженъ говорить.

Тѣмъ не менѣе, время беретъ свое, и, вѣроятно, скоро и китайская женщина получить свободу. Въ Пекинѣ вернулось теперь семейство китайскаго посланника во Франціи, дочери котораго не только отлично говорятъ по французски, но только у себя дома одѣваются по-европейски, но обратились къ самой императрицѣ, прося разрѣшенія носить повсюду европейскій костюмъ. Императрица разрѣшила, и двѣ первыя пионерки европейскаго костюма уже были при дворѣ и, одѣтыя по послѣдней парижской модѣ, были вмѣстѣ съ принцессами въ гостяхъ у супруги русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, г-жи Плансонъ. Дочери нѣкоторыхъ китайскихъ сановниковъ уже стремятся получать европейское образованіе, изучать европейскіе языки и музыку, для которой жертвуютъ своими выхоленными ногтями, безжалостно остригая ихъ. Первымъ пионеркамъ трудно приходится, такъ какъ при дворѣ онѣ встрѣчаютъ въ большинствѣ враждебное отношеніе со стороны старыхъ придворныхъ дамъ, но все это—только вопросъ времени...

IV.

Сибирскій „слѣдопытъ“.

Подъ такимъ названіемъ г. П. Золинъ описываетъ въ «Восточномъ Обзорѣніи» знаменитаго прискаго урядника Лаптева, личность темную,

но безусловно оригинальную. «Мнѣ почему-то всегда казалось,—говорить авторъ,—что въ лицѣ Лаптева я встрѣчу мужчину атлетическаго сложенія, грубаго, суроваго унтеръ-офицера, и, признаться, былъ отчасти удивленъ, когда увидалъ передъ собою невзрачнаго, скромно одѣтаго человѣчка, съ бородкой клиномъ, заискивающей рѣчью и слащавой улыбкой. Говорилъ Лаптевъ тихимъ, словно болѣзненнымъ голоскомъ, держался скромно и вообще могъ почитаться образцомъ кротости и смиренія. Но только это хорошее впечатлѣніе сразу и невозвратно портили его глаза; такихъ глазъ я не видалъ никогда за всю мою жизнь: круглые, хищные, неподвижные, какъ у ястреба, они поражали васъ отсутствіемъ какого бы то ни было чувства; ни злобы, ни страха, ни любопытства,—ничего ни выражали эти глаза, и вамъ думалось, что обладатель такихъ глазъ можетъ равнодушно смотрѣть, какъ передъ нимъ стануть перепиливать живого человѣка; въ то время, когда улыбались губы, кривилось въ почтительное выраженіе лицо,—глаза его тускло смотрѣли на васъ въ упоръ, и мнѣ невольно приходилъ въ голову слышанный гдѣ-то разговоръ, будто Лаптевъ въ минуту раздраженія подвелъ подъ каторжныя работы старика-отца.

— Это, знаете ли, замѣчательный господинъ,—говорилъ мой хозяинъ Васильевъ.—Случалось ли вамъ, напримѣръ, встрѣчать такого человѣка, для котораго сыски, выслѣживание составляетъ все? Воистину,—у Бога всего много и какихъ только, подумаешь, талантовъ онъ не придумаетъ для человѣка. Я ужъ не говорю, когда у насъ на прискѣ случается какое-нибудь происшествіе, напримѣръ, кража, гдѣ требуется помощь урядника; это понятно; но этотъ человѣкъ не можетъ спокойно спать и тогда, когда у насъ все обстоитъ благополучно; ну, скажите, зачѣмъ человѣку,—а это не секретъ,—вскакивать ни съ того, ни съ сего съ постели ночью, наряжаться въ женское платье и въ такомъ видѣ шлаться до утра подъ окнами рабочихъ казармъ? А это онъ продѣлываетъ почти каждую ночь.

Во-первыхъ, всѣхъ рабочихъ, особенно такъ называемыхъ коноводовъ, онъ знаетъ наизусть, а во-вторыхъ, у него въ каждой казармѣ сидитъ его сыщикъ-рабочій, получающій хорошее жалованье, конечно, за счетъ присковаго управленія; благодаря этому, Лаптевъ знаетъ всѣ мельчайшіе оттѣнки настроеній рабочихъ и умѣетъ своевременно потушить скандалъ. Ну, къ этому надо добавить и его, такъ сказать, личное вліяніе: Лаптевъ, напр., очень честенъ и у него дома лежитъ масса рабочихъ денегъ, отданныхъ ему рабочими же на сохраненіе; разумѣется, онъ это дѣлаетъ не по добротѣ душевной, а для того, чтобы лучше забрать человѣка въ руки; потомъ онъ дѣлаетъ для рабочихъ массу поблажекъ, которыя въ глазахъ другихъ дураковъ-урядниковъ могутъ казаться преступленіями; напр., если онъ отберетъ бутылку водки, онъ никогда не разобьетъ ее и не присвоитъ себѣ, а позволяетъ рабочему приходить къ нему и ежедневно выпивать по маленькому стакану. Вещь это пустая, но, знаете, рабочіе это цѣнятъ очень и очень; наконецъ, Лаптева въ глазахъ рабочихъ возвышаетъ его дѣйствительно необычайное молодечество, удалъ».

Описываемый далѣе авторомъ примѣръ «необычайнаго молодечества» сибирскаго «слѣдопыта», дѣйствительно, является яркимъ образчикомъ поразительнаго присутствія духа этого, въ своемъ родѣ, замѣчательнаго человѣка.

Одинъ изъ десятниковъ попросилъ Лаптева посадить «въ казачью» рабочаго Непомнящаго за дерзость; десятникъ былъ кругомъ неправъ: онъ велѣлъ Непомнящему взвалить на таратайку и увезти огромный камень, т. е. выполнить работу прямо-таки непосильную. Непомнящій отказался, произошелъ крупный разговоръ, и розозленный Непомнящій наговорилъ

десятинику много лишнихъ словъ. Лаптевъ моментально извлекъ виновнаго изъ обращенія, т. е. упряталъ его въ казачью, но за рабочаго вступилась его артель, а черезъ минутъ 15 «пламя возстанія» охватило еще человѣкъ 200. Эти двѣсти человѣкъ стояли теперь передъ домомъ Лаптева и настойчиво требовали, чтобы онъ немедленно выпустилъ Непомнящаго.

Я быстро вышелъ изъ дому, пробился черезъ густую толпу рабочихъ, недоумѣвая на меня глазѣвшую, и увидалъ такую интересную картину.

Почти въ самой серединѣ дико галѣвшей толпы стоялъ Лаптевъ, спокойный, безстрастный, медленно обводя обступившихъ его рабочихъ своими круглыми ястребиными глазами. Рабочіе кричали, жестикулировали; очевидно, онъ давалъ имъ «выговориться». Толпа, видимо, нѣсколько озадаченная молчаніемъ Лаптева, стала понемногу стихать, но угрожающіе крики раздавались, по прежнему. Наконецъ, Лаптевъ бисто обернулся и звонко крикнулъ:

— Сидоровъ! Подай столъ!

Молодой казакъ черезъ минуту поспѣшно протискался черезъ разступившуюся толпу и поставилъ столъ возлѣ самого Лаптева.

— Это что еще—подумалъ я,—за комедія...

Лаптевъ оперся руками на столъ и принялъ даже ораторскую позу.

— Вотъ что, ребята,—началъ онъ среди гробового молчанія.

Выпускать Непомнящаго не стану, да и не имѣю на это права: у васъ—своя служба, у меня—своя. Но такъ какъ вы хотите раскидать казачью по бревнамъ, то я придумалъ вотъ какую штуку: я положу ключъ отъ казачьей вотъ на этотъ столъ,—тутъ Лаптевъ вытащилъ и положилъ ключъ,—и пускай кто-нибудь изъ васъ возьметъ его. А казачью раскидывать нечего—чѣмъ она виновата?

Угрюмая, нешуточная угроза звучала въ словахъ урядника, когда онъ говорилъ, что «пускай кто-нибудь возьметъ его».—и это понялъ не я одинъ. Толпа глухо шумѣла, но вопросъ былъ поставленъ слишкомъ ясно, и рабочіе видѣли, что надо было переходить отъ криковъ къ дѣлу. Но, однако на это никто не рѣшался.

— Что же, и возьмемъ,—задорно сказалъ молодой рабочій—стоявшій рядомъ съ урядникомъ.

— Возьми,—просто сказалъ Лаптевъ.

Рабочій сузившимися глазами смотрѣлъ на Лаптева, но ключа не взялъ. Да и видно было, что никто его не возьметъ.

Сѣрые глаза урядника холодно и насмѣшливо оглядывали толпу. Сраженіе было выиграно. Но какъ искусный стратегъ, Лаптевъ понималъ, что надо позолотить пилюлю, успокоить взволнованную толпу и поэтому нанесъ послѣдній ударъ.

— Вы, ребята, идите-ка лучше по работамъ—примирительно сказалъ онъ,—а я со своей стороны общаюсь вамъ, что ежели онъ,—тутъ онъ мотнулъ головой по направленію казачьей,—будетъ вести себя хорошо, то я выпущу его пораньше.

Рабочіе, молчаливые, угрюмые, стали расходиться. Лаптевъ ушелъ однимъ изъ первыхъ, любезно пригласивъ меня идти за нимъ.

— Однако, вы—находчивый человѣкъ, господинъ Лаптевъ,—сказалъ я ему.

— Привычка-съ,—скромно отвѣтилъ Лаптевъ.

Вопросы народного образования и — библиографіи.

А. Л. Николаевъ.

Къ вопросу о народной газетѣ.

I.

Появилось официальное «Дополненіе къ каталогу книгъ для бесплатныхъ народныхъ читальнъ, изданному въ 1900 г.» — брошюра, безъ которой такъ тормазилось дѣло пополненія указанныхъ общественныхъ учреждений новыми книгами.

Въ приложеніи къ этому дополненію мы находимъ, между прочимъ, и списокъ періодическихъ изданій, допущенныхъ въ народныя читальни, — изданій, слѣдовательно, находящихся въ особо благопріятныхъ условіяхъ по своей близости къ народнымъ массамъ, и это даетъ намъ поводъ поговорить вообще о «народной» газетѣ и журналѣ.

Но сначала нѣсколько словъ о самомъ списокѣ «привилегированныхъ» по отношенію къ народу органовъ.

На первый взглядъ списокъ производитъ хорошее впечатлѣніе: онъ заключаетъ 72 органа (цѣлое богатство по сравненію съ недавнимъ прошлымъ!) и кромѣ того примѣчаніе, гласящее слѣдующее: «кромѣ вышепоименованныхъ періодическихъ изданій, допускаются къ обращенію въ бесплатныхъ народныхъ читальняхъ: а) всѣ журналы и газеты, издаваемые съ разрѣшенія духовной цензуры и вообще духовнаго начальства, за исключеніемъ тѣхъ, кои будутъ признаны духовнымъ вѣдомствомъ для нихъ непригодными; б) всѣ газеты и журналы, издаваемые правительствомъ (напр., при министерствахъ и главныхъ управленіяхъ, при губернскихъ и областныхъ управленіяхъ и градоначальствахъ и т. п.); в) издаваемые съ разрѣшенія предварительной цензуры журналы и газеты специального (безъ публицистическихъ и литературныхъ отдѣловъ и приложений — курсивъ нашъ) содержанія: техническаго, сельскохозяйственнаго, торговопромышленнаго, по прикладнымъ искусствамъ и ремесламъ, медицинѣ, гигиенѣ, фармацевтикѣ, санитаріи, а также касающіеся всѣхъ видовъ спорта и охоты, музыки, покровительства животнымъ, страхованія; модные журналы, справочные о тиражахъ и рыночныхъ цѣнахъ листки и листки объявленій» *).

Однако, займемся повнимательнѣе и спискомъ, и примѣчаніемъ къ нему. Сначала комментаріи къ примѣчанію. Начнемъ съ конца.

Здѣсь намъ приходится имѣть дѣло исключительно съ узко-спеціальными органами. Затѣмъ слѣдуютъ органы печати, издаваемые различными административными учрежденіями.

Теперь остается пунктъ а. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ богословскими журналами и газетами. Но богословіе — вѣдь тоже предметъ спеціальныи. Такъ и читающая публика на него смотритъ. Взгляните на отчетъ любой публичной библіотеки,

*) Дополненіе, стр. 110.

гдѣ выборъ книгъ для публики не стѣсненъ никакими нормирующими каталогами, и вы увидите, что богословскія произведенія берутся такъ же мало, какъ и другія узко-спеціальныя произведенія.

Итакъ, примѣчаніе въ общихъ формахъ охватываетъ только органы узко-спеціальныя. Но оно начинается словами «*кроме* вышепоименованныхъ». И это «*кроме*» заставляетъ, пожалуй, читателя высказать робкую надежду, что тамъ, въ самомъ списокѣ, въ этихъ 72 органахъ онъ найдетъ совсѣмъ иное. Однако, увы! надежды будутъ недолговѣчны: среди 72 этихъ органовъ оказывается 46 узко-спеціальныхъ (въ родѣ «Вѣстника русскаго пивоваренія», «Вѣстника рыбнпромышленности», «Вѣстника трезвости» и т. п., нѣкоторыхъ педагогическихъ и сельскохозайственныхъ органовъ) 9 дѣтскихъ и 18 общихъ. Здѣсь, фигурируютъ «Московский Листокъ» и «Московский Вѣдомости», «Русскій Вѣстникъ» и «Русское Чтеніе», «Новое Время» и «Свѣтъ»—А за всѣмъ тѣмъ остаются такіе безразличные органы, какъ «Звѣзда», «Нива», «Новый Міръ», «Природа и люди», «Вокругъ свѣта» и т. п.

Правда, въ обращеніе въ народныхъ читальняхъ поступаютъ иногда еще мѣстные органы съ разрѣшенія мѣстнаго начальства. Но опять-таки съ какими затрудненіями! Вотъ свѣжій примѣръ изъ текущей жизни.

«По списку министерства», пишутъ «Русскія Вѣдомости» со словъ «Крымскаго Вѣстника», «въ обращеніе въ бесплатной читальнѣ симферопольской городской бібліотеки допущены очень немногія изъ столичныхъ газетъ и совсѣмъ не входятъ туда мѣстныя. Желая удовлетворить требованію посѣтителей бесплатной читальни на мѣстныя газеты, коммиссія возбудила ходатайство передъ администраціей о допущеніи слѣдующихъ газетъ: «Одесскаго Листка», «Новороссійскаго Телеграфа», «Южнаго Курьера», «Салгира», «Крыма», «Крымскаго Вѣстника», «Крымскаго Курьера» и «Листка Сельскохозайственныхъ Объявленій Таврическаго Земства», но разрѣшеніе получивало лишь на «Салгиръ», «Крымскій Курьеръ» и «Сельскохозайственный Листокъ». Какъ видимъ, меньше, чѣмъ на половину. И это еще результатъ благоприятный, да и то по особому ходатайству.

II.

Но для того, чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, вышеприведенный списокъ, намъ придется затронуть хотя бы слегка нѣсколько общихъ вопросовъ.

Прежде всего о самой «запретительной» системѣ. Не думайте, читатель, что система эта культивируется одними органами цензуры. Нѣтъ, мы, русскіе, такъ мало привыкли отдаваться «жизни вольнымъ впечатлѣніямъ», что система «обученія» и «направленія» не чужда часто и сознательнымъ работникамъ народнаго дѣла.

Если вы, напр., практически работали около той или другой общественной бібліотеки, вы, натурно, знаете, какъ часто бываетъ, что изъ списковъ выбрасывалась та или другая книга, и не потому, чтобы она не читалась, а лишь потому, что ее признаютъ «вредной» руководители дѣла. А между тѣмъ эти же самые вершители судебъ книги почти никогда не знакомы съ психологіей массоваго читателя.

Вотъ почему намъ кажется интереснымъ затронуть хоть нѣсколько вопросовъ о психологіи массоваго читателя, и именно въ связи съ вопросомъ о разныхъ «запретительныхъ» и «обузательныхъ» системахъ.

Мнѣ приходилось слышать, что знаменитая у насъ книга «Что читать народу?» вызвала за границей у многихъ улыбку. Какъ что?—Да все. Если это и не правда, то во всякомъ случаѣ, какъ говорятъ итальянцы, хорошо выдуманно. Въ самомъ дѣлѣ, конечно,—все. Отгораживать какою-либо стѣной народъ не зачѣмъ и тѣмъ болѣе въ періодической прессѣ. Не создавайте только монополій, а тамъ, будьте покойны, народъ разберется и самъ сумѣетъ отдѣлать плевелы отъ пшеницы. Но, быть можетъ, страшны «превратныя» толкованія? Право же это вѣдь—только жупель, который мѣшаетъ русской мысли выбраться на чистое поле. Слыхали ли вы, что такое «*читательское непониманіе*» и какую роль оно играетъ въ читательской системѣ? Вдумчивые наблюдатели народной жизни не могли проглядѣть этого, на нашъ взглядъ, замѣчательнаго явленія.

«Этотъ читатель (малоподготовленный), находимъ мы въ «Русской Мысли»*), «въ погонѣ за разрѣшеніемъ наиболѣешихъ, «проклятыхъ» вопросовъ, выдвинутыхъ жизнью, если такъ можно выразиться, ломится въ книгу, толкается въ каждую книжку, имѣющую мало-мальски интересное для него заглавіе, и спрашиваетъ себя: не въ ней ли отвѣтъ на эти наиболѣешие вопросы?.. Правда, огромное число книгъ не про него писано,—и жаргонъ въ нихъ особый, и слова имѣютъ какое-то особенное, услов-

*) «Русская Мысль» 99 г., № 11. «Народныя изд.», стр. 432.

ное, переносное значеніе; и мысль автора сквозить черезъ эти слова какъ бы черезъ густую кисею. Но что нужно? Читатель сидитъ и надъ такой книжкой, ломаетъ голову, придаетъ непонятнымъ или полупонятнымъ словамъ и фразамъ автора *свой* смыслъ, а не тотъ, какой придаетъ ему авторъ; находитъ въ книгѣ *свое* пониманіе, *свое* настроеніе, и то, въ чемъ раньше читатель былъ не увѣренъ, въ чемъ еще сомнѣвался, вдругъ послѣ прочтенія не вполне понятной и вполне непонятой книги дѣлается яснымъ. Такимъ образомъ, какъ это ни странно, даже не вполне понятая книга можетъ дать и дать такимъ читателямъ нѣчто нужное, нѣчто важное, многозначительное. Съ ея помощью такой читатель дѣлаетъ первый шагъ, за которымъ слѣдуетъ рядъ другихъ: то *свое*, что оформилось съ помощью непонятой книги, подвергается критикѣ, анализу, матеріалъ для котораго копится «изъ воздуха», изъ окружающей среды, изъ другихъ книгъ, болѣе легко усвояемыхъ, и т. д. Крайне интересно, крайне важно изучать это *читательское непониманіе*,—въ немъ, какъ въ фокусъ, сосредоточиваются двойкаго рода силы: идеи книги, съ одной стороны, насущнѣйшія потребности данной личности—съ другой; словно двѣ рѣки текутъ въ сознаніи сначала рядомъ одна съ другой, не смѣшиваясь, на подобіе Вѣлага и Голубого Нила; лишь съ теченіемъ времени то и другое смѣшивается и получается при этомъ нѣчто среднее, — и приспособленное, и нужное для данной личности, данныхъ условій).

На этомъ же фактѣ весьма подробно останавливался и Г. И. Успенскій *):

«Что могъ понимать онъ (Федюшка) въ тѣхъ книгахъ, которыя въ то время писались и которыя онъ бралъ отъ господъ? Вопросъ этотъ весьма любопытенъ въ виду того, что книги того времени, дѣйствительно, имѣли вліяніе на тугой, неразвитой, малоспособный и забытый умъ Федюшки, тѣмъ еще болѣе любопытенъ, что, развиваясь на этихъ книгахъ, Федюшка ровно-таки въ нихъ ничего ни понималъ. Онъ разбиралъ слова, какъ Петрушка, разбиралъ ихъ цѣлыми десятками, сотнями страницъ, не находя между ними ни смысла, ни связи, а развиваясь и именно въ томъ самомъ направленіи, какимъ книги были проникнуты. Тайна такого непостижимаго умѣнья развиваться книгой, ничего въ ней не понимая, заключается въ томъ, что развитіе тутъ идетъ не помощью ума или пониманія, а исключительно помощью сердца. Сердце автора подаетъ вѣсть сердцу непонимающаго «слова» чтеца. Кто и когда изъ самыхъ завязтыхъ знатоковъ писанія понималъ не только доподлинно, а такъ хоть изъ пятого въ десятое, что такое читается въ церкви, какая начетчица понимаетъ, что такое написано въ псалтири, который она зудитъ по годамъ? Что такое написано въ Апостолѣ?

«Никто никогда, ни одинъ самый завязтый начетчикъ и грамотѣй крестьянскаго званія не могъ и не можетъ разсказать (развѣ что вызудивши дѣло до тла), о чемъ такъому ему читаютъ, но всякій знаетъ, въ чемъ дѣло, потому что сердцемъ понимаетъ сердце автора, будь то царь Давидъ, Апостолъ, Христосъ... Скрытое въ глубинѣ и массѣ словъ чувство, руководившее авторомъ книги, только оно и улавливается слушателемъ и чтецомъ, и, уловя его, чтецъ или слушатель продолжаютъ только чувствовать въ данномъ сердцу направленіи, думая о себѣ. Попробуйте спросить вотъ этого старика, вежливаго на печкѣ отъ чтенія псалтири, такого чтенія, въ которомъ никто ничего разобрать не можетъ, потому что тутъ нѣтъ ни остановокъ, ни связи, тутъ раздѣляется пополамъ одно слово и произносится такъ, что одинъ конецъ прилипаетъ къ предшествовавшему слову, а другой къ послѣдующему,—спросите этого плачущаго старика: что такое растрогало его въ этихъ, какъ разваленный плетенъ натыканныхъ его внукомъ словахъ?—То, что онъ вамъ отвѣтитъ, будетъ непременно годиться въ горбуновскій разсказъ: непременно выйдетъ что нибудь въ родѣ: «наслѣжу, говорить, слѣдовъ (плачетъ), а ты... гов... (плачетъ) говоритъ, по нимъ и ходи (рыдаетъ)... Словомъ, выйдетъ непременно какой-нибудь смѣшной вздоръ, сразу обнаруживающій, что рыдающій старикъ глупъ, какъ пробка... А между тѣмъ, онъ рыдаетъ тѣми слезами, какими рыдалъ и царь... Сердце его также мучается своими прегрѣшеніями, какъ мучится своими прегрѣшеніями сердце пророка... Оба одинаково страдаютъ, каждый о своемъ. Старикъ *передалось только направление книги* (курсивъ нашъ), онъ только почувалъ, что мучился человѣкъ, который писалъ, и простое сердце отвѣчало слезами...»

«Такимъ порядкомъ читаютъ въ трактирахъ и газеты, не понимая ни этой «фанатизмы», не зная, что Царь-градъ, Стамбулъ, Константинополь — одно и то же, не понимая, что такое пишется въ ромачѣ, переведенномъ съ французскаго, что такое поется въ театрѣ «Буффъ» и въ «Ливадіи»; не понимая почти никакихъ словъ газетъ, еле грамотный чтецъ отлично-хорошо чувствуетъ общее шаромыжнически-практическое и плутовское, улыбающееся направленіе газеты и отвѣчаетъ ему смѣлостью,

*) Успенскій, т. I, стр. 658—660, «Голодная смерть».

съ которой шаромыжничество возрастаетъ въ народѣ въ значительной степени. Точно такъ вліяли непонятныя книги и на Оедюшку. Разсказать прочитанное и передать своими словами онъ не могъ, выходилъ всякій вздоръ, но сердце книги онъ чувалъ, понималъ, а сердце въ то время у книги было чистое и доброе»...

Заговоривъ о читательской психологіи простого народа, неподготовленного читателя, мы не можемъ не привести здѣсь еще одного интереснаго свидѣтельства. Правда, указаніе, которое мы сейчасъ намѣрены сдѣлать, касается въ значительной степени вопроса спеціального,—историческаго романа,—но намъ кажется, что указаніе это тѣмъ не менѣе имѣетъ и общее значеніе. Вотъ что находимъ мы у г. Н. Р. *).

«Въ головѣ у читателя есть свои законы перспективы, въ которой и располагаются образы и идеи, полученные изъ прочтенной книги. Большую ошибку дѣлаютъ господа педагоги, предполагая, что они знаютъ эту перспективу *à priori*. Они не знаютъ ее ни *a priori*, ни *a posteriori*. Они нерѣдко даже и знать не хотятъ ее и, примѣняя къ читателю свою мѣрку, берутъ на себя роль какихъ-то литературныхъ цензоровъ, которые съ педагогическими очками на носу обшариваютъ книгу за книгой, страницу за страницей и, найдя въ книгѣ что нибудь не, подходящее съ ихъ точки зрѣнія, бракуютъ эту книгу, относя ее даже къ числу книгъ вредныхъ... Гг. педагоги забываютъ, что въ психикѣ читателя произведеніе писателя преломляется подобно свѣтовымъ лучамъ въ призмѣ; что нѣкоторые лучи, проходя черезъ психическую среду, гаснутъ, не доходя до сознанія, или «отправляются по другому адресу», какъ было указано выше; что тѣ образы, которые являются для насъ самыми яркими, въ головѣ молодого (скажемъ, и малоподготовленнаго) читателя нерѣдко представляются тусклыми, малозначущими, не бросающимися въ глаза. При сужденіи о злобности той или другой книги нужно принимать въ расчетъ не отдѣльныя впечатлѣнія, а равнодѣйствующую всѣхъ ихъ въ головѣ даннаго читателя. При такой постановкѣ дѣла нельзя не признать, что многіе и многіе недостатки, справедливо указываемые гг. педагогами въ историческихъ романахъ, въ сущности не такъ уже страшны. То, что видно педагогамъ, не видно читателю, у котораго идетъ рѣчь. Недостатки съ точки зрѣнія перваго не суть недостатки съ точки зрѣнія второго. Романъ, который, по мнѣнію перваго, возбуждаетъ въ читателѣ дурныя эмоціи, пролетаетъ, такъ сказать, надъ нервными центрами, гдѣ коренятся эти послѣдніе, не задѣвая ихъ, а, напротивъ, задѣваетъ совсѣмъ другое»... «Наблюденія надъ читателями историческихъ романовъ», продолжая тоть же авторъ въ другомъ мѣстѣ цитируемой статьи, «открываютъ интересное явленіе: они показываютъ, что нерѣдко историческій романъ дѣйствуетъ на читателя *прямо противоположнымъ образомъ* (курсивъ нашъ), какъ того хотѣлъ бы авторъ... Такое впечатлѣніе читатели, напр., выносятъ иногда изъ чтенія извѣстныхъ романовъ А. Дюма: «Три мушкетера», «Ожерелье королевы». Какъ извѣстно, этой страпухѣ историческихъ романовъ очень хотѣлось внушить читателю побольше симпатій къ тѣмъ сторонамъ французской жизни, которыя хотя и были разрушены событіями великой революціи, но находились въ фаворѣ въ тѣ времена, когда писалъ свое произведеніе Дюма. Еще болѣе яркій примѣръ представляютъ романы Сенкевича... Еще въ болѣе смѣшное положеніе попадаютъ такіе господа, какъ Всеволодъ Крестовскій... И особенно мы рекомендуемъ заключительныя слова цитируемаго нами автора: «тенденціи, вложенныя въ романъ авторомъ, имѣютъ свой предѣлъ, и этотъ предѣлъ ставить имъ жизнь, та обстановка, въ которой приходится жить читателю, условія жизни общественной, которыя не могутъ не вліять на его собственную жизнь, общія условія... Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что голова читателя—не *tabula rasa* и что въ нее постоянно льются теперь потоки идей, образовъ и т. д. не изъ одного, а изъ многихъ источниковъ».

III.

Итакъ, каковы же тѣ выводы, къ которымъ мы можемъ придти изъ всего сказаннаго для нашей темы.

Прежде всего всякія запретительныя и ограничительныя системы въ дѣлѣ распространенія газеты и книги нецѣлесообразны. Мы видѣли, что массовой читатель обладаетъ своей собственной психологіей, которая часто удивительнѣйшимъ образомъ извращаетъ навязываемую ей точку зрѣнія. Такимъ образомъ, повидимому самый выдержанный подборъ фактовъ въ концѣ концовъ нерѣдко не будетъ достигать своей цѣли.

Но то обстоятельство, что мы являемся противниками изоляціи народныхъ

*) «Историческіе романы и преподаваніе исторіи» «Рус. Шк.» 1901 г., № 1.

массъ въ дѣлѣ распространенія періодическихъ органовъ печати, отнюдь не даетъ права думать, что намъ чужда мысль о специальной «народной» газетѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, уже въ интересной статьѣ г. А. Пѣшехонова ¹⁾ мы находимъ любопытныя данныя о распредѣленіи матеріала въ періодическихъ органахъ различнаго типа, которое несомнѣнно слагалось подъ давленіемъ требованій своихъ подписчиковъ. Данныя для этого изслѣдованія, замѣтимъ кстати, «получены, если употребить статистическій терминъ, посредствомъ переписи, которой были подвергнуты газеты, вышедшія 5 октября 1900 г., или въ ближайшій слѣдующій, соотвѣствующій обычному ихъ выходу, день».

Вотъ тѣ выводы статьи г. Пѣшехонова, которыя представляютъ для насъ въ данный моментъ наибольшее значеніе.

«Соотношеніе между собой извѣстій разнаго характера въ органахъ различной прессы также не одинаково:

Въ % занято.	Большая пресса	Малая	Дешевая
Официальнымъ отдѣломъ..	3	1	3
Телеграфн. извѣстіями	9	8	15
Телеф. извѣстіями.....	1	6	—
Хроникой мѣстной	8	9	4
„ общей	4	1	4
Внутрен. извѣстіями	10	3	6
Внѣш. извѣстіями.....	7	2	2
Извѣст. о китайскихъ.....			
событіяхъ.....	7	8	20
Отчетами.....	4	7	1
Итого	53	45	55

«Наиболѣе далеко отходить отъ остальныхъ газетъ составомъ своего фактическаго матеріала дешевая пресса. Наибольшее мѣсто она отдала китайскимъ событіямъ и затѣмъ телеграммамъ; извѣстія этого рода оказались, очевидно, наиболѣе важными и заполнили двѣ-третьи того мѣста, которое маленькія газетки отводятъ подъ фактической матеріалъ. Сравнительно съ органами большой прессы, онѣ очень сжимаютъ мѣстную хронику, внѣшнія извѣстія и отчеты. Малая пресса выдѣляется крайне слабымъ развитіемъ официального отдѣла, общей хроники, внутреннихъ и внѣшнихъ извѣстій. Большое мѣсто, отведенное въ ней телефоннымъ извѣстіямъ и отчетамъ, падаетъ почти всецѣло на долю московскихъ органовъ. За исключеніемъ этой разницы, характерныя черты малой прессы свойственны какъ петербургскимъ, такъ и московскимъ ея представителямъ: у послѣднихъ онѣ выражены лишь нѣсколько слабѣе, чѣмъ у первыхъ, т. е. московскія газеты этого типа и по составу фактическаго матеріала приближаются болѣе къ дешевымъ и провинціальнымъ, чѣмъ петербургскія.

«Органы различныхъ типовъ,—продолжаетъ г. Пѣшехоновъ,—имѣютъ въ сущности разныхъ читателей. Серьезный читатель большой прессы интересуется, очевидно, всей жизнью, отражаемой газетой, что и сказывается наиболѣе равномернымъ распредѣленіемъ въ ней матеріала по отдѣламъ, главнымъ образомъ, городской (особенно у петербургскихъ органовъ) и малоразвитый читатель уличной прессы интересуется по преимуществу мѣстными новостями, экстраординарными событіями, со всѣмъ почти игнорируя новости общерусскаго характера, внутреннюю жизнь страны и текущую жизнь другихъ народовъ (оффид. отдѣлъ, общая хроника, внутреннія и внѣшнія извѣстія въ петербургскихъ уличныхъ газетахъ въ совокупности занимаютъ лишь немного болѣе одного процента). Почти исключительно провинціальныя читатели дешевой прессы, отличааясь также пристрастіемъ къ извѣстіямъ объ экстраординарныхъ событіяхъ, предъявляютъ, кромѣ того, спросъ на общерусскія извѣстія и провинціальныя, поступаая заграничными. Эти отличія между провинціальнымъ и городскимъ читателями еще рѣзче сказываются въ ихъ спросѣ на литературно-обработанный матеріалъ: первый ищетъ руководящихъ статей, второй фельетоннаго чтенія. Серьезный читатель большой прессы занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто. Онъ потребляетъ болѣе руководящихъ статей, чѣмъ уличный городской читатель, и болѣе фельетоновъ, чѣмъ деревенскій читатель дешевыхъ газетъ.

¹⁾ «Рус. Бог.» № 3, 1901 г. «Русская политическая газета».

Таковы уже внѣшнія, — но тѣмъ не менѣе рѣзкія, — различія, налагаемые требованіями читателей различнаго типа на различные органы періодической прессы. Уже изъ этихъ данныхъ можно получить весьма цѣнные указанія относительно конструкціи будущей народной газеты, если ей только предстоитъ вырасти внѣ рамокъ различныхъ регулирующихъ циркуляровъ. Еще глубже, еще существеннѣе должна отличаться по *внутреннему* своему содержанію народная газета, идущая въ деревню. Въ этомъ отношеніи весьма цѣнные указанія мы найдемъ опять-таки у Г. И. Успенскаго.

«Столица, а, стало быть, и столичная газета», говоритъ нашъ писатель *): «не принимаетъ во вниманіе того самаго народнаго матеріала, надъ которымъ она производитъ свои опыты улучшеній, усовершенствованій и вообще всякихъ благодѣяній. Ни въ одной газетѣ нѣтъ обстоятельнаго, хотя бы разъ появляющагося «деревенскаго обозрѣнія», которое обращало бы вниманіе на участь, постигшую то или другое дарованное столицей народу благодѣяніе, и показало бы въ какомъ видѣ благодѣяніе это добралось до деревни. Ничего подобнаго мнѣ не случилось нигдѣ выдаѣ или читать: деревня просто-таки благодѣтельствуется такъ-таки «безъ всякихъ разговоровъ».

«Почему деревня безропотно должна принимать всевозможныя отношенія относительно того, чѣмъ ей быть? Почему она сама не имѣетъ права сказать, что ей нужно? И долго ли, наконецъ, она не будетъ знать, что такое задумываютъ для нея чужіе люди, хотя бы и люди высшаго развитія?»

«Да, рѣшилъ я подъ вліяніемъ этихъ мыслей, *необходимъ настоящий мужицкій органъ, органъ деревенской жизни... настоящаго положенія деревенскаго кармана, деревенскаго ула, сердца, желаній, нуждъ, надеждъ.* (Курсивъ нашъ). Такой органъ освѣтилъ бы тьму кромѣшную русской жизни, внесъ бы свѣтъ въ темную комнату, гдѣ приходится ходить ощупью, путаться, теряться, спотыкаться, словомъ. не зная, гдѣ, что и кто?»

Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строчки, прошло болѣе четверти столѣтія, но слова Г. И. все еще такъ же приложимы и къ нашему времени, какъ подходили ко времени Успенскаго. Правда, послѣдніе годы все болѣе и болѣе появляется попытокъ дать народную деревенскую газету. Послѣ офиціознаго «Сельскаго Вѣстника» появились на югѣ «Хуторянинъ», на сѣверѣ «Вятская Газета»; въ центральной Россіи въ текущемъ году начала издаваться «Казанская Газета» и разрѣшена дешевая народная газета Нижегородскому земству, кромѣ того въ 1902 г. реформировался по составу редакціи трехрублевый еженедѣльный журналъ «Народное Благо», который обѣщаетъ быть очень симпатичнымъ органомъ; наконецъ, уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издается прекрасный ежемѣсячный «Журналъ для всѣхъ». Къ характеристикѣ всѣхъ этихъ въ высшей степени важныхъ и почтенныхъ предпріятій мы думаемъ возвратиться въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ «Вѣстника Знанія», а теперь только скажемъ, что ни одинъ изъ нихъ, за исключеніемъ «Сельскаго Вѣстника», не заслужилъ чести попасть въ министерскій списокъ изданій допущенныхъ въ читальни.

Но всѣ эти органы все-таки еще нельзя считать настоящими народными органами: народъ все еще не является потребителемъ ихъ, и «Вятская Газета», напр., разсылается въ громадномъ количествѣ безплатнымъ подписчикамъ.

Впрочемъ, въ этомъ мало повинны сами органы. Тотъ узкій практицизмъ, который столько разъ подвергался въ вопросахъ народнаго образованія энергичнымъ атакамъ со стороны лучшихъ общественныхъ дѣятелей, наложилъ тяжелый отпечатокъ и на утвержденныя программы народныхъ органовъ. Насколько это даетъ себя чувствовать, мы можемъ судить по «Вятской Газетѣ», которая въ теченіе десяти лѣтъ своего существованія нѣсколько разъ ужъ принималась вопіять объ измѣненіи своей программы. Но пока что гласъ ее остается все еще гласомъ вопіющимъ въ пустынь. Вотъ для характеристики ея положенія отрывокъ изъ послѣдняго доклада Вятской губернской земской управы по этому вопросу.

«Исполняя постановленіе губернскаго собранія XXXIV очередной сессіи, пишетъ названная управа возбудила передъ господиномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ ходатайство о разрѣшеніи дополнить программу «Вятской Газеты» (сдѣлами: 1) Юридическій, 2) Естествознаніе и географія, 3) Разныя извѣстія, 4) Телеграммы Россійскаго телеграфнаго агентства, 5) Дѣйствія правительства, 6) Иностранныя извѣстія по «Правительственному Вѣстнику», 7) Вопросы и отвѣты, относящіеся до сельскаго быта крестьянъ по программамъ

*) Т. II, стр. 35—38. «Изъ деревенскаго дневника».

*) «Журналы Вятскаго губ. земскаго собранія», XXXV очередной сессіи т. II, стр. 331.

«Сельскаго Вѣстника». И просила главное управленіе по дѣламъ печати разъяснить, что въ составъ «Литературно-историческаго» отдѣла входятъ: а) историческія повѣствованія, б) произведенія беллетристическія; обработка въ повѣствовательной формѣ темъ, изложеніе которыхъ въ иной формѣ могло бы быть слишкомъ сухимъ. Затѣмъ ходатайствовать о пониженіи подписной платы для лицъ, получающихъ газету безъ доставки и пересылки съ 2-хъ руб. до 1 руб. На всѣ эти ходатайства до сихъ поръ не получено отвѣта».

При такой программѣ, конечно, народной газетѣ еще долго придется отыскивать своего подписчика и долго она не будетъ въ силахъ стать органомъ печати, оплачивающимъ самъ свое существованіе.

Съ другой стороны обычная періодическая пресса совершенно не имѣетъ въ виду интересовъ читателя изъ народа; а благодаря этому она и не можетъ служить органомъ деревенской (добавимъ, вообще, народной) жизни. Въ этомъ отношеніи у Г. И. Успенскаго есть прекрасная картиночка, которая, не сомнѣваемся, не потеряла своего значенія и до настоящаго момента.

«Бывало, придешь», рассказываетъ съ обычномъ своимъ мастерствомъ Г. И.¹⁾; «въ редакцію вечеромъ, когда уже начинается сверстка нумера, когда весь оригиналъ набранъ и ожидаютъ только телеграммъ, и принимаешься съ прискорбіемъ въ сердцѣ за внутренній отдѣлъ, за характеристику русской жизни въ данную минуту. Матеріалъ выбранъ и вырѣзанъ господами редакторами отдѣловъ (внутренняго, политическаго, финансоваго, биржевого) еще утромъ. Полученныя корреспонденціи, одобренныя редакціей, и безчисленные вырѣзки изъ провинціальныхъ газетъ уже набраны и лежатъ на моемъ столѣ цѣлой грудой то длинныхъ, то коротенькихъ корректурныхъ полосъ. Глядишь на нихъ и думаешь: «какого-то хламу придется мнѣ понадергать изъ этой сокровищницы?»

«Зазвенѣлъ электрическій звонокъ. Надо идти въ комнату редактора.

«— Для внутренняго отдѣла, говоритъ онъ, — сегодня, кажется, можно удѣлить строкъ восемьсотъ... Кажется, телеграммъ будетъ мало. Ничего особеннаго нѣтъ. Пожалуйста, побольше перепечатокъ. Денегъ у насъ мало!

«Восемьсотъ строкъ!» съ восхищеніемъ думаю я.—«Вотъ это будетъ на что-нибудь похоже!»

«И, роясь въ матеріалѣ, корреспонденціяхъ и перепечаткахъ, подбираю на восемьсотъ строкъ вполне благоприличнаго матеріала.

«Въ виду рабочей поры, какъ нельзя лучше составилаcя весьма опредѣленная картина положенія рабочаго класса. Подошла и собственная корреспонденція къ этому вопросу, и вырѣзки изъ газетъ, и мелкія извѣстія о случаяхъ, касающихся этого же вопроса («не найдя работы, утопился или поджегъ чужой амбаръ» и т. д.). Словомъ, всѣ извѣстія отвѣчаютъ главнѣйшему вопросу времени и во всякомъ случаѣ для большинства читателей, какъ заинтересованныхъ въ вопросахъ рабочаго времени, такъ или иначе поучительны или, по крайней мѣрѣ, не лишни.

«Восемьсотъ строкъ наполнены, и наполнены хорошо и поучительно.

«Но вотъ звонитъ электрическій звонокъ.

— Надо убавить на двѣсти строкъ. Пришла пропастъ телеграммъ о тайныхъ интригахъ англичанъ въ Константинополѣ, о смерти мароккесскаго императора и банкротствѣ въ Мюнхенѣ торговаго дома... Да, спросите въ типографіи, сколько объявленій?.....

«Для этого необходимо надавить косточку звонка, проведеннаго въ типографію. и ждать, покуда оттуда, изъ-подъ земли, явится уже не писатель, а совсѣмъ особенный человѣкъ съ черными пятнами на лицѣ (блѣдномъ и истомленномъ) съ черными руками и хриплымъ, гробовымъ голосомъ.

«— Много объявленій?

«— Много-съ!... Сейчасъ отъ купчихи похоронное объявленіе приняли... Нарыдала она съ горя строкъ на пятьдесятъ мѣста.

«— А такъ-то вообще, сколько можно оставить для внутренняго?

«— Да строкъ на триста... Да и то врядъ ли... Фельетонистъ разскандальничался строкъ на двѣсти лишку... Охавываетъ кого-то... А вѣдь вы сами знаете, Козьма Ивановичъ, что издатель охотникъ до этого... Нарасхватъ пойдетъ нумеръ!...

«Вотъ тебѣ разъ!» думаю я въ сокрушеніи...

«Но едва вы подумали, что дѣло кончено, какъ въ редакцію явился репортеръ. Онъ въ страшныхъ попыхахъ—только что случился огромнѣйшій пожаръ на Лиговкѣ, сгорѣлъ уксусный заводъ, одинъ пожарный переломилъ ребро и кажется, погибла маленькая дѣвочка. Происшествіе «городское», и хроника, не заносщая на свои столбцы такихъ происшествій во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ, уже не хроника, и городской читатель не проститъ этой небрежности...

¹⁾ Г. И. «Веселыя минуты», стр. 1030.

«Кажется все?» думается наконецъ. Но—увы!—электрическій звонокъ главного редактора опять заигралъ что-то и опять зоветъ васъ.

— Скончался генераль Шомполовъ. Необходимо помѣстить некрологъ... строкъ двадцать пять. Пришла телеграмма: Кальноки ѣдутъ въ Эмсъ. Пасты простудила горло. Новая опера Гуно имѣла блестящій успѣхъ, и въ Нью-Йоркѣ была буря... строкъ пятьдесятъ.

«Стиснутый съ одной стороны «городскими» событіями, съ другой—кухарками, кучерами, телеграммами и т. д., внутренний отдѣлъ въ концѣ-концовъ представляетъ слѣдующее плачевное зрѣлище:

Съ неба упалъ камень.

Умеръ столѣтній старецъ.

Крестьянинъ Егоровъ упалъ въ колодезь внизъ головой.

Пароходъ «Нептунъ» прибылъ въ Батумъ.

Актрисѣ Купріяновой въ Саратовѣ поднесли букетъ.

Вотъ она внутренняя жизнь въ ежедневной газетной живописи!»

Конечно, не только запросы по преимуществу городского и болѣе или менѣе обеспеченнаго читателя опредѣляютъ, какъ мы видѣли изъ только-что приведенной картинки, содержание газеты. Очевидно, что при такихъ условіяхъ, дѣйствительно, крайне трудно создать такой дешевый органъ, который могъ бы заинтересовать нашу обнищавшую деревню, отвѣчать ей насущнымъ запросамъ и надеждамъ.

Итакъ, дѣло обстоитъ слѣдующимъ образомъ. Весьма сложныя условія текущей жизни не давали до сихъ поръ возможности появиться настоящей народной газетѣ, а потому ни одна газета, ни одинъ журналъ не имѣетъ массоваго читателя изъ народа. Библиотеки-читальни, черезъ которыя народныя массы, хотя и въ очень скромныхъ размѣрахъ, могли бы познакомиться съ періодической прессой, открываютъ доступъ, или органамъ, совершенно не подходящимъ для взрослого читателя изъ народа (дѣтскимъ), или органамъ, которые по самой своей конструкціи удовлетворить его не могутъ. Картина, надо признаться, печальная.

А. Николаевъ.

Библиографическія замѣтки о книгахъ для народа и для самообразованія.

Общее дѣло. Сборникъ статей по вопросамъ распространенія образованія среди взрослого населенія. Составленъ подъ редакціей *А. С. Костроминъ*. Выпускъ I. Ц. 1 р. М. 1900 г., 354 стр.

— Выпускъ II. Ц. 1 р. 60 к. М. 1902 г., 556 стр.

А. С. Борейскій. Милліонъ. Разсказъ. Изданіе редакціи журнала «Образованіе» Ц. 25 к., 52 стр.

Оба выпуска сборника «Общее дѣло» представляютъ на нашемъ книжномъ рынкѣ явленіе выдающееся.

И тотъ, и другой изъ нихъ конструированы по одному и тому же плану: первую часть книги занимаютъ статьи теоретическаго и практическаго характера, вторая вся посвящается вопросамъ библиографіи народныхъ изданій.

Появленіе на свѣтъ Божій сборника редакціей объясняется слѣдующимъ образомъ:

«Приступая къ составленію сборника, предлагаемаго вниманію читателей, редакция имѣла намѣреніе сдѣлать это изданіе періодическимъ ежегоднымъ, какъ это было намѣчено на 2-мъ съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію въ Москвѣ въ 1896 г., когда сборникъ былъ задуманъ, съ цѣлью имѣть органъ для постояннаго взаимнаго общенія между воскресными школами».

Такимъ образомъ, сборникъ долженъ былъ отвѣчать глубоко назрѣвшей потребности. Однако, въ самомъ началѣ практическаго выполненія этой задачи редакция пришла къ убѣжденію въ необходимости «расширить рамки изданія и дать въ сборникѣ мѣсто статьямъ не только по вопросамъ организаціи воскресныхъ школъ и преподаванія въ нихъ, но и вообще по вопросамъ распространенія образованія среди взрослого населенія, всѣми путями, открытыми въ настоящее время частной инициативѣ и не только въ Россіи, но и за границей».

Цитированнымъ мѣстомъ вполне опредѣляется составъ и характеръ статей, посвященныхъ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ распространенія народнаго образованія среди взрослого населенія, а потому мы на нихъ и не будемъ

останавливаться. Сдѣлаемъ только маленькое извлеченіе изъ предисловія, принадлежащаго перу г. В. Вахтерова.

«Кто изучалъ дѣло развитія школьнаго и внѣшкольнаго образованія народа за истекающее десятилѣтіе», говоритъ почтенный авторъ, «тотъ не можетъ не придти къ выводу, что наше общество выросло, что оно способно продуктивно работать на поприщѣ народнаго образованія, что оно въ состояніи было бы осуществить общедоступность внѣшкольнаго образованія всего народа. *И для этого ничего другого не нужно, кромѣ одного условія.—нѣкотораго простора для общественной и частной инициативы въ великомъ движеніи вѣка—въ дѣлѣ народнаго образованія.*

Цѣлый рядъ статей сборника блестяще доказываетъ это положеніе. Тамъ, гдѣ общество не встрѣчало часто глубоко неразумныхъ препятствій на пути своей дѣятельности, работа его достигала высокой продуктивности и давала прекрасные результаты.

Но, повторю, на общей части обоихъ останавливаться не будемъ. Скажемъ только, что каждый интересующійся вопросами народнаго образованія найдетъ здѣсь много дѣльных статей, принадлежащихъ перу извѣстныхъ авторовъ и нерѣдко напечатанныхъ предварительно въ различныхъ солидныхъ органахъ.

Въ данный моментъ насъ больше интересуетъ вторая часть каждаго изъ этихъ сборниковъ, посвященная рецензіямъ народныхъ изданій. Практическіе дѣатели по народному образованію безусловно должны имѣть этотъ сборникъ своей настольной книгой, которая въ тысячу случаевъ облегчитъ имъ трудное дѣло снабженія книгой малоподготовленнаго читателя.

Всѣ рецензіи написаны добросовѣстно и нелицеприятно. Книги разбиты по отдѣламъ; имѣются весьма удобно составленные списки и проспекты. Многие изъ авторовъ предварительно высказываютъ свои взгляды на задачи популяризаціи и тѣмъ въ значительной степени облегчаютъ дѣло расцѣпки популярно-научныхъ трудовъ.

Мы не будемъ вдаваться въ частности. Съ нѣкоторыми изъ характеристикъ мы, конечно, не согласны, но въ большинствѣ случаевъ слабыя и сильныя стороны произведеній подмѣчены вѣрно. Оба выпуска содержатъ нѣсколько сотъ рецензій. Какъ видите, работа произведена, дѣйствительно, огромная, и мы позволимъ себѣ здѣсь обратить вниманіе читателя на одну въ высшей степени интересную сторону нашего народно-популярнаго издательства, относительно котораго сходятся рѣшительно всѣ авторы рецензій. Да вотъ послушаемъ ихъ самихъ.

«Наличный запасъ народныхъ книгъ по исторіи, имѣющихся въ продажѣ, довольно значителенъ», говоритъ г. С. К. въ своей статьѣ «Обзоръ народной литературы по русской исторіи» (Вып. I, стр. 283). «Только по одной русской исторіи прошло ихъ черезъ наши руки, когда было приступлено къ составленію настоящаго отзыва, болѣе 150. *Но огромное большинство этихъ книгъ не заслуживаетъ даже того, чтобы о нихъ стоило упомянуть,* какъ о книгахъ, могущихъ такъ или иначе способствовать улучшенію постановки дѣла преподаванія исторіи въ воскресныхъ школахъ. Все это такія «исторіи», какихъ, вѣроятно, не рисковала рассказывать Митрофанушкѣ сама скотница Хавронья. Обычной, типической книжкой литературы такого рода является тощенькая брошюрка, тускло отпечатанная на сѣрватой бумагѣ, одобренная приличнымъ количествомъ печатокъ и трактующая какой-либо историческій сюжетъ языкомъ, зачистую приуроченнымъ къ такъ называемой «народной» рѣчи, отличіе которой отъ обычной заключается въ изобиліи «народныхъ» словъ, восклицательныхъ знаковъ и патріотически-назидательныхъ отступленій. Дѣйствующія лица обыкновенно «разговариваютъ» даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ собственно беллетристическими потугами и не задавался, а писалъ только исторію. Всевозможныхъ извращеній исторической дѣйствительности обыкновенно тѣмъ. Самый рассказъ обыкновенно не идетъ даже простой, болѣе или менѣе неумѣлой передачи фактическихъ данныхъ, безъ малѣйшей попытки сколько нибудь дѣльной группировки фактическаго матеріала, не говоря уже хоть о какомъ-нибудь научномъ освѣщеніи его. Зато всякихъ другихъ «освѣщеній»—сколько угодно... Это, господа, популярная исторія для народа.

Перевернемъ нѣсколько десятковъ страницъ того же выпуска и послушаемъ, къ какимъ заключеніямъ пришелъ г. Ал. Г. въ своемъ «Обзорѣ народной литературы по математической географіи и астрономіи. Вотъ, что онъ пишетъ (стр. 334):

«Я кончилъ обзоръ отдѣльныхъ книгъ. Постараюсь вкратцѣ выразить то впечатлѣніе, которое получается при знакомствѣ съ книгами по интересующему насъ предмету. Первое, что бросается въ глаза *это—чрезвычайная скудость дешевыхъ космографическихъ книгъ.* Врядъ ли есть отдѣлъ знаній, болѣе бѣдный?.. Во-вторыхъ, нельзя не признать, что *воплнть хорошихъ книгъ* среди имѣющихся *очень мало.* Особенно не повезло книгамъ для начальнаго знакомства»...

Переберемся теперь, читатель, во второй выпускъ. Быть можетъ, здѣсь наши поиски дадутъ намъ болѣе утѣшительные результаты. Но, увы! Первый очеркъ

Долгова «Популярная литература по ботаникѣ и зоологіи» разбиваетъ наши надежды.

«Къ сожалѣнію, книгъ общаго характера, составленныхъ такъ, чтобы онѣ удовлетворяли серьезнаго читателя, очень немного», пишетъ названный нами авторъ (Вып. II, стр. 277). «Значительное большинство книжекъ рассчитано только на то, чтобы удивить читателя и, въ лучшемъ случаѣ, возбудить въ немъ интересъ къ предмету. Обычнымъ преобладающимъ типомъ книжекъ по естественной исторіи являются рассказы о разныхъ замѣчательныхъ животныхъ и растеніяхъ... Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя книжки также необходимы, но для того, чтобы принести пользу, онѣ должны давать правильное понятіе о томъ, что изображаютъ. Именно этого и нѣтъ *очень часто*» (курсивъ нашъ).

Теперь уже читатель не ждетъ отъ насъ утѣшительныхъ сценъ и широкихъ горизонтовъ, когда мы станемъ съ нимъ лицомъ къ лицу съ «Обзоромъ народной литературы по всеобщей географіи». И онъ правъ. Опять невеселъ и не новъ рассказъ.

«Что же можетъ дать народная литература любителю просвѣщенія изъ народа, который въ рѣдкій часъ досуга съ жадностью развертываетъ книжку съ заманчивымъ заглавіемъ «Человѣкъ и природа», «Объ огнедышащихъ горахъ» и готовъ десять разъ перечитывать тѣ же строки, вдумываясь въ ихъ смыслъ?»—спрашиваетъ г. Э. Цингеръ (стр. 341. Вып. II). «Увы, очень мало, почти ничего. Со времени старыхъ «бесѣдъ о природѣ» Зобова не появилось ничего болѣе свѣжаго, научно-достовернаго и доступнаго, гдѣ бы такой читатель могъ почерпнуть отчетливыя свѣдѣнія по физической географіи, геологіи, метеорологіи и т. п... Многія изъ такихъ quasi-популярныхъ книгъ по физической географіи въ бібліотекѣ народной школы совершенно *нежелательны*, другія *прямо вредны* въ рукахъ малоподготовленныхъ читателей, если передъ ними, напримѣръ, упорно развивается мысль, что, «все очень просто», стоитъ только истратить гривенникъ на покупку книжки, какъ бы составленной «по послѣднему слову науки»—и сразу, безъ хлопотъ, станетъ ясна загадка мірозданія».

Теперь, конечно, вы уже не удивитесь послѣдней печальной цитатѣ, извлекаемой изъ статьи г. Ц. Львова «Обзоръ народной литературы по географіи Россіи».

«Разсмотрѣвши въ настоящемъ обзорѣ, пишетъ г. Львовъ, около сотни народныхъ географическихъ книжекъ, мы, къ удивленію своему, не можемъ соплатъ изъ нихъ такой подборъ, который охватилъ бы хоть приблизительно наиболѣе важныя части Россіи» (курсивъ нашъ). По нѣкоторымъ вопросамъ мы не находимъ рѣшительно ни одной приличной книги. Мы не имѣемъ, напр., до сихъ поръ ни одного порядочнаго, основаннаго на новѣйшихъ матеріалахъ, описанія нашего сѣвера, хотя число различныхъ, нынѣ распространенныхъ народныхъ и популярныхъ книжекъ о сѣверѣ превышаетъ два десятка. У насъ нѣтъ ни одного приличнаго описанія Крыма, хотя существуетъ нѣсколько брошюръ, носящихъ это заглавіе. Мы не имѣемъ до сихъ поръ сколько-нибудь обстоятельнаго описанія нашей великой русской рѣки Волги. Нѣтъ ни одной сносной книги о Малороссіи, ни одной порядочной о Бѣлороссіи и рѣшительно никакой о великоруссахъ. И это среди сотни посвященныхъ географіи Россіи книжекъ!» (стр. 420. Вып. 2-ой).

Грустно, читатель, становится и какъ-то неловко ужъ декламировать слова предисловія о томъ, какъ выросло русское общество, какъ много оно сдѣлало, и какъ много могло бы сдѣлать, если бы только не эти препятствія!... Эхъ, господа, господа, да какъ-будто бы и препятствія-то эти не отъ васъ самихъ и зависятъ! Примѣте, смѣлѣе надо смотрѣть на жизнь. А то вотъ до сихъ поръ народу, который васъ кормитъ, не умѣли дать приличной научной книжки!

Тому же вопросу о нашемъ книжномъ неурядиствѣ посвященъ въ полубеллетристической формѣ и рассказъ г. Борецкаго (художественнаго значенія онъ не имѣетъ, да на него и не претендуетъ).

«Между тѣмъ, потребности народа въ книгѣ и чтеніи почти совсѣмъ не удовлетворяются, а если и удовлетворяются, то крайне нежелательнымъ способомъ», говоритъ герой рассказа, молодой писатель Вьюгинъ (стр. 22). «Конечно, и теперь нѣкоторыя частныя лица, а также особые кружки и редакціи нѣкоторыхъ журналовъ, разныя общества занимаются изданіемъ народныхъ книгъ... Прежде всего всѣ подобныя предпріятія носятъ характеръ какихъ-то попытокъ, какихъ-то начинаній, которые никогда не доводятся до конца, никогда не достигаютъ сколько-нибудь дѣйствительно крупныхъ результатовъ... Издадутъ 5—6 рассказовъ, издадутъ 5—6 популярныхъ книжекъ—обыкновенно этимъ дѣло и кончается. Въ лучшемъ случаѣ дѣло ограничивается двумя-тремя десятками разныхъ рассказовъ или популярныхъ книжекъ. Но, знакомясь съ этими изданіями, вы невольно поражаетесь, что на всѣхъ этихъ книжкахъ, на всѣхъ этихъ рассказахъ лежитъ печать чего-то случай-

наго, отрывочнаго, бессистемнаго. Всѣ эти книжки даютъ какіе-то обрывки знаній, скудные, жалкіе обрывки, очевидно безъ всякой системы, безъ всякаго плана. Сегодня дадутъ назидательный разсказъ на тему о любви къ людямъ, завтра—наставленіе объ уходѣ за коровою, послѣ завтра—о фельдмаршалѣ Суворовѣ, затѣмъ о чаѣ и его свойствахъ, далѣе о сорокѣ и воронѣ и т. д. Что это такое?... И вотъ, благодаря такому отношенію къ дѣлу, у насъ до сихъ поръ нѣтъ сколько-нибудь полной серіи очерковъ ни по одной отрасли знанія: ни по исторіи вообще, ни по исторіи Россіи, ни по географіи, ни по естественной исторіи, ни по литературѣ, ни по космографіи, ни по общественнымъ наукамъ. То же самое можно сказать и относительно прикладныхъ наукъ: медицины, гігіены, сельскаго хозяйства, законовѣдѣнія, техническихъ производствъ. Повсюду какіе-то обрывки, ничѣмъ не связанные, отдѣльные факты, висящіе въ воздухѣ, не объединенные никакой общей идеей. Что же касается вопросовъ, выдвигаемыхъ условіями современной народной жизни, вопросовъ наиболѣе важныхъ и существенныхъ именно для народа, для крестьянина и рабочаго, то они и не затрагиваются народными изданіями. Возьмите, напр., такіе вопросы, какъ аграрный, переселенческій, вопросы о крестьянскомъ самоуправленіи, о волостномъ судѣ и обычномъ правѣ, о фабричномъ законодательствѣ, о кустарномъ производствѣ, о земельной общинѣ, о рабочемъ днѣ, дешевомъ кредитѣ и т. д...

Вѣдь это почти обобщеніе того, что мы слышали отъ рецензентовъ «Общаго дѣла» по поводу отдѣльныхъ вопросовъ знанія! Но герой разсказа находитъ выходъ изъ этого печальнаго положенія: надо только достать... миллионъ! А планъ работы Выгинъ развиваетъ широкій и вѣрный.

«По моему мнѣнію,—говоритъ герой разсказа,—прежде всего необходимо будетъ заявить въ печати, что возникаетъ кружокъ, который ставитъ себѣ цѣлью дать народу хорошую, полезную книгу, хорошую, дѣльную газету и журналъ (стр. 35)... Затѣмъ мы должны будемъ выяснитъ, какія именно книги, по какимъ областямъ знанія, по какимъ вопросамъ являются особенно желательными (стр. 36).. Широко ставя дѣло изданія книгъ для народа и большой публики, мы должны задаться цѣлью удовлетворять по возможности всѣ тѣ духовные, интеллектуальные запросы, какіе предъявляютъ разные слои народа къ книгѣ, къ печатному слову. Это, разумѣется, огромная, колоссальная задача! Только при живомъ, активномъ и горячемъ отношеніи къ этому со стороны культурныхъ слоевъ общества и возможенъ желаемый успѣхъ. Въ особенности необходимо привлечь къ участию *мѣстныя силы* каждого отдѣльнаго района или области (стр. 37). Затѣмъ на этотъ миллионъ будутъ открыты типографіи и литографіи со всѣми послѣдними усовершенствованіями, чтобы возможно удешевить изданіе народной книги; будетъ организованъ въ Москвѣ центральный книжный складъ и его отдѣленія во всѣхъ крупныхъ городахъ; будутъ устроены артели книгоношей и т. д. Однимъ словомъ, мѣры всевозможныя и выполнимыя. Нужны только силы и средства. Силы есть: ихъ выдвинула уже русская жизнь. Средства Выгинъ досталъ, но досталъ, увы! только... во снѣ! Бѣдная, русская жизнь, когда такіе сравнительно несложныя предпріятія оказываются выполнимыми только во снѣ! И мы позволяемъ себѣ не согласиться ни съ Выгинымъ, ни съ г. Вахтеровымъ. Намъ кажется, дѣло далеко не въ одномъ только миллионѣ. Не одинъ, а много миллионѣвъ погибнуть безслѣдно, если кореннымъ образомъ не будутъ измѣнены условія русской жизни. И рано говорить, какъ это дѣлаетъ г. Вахтеровъ, о томъ, что русское интеллигентное общество созрѣло, поспѣло и т. д., если оно не сумѣло создать до сихъ поръ надлежащаго *modus vivendi* въ такой важной области, какъ народное образованіе.

А. А. Н.

БИБЛИОГРАФІЯ.

В. М. Дорошевичъ, Сахалинъ (Каторга). Съ иллюстраціями. М. 1903 г. Изд. Сытина. Ч. I и II въ одномъ томѣ II. 3 р. 50 к.

Достоевскій и Мельшинъ сами вынесли каторгу на своихъ плечахъ, г. Дорошевичъ—человѣкъ для каторги посторонній, онъ ее наблюдалъ со стороны. Въ этомъ его и недостатокъ, и преимущество.

Недостатокъ въ томъ, что, несмотря на свой выдающійся художественный талантъ, онъ часто не умѣетъ проникнуть въ чуждую ему жизнь съ достаточной глубиной: ему приходится выдумывать, придѣлывать тѣ черты, которыми онъ хочетъ заполнить картину или типъ. Это не всегда ему удается, но на этомъ мы не будемъ останавливаться: недостатокъ этотъ обрисованъ съ достаточной подробностью другими рецензентами (см. напр. «Рус. Бог.»).

Преимущество же г. Дорошевича заключается въ томъ, что онъ, какъ человѣкъ посторонній каторгѣ, могъ спокойноѣ, эпичнѣе отнестись къ своей темѣ, а потому ярче освѣтить общественное значеніе того явленія, которое носитъ страшное названіе «каторги».

А въ такомъ освѣщеніи она нуждается.

«Замѣчательное дѣло,—говоритъ г. Дорошевичъ,—мы ежегодно приговариваемъ къ каторжнымъ работамъ отъ двухъ до трехъ тысячъ, рѣшительно не зная,—что же такое эта самая каторга?» (стр. 167, т. II).

Прежде всего васъ поражаетъ при первомъ знакомствѣ съ каторгой подъ опытной ферулой г. Дорошевича масса совершенно ненужнаго, лишняго страданія.

Душевную боль вызываютъ у васъ дѣти каторги, эти невинные страдальцы за грѣхи своихъ отцовъ.

«Нѣтъ сахалинской тюрьмы», свидѣтельствуетъ г. Дорошевичъ, «гдѣ бы не сидѣло «уроженца».

«Больше 25 лѣтъ на Сахалинѣ рождались дѣти, росли среди каторги, въ атмосферѣ крови и грязи, и съ самой колыбели были обречены на каторгу.

«Это былъ большой грѣхъ противъ этихъ несчастныхъ» (т. I, стр. 438).

Вотъ что говорила г. Дорошевичу про своего горячо любимаго сына одна интеллигентная женщина, имѣвшая несчастье попасть на каторгу:

— «Вѣдь это будущій убійца растеть! Вы только подумайте, наслѣдственность-то какая! Себя я преступной натурой, конечно, не считаю. Какая я преступница! Но вы посмотрите на отца. Убійца, полусумасшедшій развратникъ... И потомъ, что можете выйти изъ тюрьмы здѣсь на Сахалинѣ! Что передъ глазами! Ежедневно убійства, поголовный развратъ, плети, каторга... Вотъ, вы на игры ихъ посмотрите,—играютъ «въ палачи», въ повѣшеніе, палачъ у нихъ—герой, безсрочный каторжный-герой. Вы спросите у десятилѣтняго мальчика, что такое тюрьма? «Мѣсто, гдѣ кормятъ?» Гдѣ лучше: въ тюрьмѣ или на волѣ? «Знаю, въ тюрьмѣ,—на поселеніи съ голода подохнешь». Вѣдь все это мальчикъ съ дѣтства въ себя впитываетъ. Тюрьма для него что-то обыденное, неизбѣжное, заурядное, карьера. Что изъ него выйдетъ? То же, что и изъ другихъ. Убійца. Вѣдь я его на каторгу рошу, на каторгу! Убійцу будущаго!... Но пока, пока онъ маленький, въ немъ еще ничего этого нѣту, онъ ребенокъ, такой же, какъ и всѣ»... (ч. II, стр. 76).

Это—первый великій грѣхъ нашей каторги.

Второй грѣхъ она совершаетъ по отношенію къ добровольно слѣдующимъ.

«И вотъ эти «добровольно слѣдующія», послѣ всѣхъ мытарствъ, повѣствуютъ

г. Дорошевичъ, «поступаютъ», наконецъ, къ мужьямъ, которыхъ онѣ спасли отъ тюрьмы цѣною собственной жизни, страданій, мученій...

«Сколько напрасныхъ жертвъ! Сколько напрасно загубленныхъ жизней!

«Добровольно слѣдующую» съ мужемъ отправляютъ на поселеніе.

— Ни лошадей, ничего!—слышите вы отъ поселанокъ «добровольно послѣдовавшихъ», въ глухихъ, голодныхъ сахалинскихъ поселкахъ—дадутъ тебѣ мотыгу (родъ заступа), много ли земли намотыжешь? Какая это пашня?

— Просили бы лошадей.

— Лошадей не даютъ, нѣту. Просили, просили—насилу коровенку въ срочку выпросили. Да и ту бродяги зарѣзали. Теперь и коровы нѣтъ, и деньги въ казну каждый мѣсяцъ плати.

«Это какъ нельзя болѣе частая жалоба.

«И такъ нищенское хозяйство еле-еле идетъ, а тутъ, что есть, послѣднее бѣглые, бродяги разоряютъ.

«Въ концѣ концовъ, ссыльно-каторжная—это повсемѣстно предметъ зависти для «добровольно слѣдующихъ».

— Имъ и паекъ, имъ и все. А намъ что? Имъ ли не житье? Гуляй—не хочу. Отдадутъ сожителю, не понравится ей—уйдетъ, другого дадутъ!

«Каторжные работы для женщинъ состоятъ въ томъ, что каторжанки обязаны шить бѣлье на тюрьму.

«Каторжанка «сожительница», особенно помоложе да попригожѣ, предпочитаетъ «гулять», а шить бѣлье отдастъ обыкновенно «добровольно слѣдующимъ», благо тѣ отъ нищеты берутъ гроши.

И вотъ получается поистинѣ удивительная картина «каторги»!

«Каторжанка «гуляетъ», а женщина принесшая себя въ жертву, добровольно послѣдовавшая за мужемъ, исполняетъ «каторжные работы». (ч. I, стр. 421).

Да, каторга такъ уже устроена: чѣмъ безвиннѣе человѣкъ, тѣмъ ужаснѣе его страданія. Это положеніе находитъ себѣ полное приложеніе и по отношенію къ невинно-осужденнымъ.

«Мнѣ остается сказать», замѣчаетъ г. Дорошевичъ (ч. I, стр. 400), объ ихъ (каторжанъ) отношеніи къ невинно-осужденнымъ.

«Къ тѣмъ, относительно кого они увѣрены, что человѣкъ страдаетъ напрасно.

«Такіе есть на Сахалинѣ, какъ и во всякой каторгѣ.

«На арестантскомъ языкѣ они называются:

— «Отъ сохи на время».

«Каторга относится къ нимъ съ презрѣніемъ.

«Нѣтъ! Это даже не презрѣніе. Это ненависть, это зависть къ людямъ, не мучающимся душой, выражающаяся только въ формѣ будто бы презрѣнія.

«Это ненависть подлеца къ честному человѣку,—мучительная зависть грязнаго къ чистому.

«И положеніе этихъ несчастныхъ—положеніе горькое вдвойнѣ».

Вообще обиліе ненужной жестокости и мучительства—это своеобразная черта современной каторги. Она же, конечно, проявляется съ особой яркостью и въ «нормальныхъ» отношеніяхъ между начальствомъ и каторжанами. И мы не будемъ этому удивляться, если посмотримъ, какъ править каторгой».

„Представьте себѣ такую картину“, говоритъ г. Дорошевичъ (ч. I, стр. 189): кто нибудь заболѣлъ, и нужно прибѣгнуть къ трудной операціи.

«Созывается консилиумъ. Иногда выписываются даже знаменитости. Ученые доктора долго совѣщаются, толкуютъ, какую сдѣлать операцію, какъ ее сдѣлать, какія могутъ быть послѣдствія. И когда все обсудятъ и рѣшатъ, берутъ и уходятъ, а самую операцію поручаютъ сдѣлать сторожу.

— Но это невозможно!

— Но это на Сахалинѣ такъ и дѣлается.

«Человѣкъ совершилъ преступленіе. Два ученыхъ юриста, прокуроръ и защитникъ, взвѣсиваютъ каждую мелочь свидѣтельскихъ показаній, какъ онъ совершилъ преступленіе, почему, что это за человѣкъ. Иногда вызываются даже эксперты-психіатры, которые изслѣдуютъ не только здоровье подсудимаго, но и освѣдомляются о здоровьѣ всѣхъ его родственниковъ по восходящей линіи. Если подсудимый признается виновнымъ,—три ученыхъ юриста совѣщаются, обдумываютъ, какое къ нему примѣнить наказаніе, въ какой мѣрѣ.

«А самое наказаніе, долженствующее—девизъ Сахалина!—«возродитъ преступника», самое это «возрожденіе» поручается цѣликомъ надзирателю изъ отставныхъ солдатъ или изъ ссыльно-каторжныхъ.

«Это именно такъ. Отъ надзирателей зависитъ не только судьба ссыльно-каторжныхъ, но и примѣненіе къ нимъ манифестовъ. Манифесты, сокращающіе сроки наказаній, примѣняются къ тѣмъ, кто заслуживаетъ этого своимъ добрымъ

поведеніемъ. О поведеніи ссыльно-каторжныхъ судятъ по штрафнымъ журналамъ. А въ штрафные журналы вписываются наказанія, которыя налагаются надзирателями и никогда не отмѣняются зрителями тюремъ»...

Удивительно ли, что при такой встрѣчѣ лицомъ къ лицу этихъ двухъ столь различныхъ по своему юридическому положенію и столь близкихъ по своимъ воззрѣніямъ и воспитанію мировъ: міра всепильныхъ на каторгѣ надзирателей и лишенныхъ элементарныхъ правъ каторжанъ, мы являемся свидѣтелями грубой и безчеловѣчной жестокости, картины которой такъ сильно развертываетъ передъ нами г. Дорошевичъ.

Результаты такого положенія вещей предугадать, конечно, не трудно. Страданіе только озлобляетъ людей. Устанавливаются отношенія взаимной ненависти, взаимнаго мучительства.

При такихъ условіяхъ, конечно, нечего и говорить о «возрожденіи». Но, какъ мы видѣли, даже и «возмездіе» не достигается цѣли. При данной организаціи страдаетъ больше всего невинный или менѣе виновный. Для того, чтобы осмыслить Сахалинъ, чтобы привести его хоть въ какое-нибудь соотношеніе съ современной—хотя тоже скудной—русской дѣйствительностью, нужны на Сахалинѣ «люди знанія, люди дѣла, люди просвѣщенные, люди гуманные, люди честные, съ чуткой, доброй, отзывчивой душой». (ч. I, стр. 27).

Какъ рѣдкое исключеніе, Сахалинъ находилъ такихъ людей, но онъ не умѣетъ беречь ихъ.

«Уйти бы поскорѣе съ этого безотраднѣйшаго и во всемъ мірѣ и даже на Сахалинѣ кладбища», говоритъ г. Дорошевичъ (ч. I, стр. 30).

«Но тутъ должна быть одна «святая могила».

«Могила Наумовой, молодой дѣвушки, учительницы, основательницы Корсаковского пріюта для дѣтей ссыльно-каторжныхъ».

«Она училась въ Петербургѣ, бросила все и пріѣхала сюда, увлеченная святою мыслью, горя великимъ святымъ желаніемъ отдать жизнь на служеніе, на помощь этимъ бѣднымъ, несчастнымъ, судьбою заброшеннымъ сюда дѣтямъ преступныхъ отцовъ».

«У нея были широкіе планы, она мечтала о ремесленныхъ классахъ для дѣтей, о воскресныхъ школахъ для каторжанъ, о чтеніяхъ...

«Она работала всей душой, энергично, горячо отдаваясь дѣлу. Ей удалось кое-что сдѣлать. Корсаковский пріютъ ей обязанъ своимъ возникновеніемъ».

«Но слабой-ли дѣвушкѣ было бороться съ сахалинской, черствостью, съ сахалинской мертвечиной, съ сахалинскимъ равнодушіемъ къ страданіямъ ближняго!

Наумова кончила самоубійствомъ. Дѣло оздоровленія Сахалина—дѣло общественное, гдѣ индивидуальными усиліями ничего не сдѣлаешь».

Мы не будемъ долѣе задерживать читателя своей рецензіей. Намъ хотѣлось только показать, какое общественное значеніе, несмотря на всѣ свои недостатки, имѣетъ этотъ прекрасный трудъ; намъ хотѣлось подтолкнуть читателя ознакомиться самому съ работой г. Дорошевича.

Это знакомство съ исключительно темнымъ и несообразнымъ даже въ нашей русской жизни—явленіемъ можетъ навести на многія поучительныя параллели и помочь разобраться въ русской дѣйствительности.

Вс. Апокинъ.

Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ. 1901—2 уч. годъ. Парижъ, май 1903 г. Прообразомъ Русской Высшей Школы общ. н. явился Международная школа парижейской выставки 1900 г., устроенная по инициативѣ директора высшаго образованія во Франціи г. Ларіа, съ цѣлью объясненія собранныхъ на ней сокровищъ промышленности и искусства. Разбитая на группы по числу великихъ державъ, она представила рядъ лекторовъ, давшихъ широкое объясненіе экономическому, общественному и политическому устройству каждаго государства. Въ своей рѣчи, читанной 13 октября 1900 г. въ Парижѣ, М. М. Ковалевскій обобщаетъ историческіе прецеденты появленію международной школы. Впервые въ Соед. Шт. въ число университетскихъ курсовъ стали входить чтенія по національному общественно-дѣльному той или другой страны. Это направленіе передалось затѣмъ въ Европу, гдѣ образовалось еще недавно сравнительное правовѣдѣніе, занимающее почетное мѣсто въ ряду общественныхъ наукъ.

Въ силу сам-й задачи возможно близкаго знакомства съ дѣйствительностью и широкой научной обработкой ея явленій, общественныя и политическія науки приняли международный характеръ. Наибольшую силу получили международный принципъ въ новомъ брюссельскомъ университетѣ, гдѣ параллельно съ курсами по политической и общественной жизни различныхъ странъ было допущено чтеніе лекцій на различныхъ языкахъ. М. М. Ковалевскій прочелъ въ этомъ университетѣ нѣсколько курсовъ, въ числѣ которыхъ помѣстились лекціи по «исторіи развитія политической

мысли въ связи съ исторіей учреждений». Что же касается лекцій въ международной школѣ, то лекторъ останавливается на лекціяхъ, познакомившихъ международную публику съ славянскимъ фольклоромъ и съ исторіей славянскихъ странъ, въ томъ числѣ и Россіи. Къ этимъ лекціямъ примкнули отдѣльные чтенія по вопросу о положеніи сибирскихъ инородцевъ, въ которыхъ выступили г. Волковъ, проф. сравнительной этнографіи де-Мартилье и др. Кромѣ того, были сдѣланы сообщенія по исторіи русскаго права, о вліяніи французской юриспруденціи на русскія кодификаціи XIX ст. и нѣсколько лекцій талантливыхъ русскихъ экономистовъ и народо-вѣдцовъ о духовной и матеріальной жизни нашего народа. И религіозная жизнь Россіи нашла себѣ откликъ въ аудиторіяхъ школы, жизнь, оказавшая за послѣднее время въ нашемъ отечествѣ большое вліяніе на политическій строй. Рѣчь эта, помѣщенная въ отчетѣ Р. В. Ш. за первый учебный годъ, освѣщаетъ тѣ перспективы, изъ которыхъ въ послѣдствіи создалась идея основанія Р. В. Ш. Въ ней, рѣчи, перечислены прецеденты основанія школы общественныхъ наукъ, при чемъ самое возникновеніе ея опирается на 2 § ст. 3 устава международного Союза для развитія науки, искусствъ и образованія. Какова же цѣль ея, каково содержаніе наукъ, преподаваемыхъ въ этой школѣ?

На этотъ вопросъ отвѣчаютъ двѣ рѣчи М. М. Ковалевскаго и отчетъ за 1901—2 г., составленный Ю. С. Гамбаровымъ.

Обѣ рѣчи сводятся къ слѣдующему. Явленія русской общественной и политической жизни не находятъ полной научной обработки въ нашихъ университетахъ. Согласно старымъ схоластическимъ системамъ преподаванія, эти научныя дисциплины группируются въ юридическихъ факультетахъ и частью въ филологическихъ. Чтобы непосредственно отвѣтить научной задачѣ изслѣдованія, необходимо широкое, сѣвѣнное сторонъ на родной жизни, примѣняя къ такому рода научнымъ операціямъ по преимуществу сравнительно-историческій методъ. При этомъ приходится, конечно, считаться только съ уже дѣйствительными фактами. Р. В. Ш., основанная на родинѣ соціологіи, старается отвѣтить этой задачѣ. Съ этою цѣлью Школа вводитъ въ свою программу значительное количество историческихъ наукъ, составляющихъ ядро въ изученіи народнаго быта, хозяйства и религіознаго культа страны. Въ свою очередь, подчиняясь методологическимъ требованіямъ, программа удѣляетъ большое мѣсто общественной и политической исторіи Запада. Широкая постановка предметовъ несомнѣнно отвѣчаетъ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ общественные вопросы приобрѣли преобладающее значеніе, при чемъ была доказана возможность построенія цѣльной науки—соціологіи. Последнюю особенно имѣтъ въ виду Школа, расширяя свою программу тѣмъ положеніемъ, что «окончательному сложенію абстрактной науки въ обществѣ предшествуетъ движеніе въ пользу построенія естественной исторіи человѣческихъ обществъ». Последняя рѣчь заканчивается указаніемъ на то, что «Русская Школа будетъ имѣть, разумѣется, въ виду прежде всего изученіе русской дѣйствительности и русскаго прошлаго».

Переходимъ къ отчету. Школа, согласно отчету, имѣтъ цѣлью организацію преподаванія научнаго обществознаія. Достигнуть этой цѣли предполагается слѣдующими средствами: 1) Объединеніемъ въ одно цѣлое многихъ научныхъ дисциплинъ, разбросанныхъ по тремъ обособленнымъ факультетамъ: философскому, юридическому и филологическому (къ послѣднему въ нашихъ университетахъ относятся предметы философскаго факультета, но не всѣ). 2) Исключается изъ программы преподаванія прикладныхъ наукъ обществознаія, допуская ихъ лишь въ мѣрѣ надобности. Преподаваніе ведется въ видѣ систематическихъ курсовъ, отдѣльных лекцій и практическихъ занятій. Подробная картина дѣятельности и постановки преподаванія въ школѣ открывается въ разсмотрѣніи чтеній по отдѣламъ. Ихъ всего 11.

Къ первому отнесены философія и методологія математическихъ, физико-химическихъ и біологическихъ наукъ. Достаточно указать на значенія наукъ, изучающихъ развитіе человѣческаго организма, опредѣляющихъ его положеніе въ органическомъ мірѣ и устанавливающихъ психическіе и физическіе факторы индивидуальной жизни, чтобы понять все громадное значеніе введенія этихъ наукъ при изученіи обществознаія.

«Уже одна возможность,—говоритъ И. И. Мечниковъ,—предвидѣть въ будущемъ болѣе приспособленное развитіе человѣка, когда всѣ возрасты его и особенно старость будутъ урегулированы согласно основнымъ стремленіямъ нашихъ инстинктовъ и нашей воли, позволяеть надѣяться на то, что истинную цѣль жизни составляетъ прохождение полного, гармоническаго цикла развитія человѣка и человѣческихъ обществъ. Общее благо, счастье и прочее получаютъ такимъ образомъ болѣе ясный и опредѣленный смыслъ и могутъ быть признаны дѣйствительнымъ удѣломъ усовершенствованныхъ людей. Въмѣсто пессимистическихъ воззрѣній на человѣческую природу, ведущихъ къ чисто пассивному отреченію отъ благъ жизни, къ смиренію и сознательной нирванѣ, открывается гораздо болѣе оптимистическая перспектива.

существованія, которая должна быть налажена человѣкомъ при помощи дѣятельнаго участія инстинктовъ, желаній, воли и положительнаго знанія».

Во второй отдѣлѣ программы входитъ философія и методологія общественныхъ наукъ. Сюда отнесены курсы по общей социологіи, введеніе въ изученіе социологіи и современныя социологіи. Помимо этого, отдѣлѣ изобилуетъ массою отдѣльных лекцій Яррокаго, Муромицева, Тарда и др., имена которыхъ говорить за самыя предметы и постановку преподаванія.

Дальсѣ, по третьему отдѣлу читаются курсы по всеобщей исторіи описательной социологіи. Къ нему близко приближается четвертый отдѣлѣ, имѣющій предметомъ антропологию и этнографію, поставленные въ связи съ изученіемъ общей органической жизни на поверхности земной коры.

Исторія религій занимаетъ пятый отдѣлѣ, останавливаясь съ подробностью на народной обрядности и представленіяхъ о Богѣ у славянъ.

Экономическія науки читаются по шестому отдѣлу, куда отнесены курсы Карышева: «Основы политической экономіи», М. М. Ковалевскаго: «Экономическая исторія Европы—цеховое хозяйство и рабочій вопросъ въ средніе вѣка», и А. Исаева: «О социализмъ нашихъ дней».

VII отдѣлѣ посвященъ государственному праву и его исторіи, а восьмой—гражданскому и его исторіи. Въ постановкѣ этихъ предметовъ главнымъ образомъ выдвинута цѣль научной систематизаціи матеріала въ противоположность принятому догматическому методу официальной науки. Среди лекторовъ по этимъ отдѣламъ мы встрѣчаемъ Сеньбоса, автора знаменитой «Политической исторіи современной Европы». IX отдѣлѣ исчерпываетъ юридическія науки криминологіей, которой въ В. Р. III. приданъ широко социальный характеръ, наряду съ законченной научной обработкой такихъ вопросовъ, какъ вопросы о биологическихъ и социальныхъ факторахъ преступности и вопросы изъ области преступленія и наказанія, играющіе подчасъ главную роль въ политической жизни страны.

Интересенъ десятый отдѣлѣ, включившій курсы по эволюціи метафизическихъ системъ, нравственныхъ понятій и ученій.

Заканчивается программа отдѣломъ исторіи изящной литературы и искусствъ. Достаточно простого перечня преподаваемыхъ въ В. Р. III. предметовъ и указаній на имена лекторовъ, чтобы составить надлежащее понятіе о всемъ значеніи, какое можетъ имѣть пребываніе въ стѣнахъ этого учрежденія. Едва ли не первую попытку представлять школа, попытку поставить на правильныя методологическія основанія общественныя и политическія науки. Школа даетъ широкое философское и историческое образованіе, отвѣчая самымъ строгимъ требованіямъ, самымъ широкимъ запросамъ. Та энергія, съ какою отнеслись учредители къ задачамъ школы, является могучимъ пособникомъ научнаго изслѣдованія. Остается только пожелать школь самаго широкаго процвѣтанія. Ниже помѣщаются цифровыя данныя отчета, которыя даютъ очень краснорѣчивую картину перваго года дѣятельности В. Р. III.

Б. И.

Акваріумъ. Руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Описаніе водныхъ растений и животныхъ. Составилъ В. П. Миллеръ. Изданіе второе, дополненное, съ 91 рис. А. Ф. Девриена. Ц. 1 р. 35 к., въ папкѣ 1 р. 60 к.

Появленіе второго изданія этой полезной книги должно быть привѣтствовано всякимъ любителемъ, желающимъ получить довольно полныя свѣдѣнія объ устройствѣ акваріумовъ. О значеніи послѣднихъ для изученія природы намъ уже приходилось говорить въ изданномъ нами «Руководствѣ для собиранія коллекцій и наблюденія природы», поэтому распространяться объ основной цѣли книжки В. П. Миллера не приходится. Но, выпуская въ свѣтъ свою книжку, авторъ обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на удовлетвореніе потребности въ дешевомъ руководствѣ, которое бы имѣло въ виду преимущественно практическія цѣли рациональнаго ухода за акваріумомъ, такъ какъ имѣющіяся въ настоящее время руководства «больше толкуютъ о технической еѣ части, т. е. какъ и изъ чего еѣ сдѣлать дома самому. Если же книга дѣйствительно полезна во всѣхъ отношеніяхъ, то она уже недостаточна по цѣнѣ не только бѣдняку-любителю, но и человѣку со средними средствами».

Разсматривая съ этой стороны книжку г. Миллера, нельзя не замѣтить, что цѣль, преслѣдуемую авторомъ, врядъ ли можно считать достигнутой, такъ какъ книжка все-таки дорога, если имѣть въ виду тѣхъ любителей, которые, стѣсняясь въ средствахъ, норовятъ все изготовить сами, пользуясь случайными, имѣющимися подъ рукой матеріалами. Для нихъ затрата 1 р. 35 к. (безъ пересылки) за книжку, не дающую, между прочимъ, указаній, какъ сдѣлать самому акваріумъ, очень чувствительна. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе вопроса, насколько правъ авторъ, увѣряя, что устройство акваріума не подѣ силу любителю, позволимъ себѣ возразить, что въ

такомъ случаѣ заботливость составителя о сбереженіи нѣсколькихъ десятковъ копѣекъ за книжку, имѣющую въ виду относительно обезпеченнаго любителя, врядъ ли рациональна...

Переходя къ разсмотрѣнію самой книжки, которая, повторяемъ, толкуетъ главнымъ образомъ о рациональномъ заселеніи акваріума и уходѣ за его обитателями, при чемъ, замѣтимъ, авторъ справляется со своей задачей вполне удовлетворительно, — мы опять-таки обратимъ главное наше вниманіе на вопросъ о степени выполнения составителемъ, или вѣрнѣе, издателемъ упомянутой въ предисловіи цѣли выпуска книги, а именно, — дать *дешевое* руководство.

Разсматривая книгу съ этой чисто матеріальной стороны, нельзя не сказать, что между авторомъ и издателемъ, повидимому, не было должнаго согласія. Въ самомъ дѣлѣ, книга издана на великолѣпной бумагѣ и снабжена большимъ количествомъ иллюстрацій. Значительная часть послѣднихъ, взятая изъ другихъ изданій той же издательской фирмы, могла бы смѣло безъ ущерба для дѣла быть выброшена, такъ какъ служить исключительно для цѣлей украшенія. Такимъ образомъ, еслибъ цѣль удешевленія книги, дѣйствительно, имѣлась въ виду, то можно бы было поставить значительно худшую бумагу и сократить, а не увеличить во второмъ изданіи число иллюстрацій. Наконецъ, можно бы было дать и другое, болѣе дешевое изданіе на ряду съ настоящимъ...

Но, если мы оставимъ въ сторонѣ это бросающееся въ глаза несоотвѣтствіе цѣли съ выполненіемъ и извѣстную нелогичность автора, очевидно, въ концѣ концовъ расчитывающаго на читателя со средствами, а не «бѣдняка — любителя», то должны будемъ все-таки отмѣтить, что книжка, дѣйствительно, издана прекрасно, относительно недорого и отвѣчаетъ потребности въ руководствѣ, дающемъ свѣдѣнія о рациональномъ уходѣ за акваріумомъ и его обитателями.

В.

Русская Высшая Школа общественныхъ наукъ въ Парижѣ.

Rue de la Sorbonne, 16.

(ТРЕТИИ АКАДЕМИЧЕСКІЙ ГОДЪ).

Лекціи начнутся 1/14 Ноября 1903 г.

Попечительный Совѣтъ: гг. Оларъ (Aulard) проф. Словеснаго факультета Сорбонны; Бертло (Barthélot) членъ Французской Академіи, непрѣмный секретарь Академіи Наукъ, быв. министр. народнаго просвѣщенія; А. Бертло (André Berthélot) быв. депутатъ; Леонъ Буржуа (Léon Bourgeois) президентъ Палаты депутатовъ, быв. министр народнаго просвѣщенія; А. Круазе (A. Croiset) членъ Франц. Института, деканъ Словеснаго факультета Сорбонны; Д-ръ Дельбе (E. Delbet) депутатъ, директоръ Collège libre des Sciences Sociales; Г. Деермъ (G. Deherme) редакторъ-издатель Coopération des Idées; В. Де-Греефъ (G. De Greef), ректоръ Новаго Брюссельскаго университета; Г. Денисъ (G. Denis) членъ Бельгійской Палаты депутатовъ; Ш. Деюнъ (Ch. Dejongh) быв. председатель Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ въ Брюсселѣ, генеральный секретарь и профессоръ Новаго Брюссельскаго университета; Э. Дюкло (E. Duclaux) членъ Франц. Института, директоръ Пастеровскаго Института и Ecole des Hautes Etudes Sociales; А. Эспинасъ (A. Espinas) профессоръ въ Collège de France; А. Фулье (Fouillée) членъ Франц. Института и Московскаго Психологическаго общества; Э. Фурниеръ (E. Fournière) быв. депутатъ, профессоръ въ Ecole des Hautes Etudes Sociales; Ш. Жидъ (Ch. Gide) проф. Юридическаго факультета Парижскаго университета; П. Жансонъ (P. Janson) членъ Бельгійской Палаты депутатовъ, профессоръ Новаго Брюссельскаго университета; А. Леруа Болье (A. Leroy-Beaulieu) членъ Франц. Института; Сюнь-Канъ (Syon-Saen) членъ Франц. Института, профессоръ Юридическаго факультета Парижскаго университета; Г. Моно (G. Monod) членъ Франц. Института; П. Аданъ (Paul Adam) писатель; Эдмонъ Пикарь (E. Pikard) сенаторъ Бельгійскаго Королевства, профессоръ Новаго Брюссельскаго университета; Ж. Психари (J. Psichari) профессоръ въ Ecole des Hautes Etudes; Эли Реклю (Elie Reclus) профессоръ Новаго Брюссельскаго университета; Элизе Реклю (Elisée Reclus) профессоръ Новаго Брюссельскаго университета; Г. Ренаръ

(G. Renard) профессоръ въ Conservatoire des Arts et Métiers; Т. Рибо (Th. Ribot) членъ Института, профессоръ въ Collège de France; Ш. Рише (Ch. Richet) профессоръ Медицинскаго факультета Парижскаго университета; Ш. Сеньобосъ (Ch. Seignobos) профессоръ Словеснаго факультета Сорбонны; Г. Сорель (G. Sorel) публицистъ; Г. Тардь (G. Tarde) членъ Франц. Института, проф. въ Collège de France; Э. Вандервельдъ (E. Vandervelde) членъ Бельгійской Палаты депутатовъ, профессоръ Новаго Брюссельскаго университета.

Распорядительный Комитетъ на 1903-4 годъ: Предсѣдатель—профессоръ И. И. Мечниковъ; товарищи предсѣдателя—профессора М. М. Ковалевскій и Е. В. де Роберти; генеральный секретарь профессоръ В. А. Анри.

Администраторы: Поль Алавъ; Андре Бертло; д-ръ Е. Дельбэ.

УСТАВЪ.

Цѣль учрежденія.

§ 1. Согласно 2-ой ст. Устава *Русской группы Международнаго Союза* для развитія наукъ, искусствъ и образованія, въ Парижѣ учреждается «Высшая Школа Общественныхъ Наукъ».

§ 2. Преподаваніе въ Высшей Школѣ ведется преимущественно на русскомъ языкѣ.

§ 3. Въ программу Высшей Школы входятъ: а) систематическіе курсы по различнымъ отраслямъ общественнаго; б) дополнительные курсы, отдѣльныя лекціи и рефераты; в) практическія занятія, экскурсіи, и т. д.; г) спеціальныя изслѣдованія по различнымъ вопросамъ (enquêtes).

§ 4. Профессора Высшей Школы и лица, читающія при ней отдѣльныя лекціи, пользуются полной свободой преподаванія подъ своей отвѣтственностью и въ предѣлахъ дѣйствующаго во Франціи законодательства.

§ 5. Студентамъ и студенткамъ Высшей Школы выдаются дипломы, для полученія которыхъ требуется: 1) удостовѣреніе трехъ профессоровъ объ успѣхахъ кандидата; 2) представленіе письменной работы (по возможности напечатанной), одобренной и допущенной къ публичной защитѣ Совѣтомъ профессоровъ; 3) публичная защита представленной работы.

Завѣдываніе дѣлами.

§ 6. Завѣдываніе дѣлами Высшей Школы принадлежитъ Совѣту профессоровъ составъ котораго пополняется новыми членами изъ числа приглашенныхъ профессоровъ (§ 7) по избранію самого Совѣта. Законное представительство Высшей Школы возлагается на администраторовъ, въ числѣ не менѣе трехъ, по назначенію Совѣта профессоровъ.

§ 7. Совѣтъ профессоровъ избираетъ изъ своей среды *Распорядительный Комитетъ*, состоящій изъ пяти членовъ: предсѣдателя, двухъ товарищей его, генеральнаго секретаря и помощника его; одинъ изъ членовъ Комитета исполняетъ обязанности казначея. Комитетъ организуетъ преподаваніе и наблюдаетъ за нимъ, приглашаетъ профессоровъ и лекторовъ и, сверхъ того, заведуетъ хозяйственной частью.

Условія приема.

§ 8. Высшая Школа открыта для всѣхъ. Преподаваніе въ ней бесплатное.

§ 9. Лица, желающія считаться постоянными слушателями, для полученія диплома, указаннаго въ § 5, вносятъ свое имя въ списки студентовъ Высшей Школы и платятъ 10 фравковъ въ годъ за право слушанія всѣхъ курсовъ и участія во всѣхъ занятіяхъ, организуемыхъ Высшей Школой. Правленію предоставляется освобождать и отъ этой платы студентовъ и студентокъ, затрудняющихся ея внесеніемъ.

§ 10. При Высшей Школѣ существуетъ Попечительный Совѣтъ, который избирается Совѣтомъ профессоровъ.

Основные курсы.

I. Философія и методологія математическихъ, физикохимическихъ и биологическихъ наукъ (Р. И. Мечниковъ, В. А. Анри, Ю. О. Семеновъ).

II. Философія и методологія общественныхъ наукъ. Общая социологія (М. М. Ковалевскій, Е. В. де-Роберти, В. де-Греефъ).

III. Всеобщая исторія и описательная социологія (М. М. Ковалевскій, И. В. Лучинскій, П. Г. Виноградовъ, А. С. Трачевскій, К. Валишевскій, В. В. Лесевичъ).

IV. Антропология и этнографія (О. К. Волковъ, О. Е. Деникеръ, Л. Ланникъ).

V. Исторія религій (В. И. Ивановъ, М. И. Тамамшевъ).

VI. Эволюція економіческаго быта и экономическихъ ученій (М. М. Ковалевскій, А. А. Исаевъ, В. Я. Желъзновъ, М. В. Бернацкій, А. А. Радцигъ, Н. А. Каблуковъ, М. И. Туганъ-Барановскій, Г. Б. Толлосъ, П. А. Апостоль, А. Метэнъ, Э. Вандервельдъ, Г. Лагардель, К. Р. Качоровскій).

VII. Исторія политическихъ теорій и учреждений (М. М. Ковалевскій, В. И. Ивановъ).

VIII. Исторія учреждений и ученій гражданского права (Ю. С. Гамбаровъ, М. М. Винаверъ, К. Олансонъ).

IX. Соціальная криминологія (Л. И. Шейнисъ, М. Н. Гернетъ, Н. Н. Баженъ, А. Г. Тимофеевъ).

X. Эволюція метафизическихъ системъ и нравственныхъ понятій и ученій (Е. В. де-Роберти, В. А. Анри, В. В. Лесевичъ).

XI. Исторія литературы и искусствъ (С. А. Венгеровъ, В. В. Лесевичъ, В. И. Ивановъ).

Сверхъ того, дополнительные курсы и отдѣльныя лекціи будутъ прочитаны въ 1903—4 году слѣдующими лицами: К. Арсеньевъ (русское общество въ XIX в.), К. Бальмонтъ, В. Башъ (эстетика гр. Льва Толстого), П. Боборыкинъ, Георгъ Брандесъ, Г. Влондель, П. Бойа, Р. Вормсъ, П. Вейнбергъ, А. Гольдвейзеръ, С. Грузенбергъ, М. Герценштейнъ, III. Деюнгъ (объ изученіи права въ Бельгіи), Э. Дельбэ, III. Жидъ, Л. Куперникъ, В. Камбуровъ, Д. Карабчевскій, А. Леруа-Вольте, Л. Лакуръ, О. Лурье, д-ръ А. Мари, Л. Манувриэ, А. де-Мортиль, Максъ Нордау, Я. Новиковъ, Г. Папилю, А. Петти, Эд. Пикарь (о Бальзака), Г. Ренаръ, Э. Реклю, П. Рузье, О. Родичевъ, Г. Сэ (политическія идеи во французской литературѣ XVIII в.), Ф. Саньякъ (положеніе крестьянъ во Франціи во время Революціи), III. Сеньобосъ, Г. Сельякъ, Г. Тардь, К. Тимирязевъ, Анатолий Франсъ, Е. Фурниеръ, Н. Фредериксенъ, М. Шенкинъ, О. Эрисманъ, А. Эспинасъ, А. Яценко (международное право)

Программа на 1903/4 учебный годъ.

а) КУРСЫ. I. Философія и методологія математическихъ, физико-химическихъ и биологическихъ наукъ. 1. В. А. Анри: Курсъ экспериментальной психологіи 2. Ю. О. Семеновъ: Космогеническія теоріи XIX вѣка.

II. Философія и методологія социальныхъ наукъ. 1. Е. В. де Роберти: а) Исторія социологіи и критика современныхъ социологическихъ системъ; б) Нерѣшенные вопросы общей социологіи. 2. В. де-Греефъ: Соціальная статика (на фр. яз.).

III. Всеобщая исторія и описательная социологія. 1. М. М. Ковалевскій: Общественная эмбриологія (Происхожденіе семьи, собственности и государства). 2. П. Г. Виноградовъ: Очерки изъ исторіи среднихъ вѣковъ. 3. II. В. Лучицкій: Курсъ новой исторіи. 4. А. С. Трачевскій: Основы исторіи XIX вѣка. 5. К. Валишевскій: Исторія Россіи въ XVI в. (на фр. яз.). 6. В. В. Лесевичъ: Значеніе сказовѣдѣнія въ современной фольклористикѣ.

IV. Антропология и этнографія. 1. О. К. Волковъ: а) Основы антропологіи; б) Сравнительная этнографія. 2. О. Е. Деникеръ: О человѣческихъ расахъ въ Европѣ. 3. Л. Ланцъ: Этюды по антропологіи Индіи (на фр. яз.).

V. Исторія религій. 1. В. И. Ивановъ: Связь греческой мифологіи съ древнѣйшими философскими системами. 2. М. И. Тамамшевъ: Исторія религій Востока.

VI. Эволюція экономическаго быта и экономическихъ ученій. 1. В. Я. Желъзновъ: Курсъ политической экономіи. 2. М. В. Бернацкій: Современные теченія въ политической экономіи. 3. П. Н. Апостоль: Кредитное денежное обращеніе. 4. А. А. Радцигъ: Теорія статистическаго метода. 5. М. М. Ковалевскій: Генезисъ политической экономіи (Исторія экономическихъ доктринъ въ связи съ измѣненіемъ условій народнаго хозяйства въ XVII и XVIII вв.). 6. Н. А. Каблуковъ: а) Статистика; б) Сельскохозяйственная экономія въ Россіи. 7. А. А. Исаевъ: а) О промышленныхъ кризисахъ; б) Финансовое право. 8. М. И. Туганъ Барановскій: Исторія экономическихъ и социальныхъ ученій. 9. Г. Б. Толлосъ: Исторія рабочаго законодательства въ Германіи и Швейцаріи. 10. А. Метэнъ: Рабочее движеніе и кооперация въ Англіи (на фр. яз.). 11. Э. Вандервельдъ: Рабочее движеніе и кооперация въ Бельгіи (на фр. яз.). 12. К. Р. Качоровскій: Результаты новѣйшихъ статистическихъ изслѣдованій крестьянскаго хозяйства и общины въ Россіи.

VII. Исторія политическихъ теорій и учреждений. 1. М. М. Ковалевскій: а) Основные вопросы государственнаго права и политики; б) Современное государственное право Англіи и Америки; в) Исторія политическихъ ученій XVII и XVIII вв. въ связи съ исторіей учреждений. г) Исторія русскихъ государственныхъ учреждений. 2. В. И. Ивановъ: Исторія римскихъ государственныхъ учреждений.

VIII. Исторія учреждений и теорій гражданского права. 1. Ю. С. Гамбаровъ:

а) Основные учения права; б) Энциклопедія права; в) Индивидуальный и коллективный рабочий договор въ современномъ правѣ. 2. М. М. Винаверъ: Гражданское право современной Европы. 3. К. Оланьонъ: Основы французскаго права (на фр. яз.).

IX. Соціальная криминологія. 1. Л. И. Шейнисъ: Основы уголовной антропологии. 2. Н. Н. Баженовъ: Психологія преступника. 3. М. Н. Гернетъ: Соціальные факторы преступности. 4. А. Г. Тимофеевъ: Учение о преступленіи.

X. Эволюція метафизическихъ системъ и нравственныхъ понятій и учений. 1. Е. В. де-Роберти: Философскія системы второй половины XIX в. 2. В. А. Анри: Исторія философіи XVII и XVIII вв. 3. В. В. Лесевичъ: Эмпирио-критическая философія Рихарда Авенариуса.

XI. Исторія литературы и искусствъ. 1. С. А. Венгеровъ: Общий очеркъ исторіи новѣйшей русской литературы. 2. В. И. Ивановъ: Очерки по исторіи греческой литературы. 3. В. В. Лисевичъ: Происхождение современного романа.

б) ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ и ОТДѢЛЬНЫЯ ЛЕКЦИИ будутъ прочитаны въ 1903/4 уч. году слѣд. лицами (подробныя названія курсовъ и лекцій будутъ своевременно объявлены): К. Арсеньевъ (русское общество въ XIX в.), К. Бальмонтъ, В. Башъ (эстетика гр. Льва Толстого), П. Боборыкинъ, Георгъ Брандесъ, Г. Блондель, П. Бойэ, Р. Вормсъ, П. Вейнбергъ, А. Гольденвейзеръ, С. Грузенбергъ, М. Герценштейнъ, Ш. Деюнгъ (объ изученіи права въ Бельгіи), Э. Дельбэ, Ш. Жидъ, Л. Куперникъ, В. Камбуровъ, Д. Карабчевскій, А. Леруа-Болье, Л. Лакуръ, О. Луръ, д-ръ А. Мари, Л. Манувриэ, А. де-Мартилье, Максъ Нордау, Я. Новиковъ, Г. Папилио, А. Петти, Эд. Пикарь (о Бальзакѣ), Г. Ренаръ, Э. Реклю, П. Рузье, Э. Родичевъ, Г. Сэ (политическія идеи во французской литературѣ XVIII в.), Ф. Саньякъ (положеніе крестьянъ во Франціи во время Революціи), Ш. Сеньобостъ, Г. Сельякъ, Г. Тардь, К. Тимирязевъ, Анатоль Франсъ, Е. Фурниеръ, Н. Фредериксенъ, М. Щепкинъ, Э. Эрисманъ, А. Эспинасъ, А. Ященко (международное право).

в) ПРАКТИЧЕСКІЯ ЗНІЯТІЯ: 1. По философіи подъ руководствомъ Е. В. де Роберти и В. А. Анри. 2. По государственному праву подъ руководствомъ М. М. Ковалевскаго. 3. По эволюціи экономическаго быта и экономическихъ учрежденій подъ руководствомъ М. М. Ковалевскаго и А. А. Исаева. 4. По гражданскому праву подъ руководствомъ Ю. С. Гамбарова. 5. По антропологи и этнографіи подъ руководствомъ Э. К. Волкова. 6. По экспериментальной психологіи подъ руководствомъ В. А. Анри. 7. Практическое и теоритическое преподаваніе новыхъ языковъ подъ руководствомъ П. Ю. Бойэ, Л. Леблана, Г-жи Пуансо-Эрли и С. Гарпера.

Запись въ студенты Высшей Школы на курсы 1903/4 уч. года будетъ производиться съ 1/14 октября 1903 г. отъ 11 до 12 ч. дня, въ помѣщеніи Высшей Школы, 16, Rue de la Sorbonne.

Занятія начнутся 1/14 ноября 1903 года и продолжатся до 1/14 іюня 1904 г.

Въ теченіе всего 1903-4 уч. года два раза въ мѣсяцъ будутъ выходить бюллетени съ подробнымъ расписаніемъ лекцій, отдѣльныхъ чтеній и практическихъ занятій.

Съ 1/14 ноября 1903 г. открыта будетъ бібліотека-читальня Р. В. Ш. исключительно для студентовъ и студенокъ, внесенныхъ въ списки Высшей Школы.

За всѣми свѣдѣніями и разъясненіями просить обращаться: 1) въ Парижѣ къ генеральному секретарю Виктору Алексѣвичу Анри, или къ секретарю Школы Мирону Акимовичу Инберу (письменно—16, rue de la Sorbonne, Paris; для личныхъ объясненій, во время каникулъ—отъ 12 до 1 ч./д. по воскресеніямъ и четвергамъ, а съ 14 октября—ежедневно отъ 11 до 12 ч./д., кромѣ воскрес. и праздн. въ помѣщеніи Школы); 2) въ Москвѣ—къ Николаю Александровичу Карышеву (6, Миусскій пр., д. Соловьева); 3) въ Петербургѣ: къ Петру Исаевичу Вейнбергу (Фонтанка, 25) и къ Евгению Васильевичу Аничкову (Фурштатская, 18).

Статистическій отчетъ о составѣ учащихся въ русской высшей школѣ за 1901—2 уч. годъ.

1. Распределеніе учащихся по семестрамъ.

Всего въ теченіе 1901—2 уч. г. въ Р. В. Школу поступило:

1) постоянныхъ слушателей	151 ч. (47%)
2) постоянныхъ слушательницъ	170 » (53%)

Итого . . 321 ч. (100%)

Изъ нихъ записалось:

1) на одинъ только зимній семестръ	143 » (45 ⁰ / ₀)
2) на одинъ только лѣтній семестръ	52 » (16 ⁰ / ₀)
3) на оба семестра въ разные сроки	49 » (15 ⁰ / ₀)
4) на весь сразу 1901—2 уч. г. записалось	77 » (24 ⁰ / ₀)

На 321 ч. приходится:

1) платныхъ	276 » (86 ⁰ / ₀)
2) освобожденныхъ (съ платы: слушателей . 33 (73 ⁰ / ₀); рабочихъ . . . 18 (40 ⁰ / ₀) } слушательницъ 12 (27 ⁰ / ₀); интеллигентовъ 27 (60 ⁰ / ₀) }	45 » (14 ⁰ / ₀)

2. Распределение по мѣстопроисхожденію.

1. Одесса 43 ч., 2. Петербургъ 41 ч., 3. Москва 31 ч., 4. Кіевъ 17 ч., 5. Харьковъ 14 ч., 6. Вильно 8 ч., 7. Витебскъ 7 ч., 8. Екатеринославъ 7 ч., 9. Варшава 6 ч., 10. Ростовъ-на-Д. 6 ч., 11. Саратовъ 6 ч., 12. Тифлисъ 6 ч., 13. Воронежъ 5 ч., 14. Елисаветградъ 5 ч., 15. Кутаисъ 5 ч., 16. Минскъ 5 ч., 17. Самара 5 ч., 18. Херсонъ 5 ч., 19. Иркутскъ 4 ч., 20. Нижн. Новгородъ 4 ч., 21. Николаевъ 4 ч., 22. Полтава 4 ч., 23. Казань 3 ч., 24. Кишиневъ 3 ч., 25. Красноуфимскъ 3 ч., 26. Курскъ 3 ч., 27. Лодзь 3 ч., 28. Мариуполь 3 ч., 29. Аккерманъ 2 ч., 30. Вологда 2 ч., 31. Гродно 2 ч., 32. Мелитополь 2 ч., 33. Новгородъ-Сѣв. 2 ч., 34. Рязань 2 ч., 35. Симбирскъ 2 ч., 36. Смоленскъ 2 ч., 37. Слуцкъ 2 ч., 38. Тверь 2 ч., 39. Ялта 2 ч., 40. Анапа 1 ч., 41. Баку 1 ч., 42. Бѣл. Церковь 1 ч., 43. Бѣлостокъ 1 ч., 44. Верхолевскъ 1 ч., 45. Винница 1 ч., 46. Владикавказъ 1 ч., 47. Выборгъ 1 ч., 48. Вязьма 1 ч., 49. Вятка 1 ч., 50. Градецъ (Болг.) 1 ч., 51. Екатеринбургъ 1 ч., 52. Екатеринодаръ 1 ч., 53. Керчь 1 ч., 54. Ковно 1 ч., 55. Константиноградъ 1 ч., 56. Красноярскъ 1 ч., 57. Кременчугъ 1 ч., 58. Кролевецъ 1 ч., 59. Литвиновъ 1 ч., 60. Могилевъ губ. 1 ч., 61. Могилевъ Под. 1 ч., 62. Омскъ 1 ч., 63. Орелъ 1 ч., 64. Оренбургъ 1 ч., 65. Островъ 1 ч., 66. Парижъ 1 ч., 67. Ромны 1 ч., 68. Рыбинскъ 1 ч., 69. Sarrebourg (Фран.) 1 ч., 70. Симферополь 1 ч., 71. Сороки 1 ч., 72. Ставрополь 1 ч., 73. Сызрань 1 ч., 74. Тамбовъ 1 ч., 75. Тирасполь 1 ч., 76. Тула 1 ч., 77. Царичинъ 1 ч., 78. Цюрихъ 1 ч., 79. Шкловъ 1 ч., 80. Шлиссельбургъ 1 ч., 81. Якобштадтъ 1 ч.,

На 321 ч. приходится:

Изъ Южнаго края	41,7 ⁰ / ₀
» Петербурга	12,8 ⁰ / ₀
» Западнаго края	10,9 ⁰ / ₀
» Москвы	9,6 ⁰ / ₀
Съ Средн. и Нижн. Волги и Камы	8,1 ⁰ / ₀
Изъ Центра и Сѣв. края	7,8 ⁰ / ₀
» Кавказа	4,7 ⁰ / ₀
» Сибири	2,5 ⁰ / ₀
» заграницы	1,3 ⁰ / ₀
» Финляндіи	0,6 ⁰ / ₀

3. Распределение по возрасту.

20 лѣтъ	40 чел.	34 лѣтъ	6 чел.
22 »	34 »	17 »	5 »
23 »	26 »	32 »	5 »
24 »	24 »	35 »	5 »
25 »	22 »	36 »	4 »
21 »	22 »	40 »	3 »
26 »	21 »	47 »	3 »
19 »	20 »	31 »	3 »
28 »	17 »	37 »	2 »
27 »	15 »	44 »	1 »
29 »	12 »	53 »	1 »
18 »	10 »	57 »	1 »
30 »	10 »	58 »	1 »
33 »	8 »		

На 321 ч. приходится:

Отъ 17 до 20 л.	10,9 ⁰ / ₀	Отъ 35 до 40 л.	3,5 ⁰ / ₀
» 20 — 25 »	45,5 ⁰ / ₀	» 40 — 50 »	2,1 ⁰ / ₀
» 25 — 30 »	27,1 ⁰ / ₀	» 50 — 58 »	0,9 ⁰ / ₀
» 30 — 35 »	10 ⁰ / ₀		

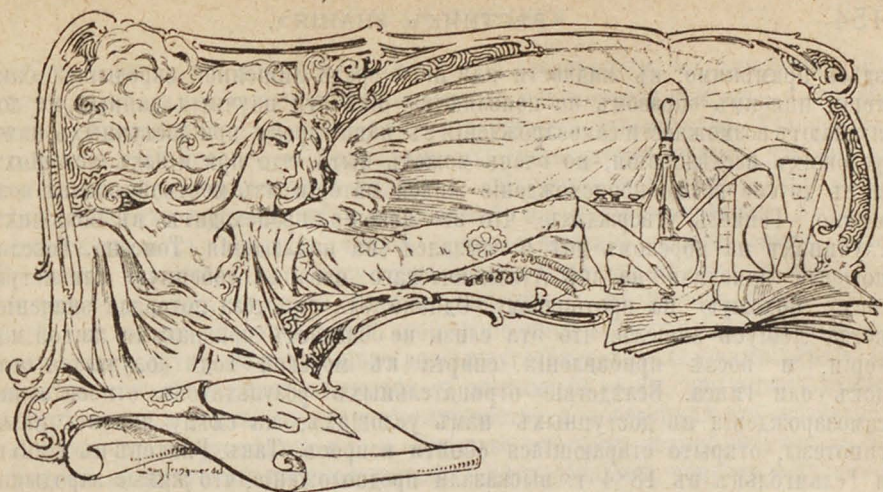
4. Распределение по образованию.

1) ПОСТОЯН. СЛУШАТЕЛЕЙ—151 ч. (100%).

Съ начальнымъ образованіемъ 27 ч. (18%).	Съ средн. законч. образованіемъ 52 ч. (34%).	Съ средн. незаконч. образованіемъ 11 ч. (7%).	Съ высшимъ законч. образованіемъ 13 ч. (9%).	Съ высшимъ незаконч. образован. 48 ч. (32%).
съ домаш. образ. изъ городск. уч. » изъ рисовал. уч. » ремесл. уч.	оконч. гимназію . . 30 » реальн. уч. . . 14 » коммерч. уч. . . 8	изъ духов. семинар. . 4 » военн. учил. . . 3 » кадетск. корп. . . 3 » гимназій 1	доктора медик. . . . 4 инженера 2 кандидата правъ . . 2 изъ коммерч. акад. . 2 фельдшеръ 1 Моск. Инст. вост. яз. 1 помощ. прис. пов. . . 1	съ естеств. фак. . . 12 » юридич. фак. . . 11 » медик. фак. . . . 10 » филол. фак. . . . 3 изъ технол. инст. . . 3 » горн. инст. 3 » загр. филос. фак. . 2 » агроном. инст. . . 1 » матем. фак. 1 » электрот. шк. . . . 1 » Петр. акад. наукъ . 1 » Военно-юрид. акад. 1

2) ПОСТОЯНН. СЛУШАТЕЛЬНИЦЫ—170 ч. (100%).

Съ начальнымъ образованіемъ 12 ч. (7,1%).	Съ среднимъ законч. образован. 115 ч. (67,6%).	Съ среднимъ законч. образованіемъ 1 ч. (0,6%).	Съ высшимъ законч. образован. 7 ч. (4,1%).	Съ высшимъ незаконч. образов. 35 ч. (20,6%).
съ домашн. образ. изъ рисовалн. учил. » городск. учил.	оконч. гимназію . . 105 » инстит. 10	изъ гимназій 1	доктора медик. . . . 3 акушери 2 фельдшерицы 2	съ Бестуж. курс. . . 10 » Париж. мед. факул. 6 » Париж. юрид. фак. 5 » Педагог. курс. . . 3 » Лесгафт. курс. . . 3 » Рождеств. курс. . . 2 » Коллект. курс. . . 2 » Пар. слов. факул. . 2 » Пар. естеств. фак. . 1 » загр. фил. факул. . 1

Научная хроника.

Біологія, фізіологія, медицина.

Происхождение жизни на землѣ *). Съ незапамятныхъ временъ людей занималъ вопросъ о происхожденіи жизни на землѣ, одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ въ теоретической біологіи. Однако, только послѣ признанія наукой эволюціонной теоріи Дарвина, рѣшеніе его могло получить научное обоснованіе. Въ настоящее время эволюціонная теорія вполне объясняетъ намъ происхожденіе высшихъ организмовъ, какъ животнаго, такъ растительнаго царства. Всѣ доказательства этой теоріи такъ ясны и убѣдительны, что не подлежатъ болѣе сомнѣнію. Но откуда произошли тѣ простѣйшія животныя, которыя по эволюціонной теоріи дали начало высшимъ организмамъ? При какихъ условіяхъ появились на нашей планетѣ первые одноклѣточные организмы и они-ли начало всего живого? или существовали инныя живыя тѣла, еще болѣе простыя? Были-ли одноклѣточные животныя, какъ амебы, простѣйшими или хронологически первыми живыми существами,—этотъ вопросъ еще долго останется въ области гипотезъ, вдаваться въ которыя мы здѣсь не будемъ. Насъ интересуетъ только, при какихъ физическихъ условіяхъ могли появиться на землѣ первыя живыя тѣла, безразлично, будь они въ видѣ клѣточекъ, или въ еще болѣе простой формѣ, въ родѣ *granul* Альтмана, бактерій и т. п. На этотъ счетъ существуетъ нѣсколько теорій, согласныхъ съ законами фізіологіи и геологическими гипотезами. Казалось бы, проще всего было бы признаніе самозарожденія; эта старая гипотеза и въ новѣйшее время считалась наиболѣе вѣроятной. Вѣрили, что какимъ-то непонятнымъ образомъ въ мертвой средѣ, какъ въ тинѣ, грязной водѣ, создавались условія, благоприятныя химическому соединенію простѣйшихъ тѣлъ и образованію бѣлковыхъ веществъ; самозарожденію приписывали появленіе не только низшихъ но и высшихъ организмовъ. До 18 столѣтія эта гипотеза была всеобщей; долѣе всего она продолжалась въ ученіи о низшихъ организмахъ—бактеріяхъ, но и тутъ работы Пастера, Пюше и др. доказали, что правило «*omne vivum e vivo*» и

*) Настоящая статья, принадлежащая перу К. Кильведа, не сообщая новыхъ фактовъ, даетъ понятіе о современномъ положеніи вопроса о происхожденіи жизни.

здѣсь примѣнимо: въ жидкости или иной средѣ лишенной зародышей бактеріи никоимъ образомъ не появляются. Всѣ эти научныя данныя не допускаютъ возможности самозарожденія въ наше время при доступныхъ намъ условіяхъ изслѣдованія, но очень можетъ быть, что при иныхъ условіяхъ и въ другое время происхожденіе живой матеріи изъ мертвой вполне возможно. Геккель утверждалъ, что это явленіе происходитъ въ большихъ глубинахъ на морскомъ днѣ и ссылаясь на наблюденія Томсона, Гексли, которые находили на днѣ Атлантическаго океана особенную слизистую массу, похожую на протоплазму. Однако, эта гипотеза потеряла значеніе, когда Мебіусъ нашелъ, что эта слизь не обладаетъ признаками живой матеріи, и послѣ прибавленія спирта къ морской водѣ получается осадокъ соли гипса. Вслѣдствіе отрицательныхъ результатовъ относительно самозарожденія въ доступныхъ намъ условіяхъ, на смѣну явились инныя гипотезы, открыто старающіяся обойти вопросъ. Такъ, Рихтеръ въ 1865 г. и Гельмгольцъ въ 1884 г. высказали предположеніе, что живые зародыши были перенесены метеорами на землю съ другихъ планетъ. Имъ возражали, что метеоры при быстротѣ движенія въ междупланетномъ пространствѣ нагреваются до чрезвычайно высокой температуры, такъ что скрытые въ нихъ зародыши должны были быть погибнуть и даже совершенно сгорѣть. Но сторонники теоріи указывали на присутствіе угля въ нѣкоторыхъ метеорахъ, и если уголь могъ достигнуть нашей планеты, не сгорая, то возможно, что зародыши не теряли своей жизнеспособности. Въ защиту теоріи Рихтера, Гельмгольцъ приводитъ, что метеоры разогрѣваются только съ поверхности, внутри же температура ихъ такъ низка, что органическія соединенія могутъ вполне сохраниться. Эта гипотеза не рѣшаетъ, однако, вопроса о происхожденіи органическихъ тѣлъ изъ неорганическихъ, а только отодвигаетъ его на другія планеты. Впрочемъ, Рихтеръ сторонникъ теоріи вѣчно-живой матеріи въ міровомъ пространствѣ въ видѣ клѣточекъ, переносимыхъ съ одной планеты на другую. «При неудачѣ всѣхъ попытокъ получить организмы изъ мертвой матеріи, считаю, — говорилъ Гельмгольцъ, — научной постановку вопроса: начиналась-ли когда-либо жизнь? не такъ-ли она стара, какъ и матерія? и зародыши, переносимые съ одного мірового тѣла на другое, не начинаютъ-ли развиваться тамъ, гдѣ находятъ соответствующія себѣ условія?» Въ иномъ свѣтѣ представляетъ вѣчность жизни теорія В. Прейера. Прейеръ понимаетъ жизнь болѣе широко, чѣмъ это принято въ биологіи; онъ называетъ организмомъ все то, въ чемъ совершается быстрый обмѣнъ энергіи; и наша земля, по его мнѣнію, имѣла всѣ признаки живого организма въ раннюю эпоху своего существованія, когда представляла собою огромную, расплавленно-огненную массу. По понятію Прейера, наша земля — одинъ громадный организмъ, жизнь котораго — въ энергіи движенія, въ какомъ находились всѣ его частицы. Съ теченіемъ времени, когда живая земля начала остывать, нѣкоторыя части ея организма, именно: тяжелые металлы, не имѣя соответственно высокой температуры, чтобы оставаться въ жидкомъ состояніи, выдѣлились въ видѣ твердой массы и, не принимая болѣе участія въ жизни, образовали мертвыя тѣла (неорганическія). По мѣрѣ дальнѣйшаго охлажденія земля стала замирать на всей своей поверхности, и ея наружныя мертвыя части составили земную кору. Когда же кора остыла настолько, что вода, которая въ видѣ паровъ носилась въ атмосферѣ, образовала океанъ, — тогда появились первыя химическія соединенія, приближающіяся постепенно къ протоплазмѣ, этой основѣ жизни; она образована очень подвижными элементами (водяные пары, углекислота, азотъ и т. п.) и сохранила жизненные свойства: способность къ превращенію энергіи. Все, что мы считаемъ неорганическими тѣлами, согласно этой теоріи, —

остатки жизни, угасшей благодаря потерѣ способности къ движенію. По теоріи Прейера, не организмы образовались изъ мертвой природы, а, напротивъ, минеральныя тѣла произошли отъ живыхъ организмовъ. Главное достоинство этой теоріи—ея фантастичность, недостатокъ же тотъ, что она не считается съ установившимся понятіемъ объ организмѣ, какъ о бѣлковомъ тѣлѣ. Наиболѣе научной, какъ основанной на фізіологическихъ и химическихъ данныхъ, является теорія о происхожденіи органическихъ тѣлъ Пфлюгера. Пфлюгеръ въ основу всѣхъ своихъ разсужденій ставитъ различіе живого бѣлка отъ мертвого, именно. содержаніе въ живомъ бѣлкѣ ціана (CN); это соединеніе отличается необыкновенной подвижностью и способностью распадаться подъ вліяніемъ воды на углекислоту (CO_2) и амміакъ (NH); ціановая кислота во многомъ сходна съ живымъ бѣлкомъ, при низкой температурѣ представляетъ прозрачную жидкость, а доведенная до извѣстной температуры, свертывается и т. п. Сходство это такъ велико, что можно бы признать ціановую кислоту полуживой. Такимъ образомъ, вопросъ о происхожденіи жизни сводится къ условіямъ образованія ціана. Соединенія ціана могутъ получаться (синтетически) только при очень высокой температурѣ, температурѣ плавленія металловъ, что наводитъ на мысль объ образованіи этихъ соединеній въ то время, когда наша земля была огненно-расплавленной массой; другія небѣлковыя тѣла, входящія въ составъ организмовъ, какъ углеводы, образуются въ тѣхъ же условіяхъ и при той же температурѣ. Принимая во вниманіе то неизмѣримое время, въ продолженіи котораго земля остывала, можно сказать, что было достаточно возможности для полимеризаціи ціанистыхъ и углеводородныхъ соединеній и для образованія (при участіи кислорода, воды и минеральныхъ солей) бѣлка, этой живой матеріи. Въ настоящее время теорія Пфлюгера о происхожденіи жизни на землѣ признана большинствомъ біологовъ за наиболѣе совершенную.

Что такое жизнь?—Этотъ вопросъ былъ недавно поставленъ и обсуждался въ Соединенныхъ Штатахъ, въ «Clark University». Въ числѣ говорившихъ былъ и I. Голль (Gaule), заслуженный профессоръ фізіологій Цюрихскаго университета (Его рѣчь въ подлинникѣ можно найти въ «American Journal of Psychology»).

Отвергнувъ многочисленныя опредѣленія жизни, время и значеніе которыхъ уже прошло, Голль далъ слѣдующее опредѣленіе. Жизнь, по его мнѣнію, заключается въ постоянномъ измѣненіи организма, на которое, конечно, вліяетъ окружающая среда, но не настолько, чтобы можно было сказать, что оно совершается подъ непосредственнымъ ея воздѣйствіемъ. Между измѣненіями, происходящими въ организмѣ, нѣкоторыя отличаются извѣстной періодичностью, какъ это доказываютъ опыты, произведенные Голлемъ надъ лягушкой. Сущность этихъ опытовъ заключалась въ томъ, что онъ взвѣшивалъ черезъ нѣкоторые промежутки времени отдѣльно различныя органы и сравнивалъ найденный вѣсъ съ общимъ вѣсомъ всего тѣла. Выборъ лягушки основывался на тѣхъ соображеніяхъ, что ее удобно изслѣдовать въ виду ея спячки зимой. Въ это время она не питается и, такъ сказать, не тратитъ ничего, такъ какъ ведетъ недѣятельную жизнь. Слѣдовательно, измѣненіе вѣса органовъ показываетъ, что одни органы увеличиваются въ своемъ вѣсѣ за счетъ другихъ. Между прочимъ укажемъ на слѣдующій результатъ опытовъ Голля: увеличеніе вѣса половыхъ органовъ во время спячки. Это увеличеніе вѣса происходитъ, понятно, за счетъ другихъ органовъ; но слѣдуетъ замѣтить, говоритъ Голль, что оно происходитъ безъ участія вишняго вліянія. Подобное же явленіе замѣчается и у лососи, какъ это слѣдуетъ изъ классическихъ опытовъ Мишера. Но передача вѣса, а слѣдовательно, и матеріи одной группой органовъ другимъ

происходить и въ естественныхъ условіяхъ у животныхъ и не подверженныхъ спячкѣ. Вѣсь мускуловъ кроликовъ подверженъ колебаніямъ: онъ послѣдовательно то увеличивается, то уменьшается. Тѣ же колебанія въ вѣсѣ существуютъ и для сѣмянника этого животнаго, при чемъ они находятся въ связи съ колебаніями въ вѣсѣ мускуловъ. Сѣмянникъ вѣситъ больше, когда мускулы теряютъ въ своемъ вѣсѣ.

Но, говоритъ Голль, не слѣдуетъ думать, что эта зависимость и колебанія существуютъ только между одной группой органовъ и другой. Болѣе вѣроятно, что если существуетъ измѣненіе въ одномъ органѣ, то есть одновременное измѣненіе во всѣхъ, такъ какъ жизнь представляетъ единство, и организмъ тоже обладаетъ имъ. Голль сталъ провѣрять свою гипотезу и замѣтилъ, дѣйствительно, что это измѣненіе происходитъ во всѣхъ частяхъ организма. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторые изъ нихъ — и особенно печень — измѣняютъ свой вѣсъ болѣе, чѣмъ другіе.

Другое явленіе, которое обнаруживается при близкомъ изслѣдованіи, — это, что увеличеніе половыхъ органовъ не непрерывно. Кривыя измѣненія вѣса яичника опускаются въ мартѣ, кривыя яйцевода (oviductes) и сѣмянника — въ февралѣ. Кривыя мускуловъ и печени, наоборотъ, поднимаются въ февралѣ. Обратное происходитъ въ другіе мѣсяцы: половые органы не развиваются за счетъ другихъ органовъ, а за свой собственный счетъ. Особенно характерно слѣдующее явленіе у лягушекъ въ февралѣ. Изслѣдуя лягушекъ во время спячки, Голль замѣтилъ, что у нихъ во время этого періода половые органы нѣсколько атрофированы въ то время, какъ печень очень велика. Слѣдовательно, половые органы теряютъ въ вѣсѣ въ пользу печени. Но есть и различіе для различныхъ половъ: элементы сѣмянника поступаютъ въ печень, элементы яичника — въ кровь. Поэтому, къ очевидно, происходитъ общее измѣненіе. Другія измѣненія происходятъ съ мѣсяцъ близкой періодичностью; существуютъ мѣсячные даже дневныя измѣненія, на которыя Голль уже давно настаивалъ въ своихъ прежнихъ трудахъ. Такимъ образомъ — какъ заключаетъ Голль — въ явленіяхъ жизни замѣчается большая ритмичность.

Жизнеспособность сперматозоидовъ. — Принято думать, что сперматозоиды, помѣщенные въ морскую воду, сохраняютъ свою плодовитость едва въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Г. Фишеръ произвелъ новыя изслѣдованія въ этой области надъ сперматозоидами морскаго ежа изъ породы *Arbacia*. Авторъ утверждаетъ, что до сихъ поръ мало принимали во вниманіе вліяніе на микроскопическое сѣмя различнаго рода бактерій, дѣйствующихъ на него и подъ инструментами наблюдателя, и въ жидкости, въ которую его погружаютъ. Поэтому Фишеръ постарался обставить свои опыты возможно тщательнѣе. Осторожно собранное сѣмя тотчасъ же погружалось въ морскую воду, предварительно стерелизованную продолжительнымъ кипяченіемъ. Тѣ же предосторожности были приняты для зародышевыхъ яичекъ (ovules), которыя были приведены въ сообщеніе съ мужскими элементами.

Съ 6-го по 20-го іюля 1902 г. авторъ произвелъ серію изъ 12-ти опытовъ, результаты которыхъ, опубликованные имъ въ «The American Journal of Physiology» (1903, т. VIII стр. 430), находятся противорѣчіи съ прежними воззрѣніями ученыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ оказалось, что сперматозоиды сохраняютъ свою жизнеспособность отъ 48 до 133 часовъ. Причина этой огромной разницы въ сопротивляемости двухъ различныхъ микроскопическихъ сѣмянъ въ настоящее время еще не установлена. Авторъ замѣтилъ, однако, постоянную зависимость между собственными движеніями сперматозоида и его оплодотворяющей способностью. Оказывается, всѣ неподвижные спермате-

зоиды остались безплодными, наоборотъ, тѣ сперматозоиды, движенія которыхъ были замѣтны, оплодотворили яички.

Приготовление противоядной сыворотки отъ укуса змѣй.—У насъ мало ядовитыхъ змѣй, и случаи укушенія ими рѣдки; но въ жаркомъ поясѣ, гдѣ водится множество разныхъ чрезвычайно ядовитыхъ гадовъ, и люди тысячами гибнутъ отъ ихъ жала,—тамъ противоядная сыворотка имѣетъ громадное значеніе. Главныя заслуги по приготовленію и примѣненію этой сыворотки принадлежатъ доктору Кальметту, директору Пастеровскаго института въ Лиллѣ. Свои первые опыты онъ дѣлалъ въ Сегонѣ, а затѣмъ, возвратившись во Францію, усовершенствовалъ способъ приготовленія. Въ настоящее время цѣлебное дѣйствіе этой сыворотки, какъ противоядія отъ укуса змѣй, несомнѣнно, даже чрезъ нѣсколько часовъ послѣ укушенія; и она даетъ благоприятные результаты, несмотря на родъ змѣй, которымъ укушенъ пациентъ, такъ какъ доказано, что змѣиный ядъ у всѣхъ видовъ одинъ и тотъ же, и различается только степенью концентраціи; такъ, чтобы умертвить кролика нужно 4 mgr. яду обыкновенной европейской змѣи, а для той же цѣли яду очковой индѣйской змѣи пойдетъ только 0,5 mgr. Докторъ Кальметтъ испыталъ на себѣ лѣчебныя свойства сыворотки. Года два тому назадъ, когда онъ былъ однажды въ своемъ рабочемъ кабинетѣ, его укусила самая ядовитая змѣя, и чрезъ нѣсколько часовъ послѣ вспрыскиванія противоядной сыворотки всѣ симптомы болѣзни исчезли. Приготовление этой сыворотки сопряжено съ большою опасностью, такъ какъ требуетъ содержанія цѣлаго питомника самыхъ ядовитыхъ змѣй, чтобы получить сконцентрированный ядъ. У доктора Кальметта въ Лиллѣ при Пастеровскомъ институтѣ есть отдѣльное помѣщеніе для змѣй разныхъ видовъ, привозимыхъ изъ жаркихъ странъ. Для выдѣленія сильнаго яда, змѣи должны быть здоровы, потому ихъ приходится старательно кормить; между тѣмъ, эти животныя въ неволѣ очень часто отказываются отъ пищи, и ихъ кормятъ насильно слѣдующимъ образомъ: одинъ работникъ держитъ змѣю за шею, а другой вставляетъ въ пасть стеклянную воронку и вливаетъ въ горло нѣсколько сырыхъ яицъ; эта манипуляція сопряжена, разумется, съ опасностью. Ядъ собираютъ каждыя двѣ недѣли, причемъ тоже приходится держать змѣю за шею и одновременно нажимать ядовитыя железы, собирая вытекающій ядъ на часовое стеклышко. Собранный ядъ помѣщается сейчасъ же подъ колоколъ пневматической машины и тамъ сушится, — такимъ способомъ лучше сохраняется. Для употребленія ядъ распускается въ водѣ, содержащей 7 частей поваренной соли на 1000, и приготовляются растворы яда опредѣленной концентраціи (1%, 2% и т. д.). Такимъ образомъ можно точно опредѣлить, сколько mgr. яда впрыскивается животному: для кролика вѣсомъ въ 2 кгр. достаточно 0,5 mgr., чтобы вызвать смерть чрезъ 3 часа. Для полученія хорошей сыворотки впрыскиваются животнымъ (лошадямъ, собакамъ, кроликамъ) сперва малыя дозы яда, а потомъ, очень постепенно, увеличиваютъ дозы; такъ что, напримѣръ, лошади чрезъ 16 мѣсяцевъ уже впрыскивается заразъ такое количества, которое можетъ убить 200 лошадей. Подъ вліяніемъ этихъ постепенныхъ впрыскиваній въ крови животныхъ вырабатываются соотвѣтствующіе анитоксины, которые въ концѣ нейтрализуютъ дѣйствіе сильныхъ приѣмовъ яда; тогда у такой лошади выпускается 6—8 литровъ крови и изъ нея приготовляются 2—3 литра противоядной сыворотки, которую сначала пробуютъ на кроликахъ, а затѣмъ дѣлятъ на порціи, какія слѣдуетъ впрыскивать человѣку, укушенному змѣею.

Геологія, географія, ботаника.

Къ вопросу объ Атлантическомъ материкѣ.—Вопросъ о существованіи Атлантическаго материка, соединявшаго нѣкогда Европу и Америку, принадлежитъ къ очень спорнымъ вопросамъ. Число сторонниковъ этой идеи въ научномъ мірѣ почти равно числу противниковъ ея. Недавно Шарфъ высказался за существованіе этого материка. Онъ признаетъ, что, по крайней мѣрѣ, до міоценовой эпохи Португалія была соединена сушей съ Азорскими островами и Мадерой; земля простиралась, по мнѣнію автора, въ эту эпоху, отъ Мароко къ Южной Америкѣ, захватывая Канарскіе острова и даже островъ Св. Елены. Только къ началу третичнаго періода, если вѣрить Іерингу, этотъ материкъ началъ покрываться моремъ.

Авторъ старается опровергнуть одно за другимъ всѣ доказательства Уоллеса, одного изъ самыхъ ярыхъ противниковъ этой идеи, который высказалъ слѣдующія положенія:

1) Большинство видовъ жесткокрылыхъ насекомыхъ, сильно распространенныхъ въ южной Европѣ и отличающихся небольшимъ полетомъ, совсѣмъ не распространены на островѣ Мадерѣ. Слѣдовательно, не существовало земли, по которой они могли проникнуть туда изъ Европы.

2) Острова Атлантическаго океана изобилуютъ горами вулканическаго происхожденія, которыя врядъ ли могли бы появиться на нихъ, если допустить гипотезу о низменной, территоріи.

3) На этихъ островахъ нѣтъ слѣдовъ мѣстныхъ земныхъ млекопитающихъ: кроликъ, ласка и т. п. проникли туда вмѣстѣ съ человекомъ. Шарфъ дѣлаетъ слѣдующія возраженія:

1) Виды: *Carabus*, *Lamprois*, *Pimelia* и т. п. центральной Европы исчезаютъ постепенно съ востока на западъ, такъ что въ Португаліи ихъ или нѣтъ совсѣмъ, или они очень мало распространены. Нѣтъ ничего удивительнаго *тѣмъ болѣе* въ томъ, что они не встрѣчаются на Азорскихъ островахъ и Мадерѣ.

2) Характеристика Уоллеса геологической природы названныхъ острововъ не согласуется съ современными данными геологii.

3) Что касается млекопитающихъ, Уоллесъ противорѣчитъ историческимъ фактамъ, такъ какъ за пятьдесятъ лѣтъ до первой экспедиціи португальцевъ, островъ Флоресъ (*Flores*) носилъ названіе «Кроличьяго острова», какъ онъ названъ на одной итальянской картѣ XIV в. А Азорскіе острова обязаны своимъ названіемъ сарычамъ, которые были найдены на нихъ въ большемъ количествѣ.

Слѣдуетъ замѣтить также, что Уоллесъ думаетъ, что, напр., Сешельскіе острова и Новая Каледонія, на которыхъ млекопитающіе совершенно не распространены, нѣкогда составляли одинъ материкъ.

Наконецъ, Шарфъ выражаетъ сомнѣнія относительно глубины моря между Мадерой и Европой, которую считаютъ въ 4.000 метровъ; онъ указываетъ на тотъ фактъ, что менѣе четверти вѣка тому назадъ, американцы въ этомъ мѣстѣ встрѣчали сушу, находившуюся въ уровень съ водою.

Въ заключеніе своихъ возраженій авторъ помѣстилъ геологическіе, зоологическіе и эмбриологическіе рисунки, которые дадутъ ему право настаивать на справедливости его идей.

Вредное вліяніе дыма на растенія.—Съ развитіемъ фабрично-заводской промышленности въ Германіи сталъ на очередь вопросъ о вліяніи дыма на растенія. По наблюденіямъ лѣсоводовъ оказывалось, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ воздвигались заводы, начиналось постепенное вымирание лѣсовъ, причину котораго пришлось искать въ дымѣ, въ составъ котораго

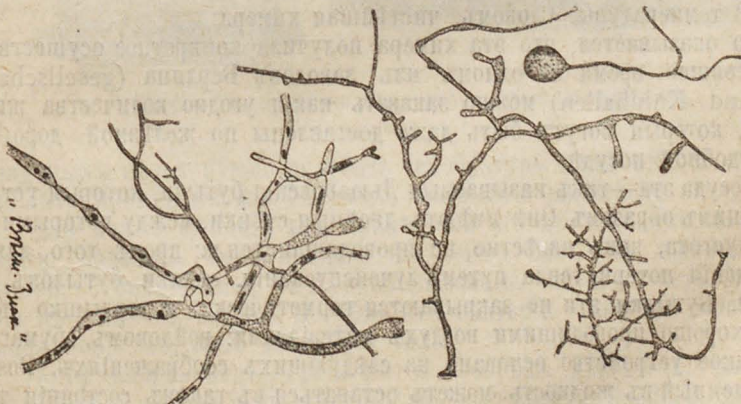
входятъ разныя газообразныя вещества. Среди этихъ газовъ одно изъ первыхъ мѣстъ по приносимому имъ вреду занимаетъ сѣрнистый газъ. Штекгардъ (Stoeckhard) подвергалъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ нѣсколько хвойныхъ деревьевъ дѣйствію незначительныхъ количествъ этого газа, (содержаніе его въ воздухѣ выражалось въ миллионныхъ доляхъ). Къ концу второго мѣсяца послѣ начала опыта иглы деревьевъ стали обнаруживать первые признаки болѣзни и къ концу третьяго совершенно побурѣли. Несмотря на то, что затѣмъ деревья содержались на свѣжемъ воздухѣ, они на второй мѣсяцъ по окончаніи опыта погибли.

Не менѣ вредны для растений соляная и флористоводородная кислоты и разныя органическія вещества въ родѣ дегтя и асфальта.

Всѣ эти газы попадаютъ въ дерево черезъ лиственный покровъ его, гдѣ они прежде всего уменьшаютъ количество циркулирующей и испаряющейся воды. Нарушая общее питаніе дерева, они въ концѣ концовъ вызываютъ его гибель. Если мы сравнимъ поперечныя сѣченія стволовъ двухъ деревьевъ: одного—здороваго, а другого—погибшаго отъ дыма, то мы увидимъ, что газовыя кольца послѣдняго значительно уже, чѣмъ у перваго. Одно изслѣдованное дерево развивалось въ продолженіи двадцати лѣтъ совершенно нормально; затѣмъ оно стало подвергаться вліянію дыма, его кольца послѣ этого становились съ каждымъ годомъ все уже и уже и въ концѣ концовъ такъ сузились, что ихъ съ трудомъ можно было отличить другъ отъ друга.

Интересны также результаты наблюденій надъ дѣйствіемъ свѣтильнаго газа на растенія. Онъ поражаетъ главнымъ образомъ подземные органы растенія и дѣйствуетъ на нихъ не только лѣтомъ во время активной жизнедѣятельности дерева, но также зимой, когда дерево отдыхаетъ. Такъ, если газопроводная труба была зимою настолько непрочно, что пропускала свѣтильный газъ, то всѣ находившіяся въ близкомъ съ нею сосѣдствѣ деревья погибали тою же зимою; если же и появлялись весною листья, то они скоро засыхали и отпадали.

Водоросли, бурящія камни.—Въ половинѣ прошлаго столѣтія естествоиспытатели, занимавшіеся жизнью моря, обратили вниманіе на тотъ фактъ,

Три вида водорослей, бурящихъ камни.

что кораллы чрезвычайно часто были пронизаны цѣлою стѣнью тончайшихъ каналовъ, каковыя можно встрѣтить и въ роговыхъ губкахъ, и въ раковинахъ моллюсковъ. Проф Дунканъ въ 1877 г. приписывалъ образованіе этихъ каналовъ дѣятельности особаго паразита изъ Saprolegnia

Къ этому взгляду присоединились и другіе естествоиспытатели. Но въ последнее время І. Е. Дюэрдэнъ (Duerden) въ „Bulletin of the American Museum for natural History“ сообщаетъ новые результаты своихъ изслѣдованій по этому вопросу. Авторъ этотъ приписываетъ образованіе этихъ каналовъ дѣятельности цѣлаго ряда микроскопическихъ красныхъ и зеленыхъ водорослей, которыя въ видѣ тонкихъ, многократно вѣтвящихся лентъ принизываютъ тѣло коралла. Среди нихъ Дюэрдэнъ различаетъ нѣсколько видовъ.

Физико-химическій процессъ, влекущій за собой разрушеніе коралла, еще не достаточно выясненъ. Вѣроятно, онъ можетъ быть сведенъ къ образованію растворимыхъ углекислыхъ солей дѣйствіемъ углекислоты, вырабатываемой водорослями, а также къ протоплазматическому давленію растущей водоросли. Хотя эти водоросли микроскопически малы, однако, онѣ появляются въ такихъ громадныхъ количествахъ и обладаютъ такой громадной способностью буравить твердые камни, что онѣ могутъ вызвать разрушеніе большихъ массъ коралловъ. Этой дѣятельности водорослей можно, по мнѣнію автора, приписать образованіе лагунъ на коралловыхъ островахъ, возникновеніе которыхъ до сихъ поръ приписывалось исключительно дѣйствию углекислоты, содержащейся въ морской водѣ. Въ спокойной водѣ среди острова эти водоросли легко могутъ развиваться и вызвать разрушеніе. Точка зрѣнія въ высшей степени интересная для географовъ!

Физика, техника.

Жидкій воздухъ.—Смѣхомъ недовѣрія былъ бы встрѣченъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ всякій, кто сталъ бы утверждать, что сможетъ привести съ нѣкотораго разстоянія, изъ Берлина, напр., жидкій воздухъ. Люди, хоть немного имѣющіе представленіе о химіи, возражали бы ему, что это даже теоретически невозможно. Жидкій воздухъ, если вообще возможно его существованіе, долженъ былъ бы при обыкновенной температурѣ улетучиться въ нѣсколько секундъ, а если бы, въ предупрежденіе этого, его заключили бы въ желѣзную бомбу, то ее неминуемо разорвало бы. Это такъ же выполнимо, какъ если бы хотѣли перевезти воду въ 300° температуры. Словомъ, чистѣйшая химера.

Но оказывается, что эта химера получила конкретное осуществленіе. Въ настоящее время на одномъ изъ заводовъ Берлина (Gesellschaft für Markt und Kühlhallen) можно заказать какія угодно количества жидкаго воздуха, которые могутъ быть даже доставлены по желѣзной дорогѣ въ очень удобной посудѣ.

Посуда эта—такъ называемыя Дьюаровскія бутылки, которыя устроены слѣдующимъ образомъ. Онѣ имѣютъ двойныя стѣнки, между которыми находится пустота, какъ извѣстно, не проводящая тепла; кромѣ того, для предупрежденія потери тепла путемъ лучеиспусканія, стѣнки бутылокъ посеребрены. Бутылки эти не закрываются герметически, а горлышко покрывается хорошо проводящими воздухъ матеріалами: войлокомъ, бумагой и т. п. Такое устройство основано на слѣдующихъ соображеніяхъ. Воздухъ, превращенный въ жидкость, можетъ оставаться въ такомъ состояніи только при условіи почти полной изоляціи такъ, чтобы то незначительное количество тепла, которое пройдетъ извнѣ, пошло на испареніе незначительнаго же количества жидкаго воздуха. Эта изоляція и достигается вышеуказаннымъ устройствомъ и, дѣйствительно, оказывается, что для испаренія 1 литра жидкаго воздуха, хранящагося въ такихъ бутылкахъ, требуется около 2-хъ недѣль. Отсутствіе же герметической укупорки также очень полезно,

такъ какъ герметически закрытыя бутылки при переходѣ жидкаго воздуха въ газообразное состояніе неизбѣжно должны были бы быть разорваны.

Для перевозки эти бьющіяся бутылки заключаются въ особыя проволочныя корзины, мягкія изнутри.

Получается жидкій воздухъ по способу Линдена, причемъ кило обходится приблизительно въ 10 пфениговъ.

Какое практическое примѣненіе можетъ имѣть жидкій воздухъ? Для охлажденія комнатъ, кладовыхъ и другихъ помѣщеній лѣтомъ; какъ движущая сила въ локомотивахъ и автомобиляхъ и т. д. — вотъ въ какомъ направленіи начнетъ работать фантазія однихъ, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ. Другимъ, болѣе пессимистически настроеннымъ, начать мерещиться новые миллиарды расходовъ на перевооруженіе, такъ какъ жидкій воздухъ замѣнитъ порохъ и т. д. Но на это и тѣмъ, и другимъ можно отвѣтить, что область примѣненія жидкаго воздуха должна быть еще найдена. Для охлажденія помѣщеній онъ не найдетъ примѣненія, такъ какъ обыкновенныя холодильныя машины работаютъ въ 40—50 разъ дешевле. Онъ можетъ быть полезенъ только тамъ, гдѣ для промышленныхъ

Сосудъ для жидкаго воздуха закрытый и открытый.

и научныхъ цѣлей нужно получить температуры ниже 50°. Также можетъ онъ быть примѣненъ для быстрого охлажденія напитковъ.

Что можно ожидать отъ примѣненія его въ медицину, пока трудно сказать. Надежды, возлагавшіяся на него, какъ на дезинфицирующее средство, не оправдались, такъ какъ оказалось, что даже недѣльное пребываніе въ жидкомъ воздухѣ не убиваетъ бактерій. Такъ же мало обѣщаетъ и примѣненіе его, какъ движущей силы.

Хотя американецъ Триплеръ и изобрѣлъ двигатель, развивающій будто бы при помощи 3-хъ галлоновъ жидкаго воздуха энергію, достаточную для полученія 7-ми галлоновъ жидкаго воздуха (какое-то сверхъ-регрессивное mobile!), однако, практическихъ результатовъ онъ не добился никакихъ. Въ дѣйствительности же только незначительный процентъ энергіи, ушедшей на ожигеніе газа, можетъ быть снова превращенъ въ работу. Поэтому и здѣсь примѣненіе жидкаго воздуха ограничивается только тѣми случаями, гдѣ расходы не играютъ большой роли, какъ, напр., для дви-

женія торпедъ, при водолазныхъ работахъ, для управленія воздушными шарами и т. п.

Можно ожидать практическихъ результатовъ отъ использованія большого количества кислорода, содержащагося въ жидкомъ воздухѣ. Онъ, напр., могъ бы быть примѣненъ для движенія керосиномоторовъ, которые могли бы значительно выиграть въ вѣсѣ и объемѣ. Какъ взрывчатое вещество, онъ можетъ быть использованъ въ горномъ дѣлѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ возлагали большія надежды на «Oxyluquit», смѣсь древеснаго угля, петролеума, кремнистаго туфа и жидкаго воздуха. Но, какъ показали опыты при прорытіи Симплонскаго туннеля, работы съ нимъ очень опасны: жидкій воздухъ быстро испарился и, благодаря неполному сгоранію угля, развивалась вредная для здоровья окись углерода.

Если, такимъ образомъ, не оправдались надежды, возлагавшіяся на обиходное примѣненіе дешеваго жидкаго воздуха, то надо все же полагать, что откроются другія области, гдѣ онъ съ пользой сможетъ быть примѣненъ.

Трудно, конечно, что бы то ни было предсказывать, но исторія открытій (алюминій, электричество, локомотивы, лучи Рентгена и др.) учитъ насъ, что люди не сразу, но постепенно постигаютъ пользу всякаго открытія и научаются примѣнять ихъ для тѣхъ или другихъ цѣлей своего обихода.

Такой взглядъ на примѣнимость жидкаго воздуха къ практическимъ цѣлямъ не вѣрми раздѣляется. Двѣ американскія компаніи уже занимаются изготовленіемъ автомобилей, приводимыхъ въ движеніе жидкимъ воздухомъ. Синдикатъ Пиктэ обѣщаетъ при помощи дешеваго кислорода доставлять гораздо болѣе дешевое освѣщеніе, чѣмъ электричество (1 часъ 250—300 свѣчей обойдется около $\frac{1}{4}$ коп.). Дешевый кислородъ послужитъ для дезинфекціи помѣщеній, очистки большихъ количествъ воды; будетъ употребляться въ широкихъ размѣрахъ въ больницахъ, гдѣ до сихъ поръ вдыханіе кислорода, являющагося средствомъ облегченія нѣкоторыхъ тяжелыхъ недуговъ, примѣнялось съ большою экономіею. Съ другой стороны, дешевое добываніе азота, представляющаго важный продуктъ питанія растеній, можетъ принести пользу въ сельскомъ хозяйствѣ. Наконецъ, жидкій воздухъ употребляется въ госпиталяхъ какъ мѣстное обезболивающее средство при нѣкоторыхъ операціяхъ.

Тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться, что область примѣненія жидкаго воздуха пока еще очень узка, и расширеніе ея дѣло будущаго.

Г-ну П—ву, въ С.-Петербургѣ.—Вы говорите, что для Васъ важно, чтобы о Вашей брошюрѣ былъ помѣщенъ въ «Вѣст. Зн.» отзывъ, на который хотѣли бы получить возможность отвѣтить въ нашемъ же журналѣ. «Если же Вы почему-либо найдете неудобнымъ помѣщать мою защиту, какъ это дѣлаютъ другіе, то я и противъ этого ничего не имѣю, потому что такъ было во всѣ времена у всѣхъ народовъ (когда власть попала въ руки печати), былъ бы лишь отзывъ. Этотъ отзывъ будетъ характеристикой *современныхъ ученыхъ*». Далѣе Вы говорите о томъ, что можете отвѣтить на отзывъ брошюрой и приводите Вашъ ненапечатанный отвѣтъ одному журналу. Изъ Вашихъ словъ видно, что Вы находите свой отвѣтъ очень сильнымъ.

Не имѣя возможности, не прочитавъ Вашей брошюры, отвѣтить по существу (брошюра будетъ передана другому ученому, голосъ котораго, какъ лица рѣдкой добросовѣстности и глубокихъ познаній, будетъ для насъ имѣть рѣшающее значеніе),—считаемъ необходимымъ обратить Ваше вниманіе на значеніе рецензій. По нашему мнѣнію, можно давать отзывы только о книгахъ, заслуживающихъ вниманія въ томъ или иномъ отношеніи. Не всегда это вниманіе вызывается достоинствами книги, часто вопіющіе недостатки ея заставляютъ *предостеречь* отъ ея приобрѣтенія. Ваша брошюра, если бы оказалась, съ научной точки зрѣнія, не выдерживающей критики и не заслуживающей *вниманія*, врядъ ли можетъ тогда рассчитывать на отзывъ: вреда она принести не можетъ, а польза ея въ такомъ случаѣ «проблематична»... Во всякомъ случаѣ, Вы можете рассчитывать на отношеніе вполне добросовѣстное, чуждое всякаго пристрастія.

Подписчикамъ, спрашивающимъ, *продолжаетъ ли выходить журналъ «Вѣсти и библиот. самообразованія»*. Насколько намъ извѣстно, петербургскіе подписчики получаютъ этотъ журналъ.

Подписчикамъ, спрашивающимъ о журналахъ «Живописное Обозрѣніе» и «Самообразование».—Эти журналы прекратили свои существованіе, о чемъ уже не разъ сообщалось.

Подписчику № 2272.—Ваше замѣчаніе относительно большого числа объявленій «въ ущербъ содержанію» безусловно несправедливо. Объявленій нашъ журналъ не имѣетъ вовсе и не гонится за ними; даже такъ называемыхъ обмѣнныхъ, т. е. бесплатныхъ объявленій, у насъ меньше, чѣмъ въ другихъ журналахъ. Вы рекомендуете печатать объявленія «отдѣльными тетрадками», такъ какъ, по Вашимъ словамъ, мы беремъ «денежки и немалыя»... Позвольте Вамъ замѣтить, что за «отдѣльныя тетрадки» почта беретъ плату съ каждаго лота, и Вашъ совѣтъ показываетъ, насколько Вы малокомпетентны въ такого рода вопросахъ. Впро-

чемъ, все это неважно. Гораздо хуже, что Вы находите возможнымъ обвинять насъ въ помѣщеніи объявленій *въ ущербъ* содержанію. Пробовали-ли Вы сравнивать количество даваемого нами матеріала съ тѣмъ, что даютъ другіе ежемѣсячники? Навѣрно, нѣтъ, потому что иначе Вы бы не обвинили насъ въ скупости: вѣдь нѣкоторые листы имѣютъ у насъ, вмѣсто обычныхъ 35 тысячъ буквъ—75 тысячъ. А число листовъ съ приложеніями въ общемъ у насъ, тоже больше, чѣмъ въ другихъ журналахъ. Нѣтъ, стыдно Вамъ! Вы единственный подписчикъ, который сдѣлалъ подобное заявленіе. Къ счастью, другіе, понимая, насколько много мы даемъ, напротивъ, совѣтуютъ намъ «не баловать публику, которая часто не умѣетъ оцѣнить...» Но одно уже это предостереженіе, въ связи съ постоянными выраженіями симпатіи и благодарности, показываетъ, что опасенія нашихъ друзей неосновательны, и „насъ оцѣнять“.

Подписчикамъ, выражающимъ сожалѣніе относительно неаккуратности выхода книжекъ.—Къ сожалѣнію, мы должны признать печальный фактъ запаздыванія книжекъ. Но оно зависитъ не отъ одной редакціи, которая не можетъ принять на себя ответственности за это. Мы стараемся нагнать упущенный срокъ и съ этою цѣлью даже перемѣнили типографію, такъ какъ прежняя не могла справиться съ независимыми отъ редакціи задержками и вызываемою ими поспѣшностью работы... Надѣмся скоро справиться съ затрудненіями.

В. П. Ермакову.—Относительно журнала «полибибліонъ» точныхъ свѣдѣній не имѣемъ.

Благодаримъ за сочувствіе.

Списокъ книгъ, присланныхъ въ редакцію для отзыва.

Aleksander Puszkín. Eugeniusz Oniegin, Przekład L. Belmonta.

С. Васюковъ. Край гордой красоты. Изд. Девріена. Ц. 2 р.

В. П. Миллеръ. Акваріумъ. Изд. Девріена. Ц. 1 р. 35 к.

Фельдшерскій сборникъ. Изд. „Медицинскаго Журнала“.

В. Сиверсъ. Всемирная географія. Африка. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе“.

Гюфманъ. Радій и его лучи. Переводъ подъ ред. проф. *Бормана.* Ц. 70 к.

Указатель изданій министерствъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Рядъ историческихъ романовъ, подъ ред. проф. Трачевскаго. Струэнзе и Брандтъ. Изд. картогр. зав. А. Ильина. Ц. 1 р. 25 к.

Русская Высшая Школа. общественныхъ наукъ въ Парижѣ Ц. 1 фр.

А. Шумахеръ. Императоръ Александръ II.

О. В. Маркграфъ. Русскій зоопромышленный паркъ. Изд. минист. земл. и госуд. имущ.

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко. Болотные огни. Ром. въ двухъ частяхъ. Изданіе Сойкина. Ц. 1 р. 50 к.

Ан. Ан. Радцигъ. Финансовая политика Россіи Ц. 2 р.

